

всепирная история в романах

Виталий ГЛАДКИЙ

СКРИЖАЛЬ ТОТА

Виталий Дмитриевич Гладкий Скрижаль Тота. Хорт – сын викинга (сборник)

Серия «Всемирная история в романах»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48517250

Скрижаль Тота; Хорт – сын викинга: романы / Виталий Гладкий: Вече;

Москва; 2019

ISBN 978-5-4484-8033-1

Аннотация

В конце X века двое рыцарей в сопровождении оруженосца и пажа отправляются на поиски «Изумрудной скрижали», на которой, по легенде, был вырезан алхимический рецепт «философского камня». Этот артефакт в виде огромного изумруда был создан в Древнем Египте по заказу его жреца – правителя Тота.

Сумеют ли храбрые рыцари и их юные помощники найти сокровище и разбогатеть в конце своего опасного приключения?

...

Содержание

Об авторе	5
Скрижаль Тота	10
Глава 1. Вор	10
Digressio[9] I. Писец богов	34
Глава 2. Скупщик краденого	46
Глава 3. Хаго	77
Digressio II. Битва	103
Глава 4. Раубриттер	123
Глава 5. Путь в кремону	156
Digressio III. Ахет	178
Глава 6. Меняла	191
Глава 7. Хитрый замысел	213
Digressio IV. Дом Жизни	234
Конец ознакомительного фрагмента.	237

**Виталий
Дмитриевич Гладкий
Скрижаль Тота.
Хорт – сын викинга**

© Гладкий В.Д., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2019

Об авторе

Виталий Дмитриевич Гладкий родился 26 апреля 1947 года в селе Ярошовка на Сумщине (Украина) в казачьей семье. Он прямой потомок последнего кошевого атамана Задунай-

ской Сечи и наказного атамана Азовского казачества Йосипа Гладкого. Отец, Дмитрий Николаевич, прошел Великую Отечественную войну от ее начала и до Победы. Ранения и перенесенные им тяготы военного времени не дали ему дожить до своего века. Он умер в 1955 году, на тридцать восьмом году жизни, оставив на руках жены, Екатерины Григорьевны, восьмилетнего сына и двухмесячную дочь.

Война вообще оставила на семье В. Гладкого глубокие, кровоточащие зарубки. И не только Вторая мировая, но и Первая, 1914 года. Перед самой революцией в разведывательном поиске погиб прадед, гренадер-пластун, георгиевский кавалер. А в 1945 году погиб дед по материнской линии.

К труду Виталий Дмитриевич приобщился рано. Сначала пас общественное стадо, затем колхозных лошадей, а в двенадцать лет уже работал наравне со взрослыми: косил сено, возил зерно телегами на ток, строил дом и даже был помощником комбайнера.

Учился в основном на «отлично». По окончании восьми классов (1961) поступил в Глинский индустриальный техникум, который окончил спустя пять лет с дипломом техника-горняка. Затем поступил на вечернее отделение Донецкого политехнического института. Защитив диплом, ушел в армию. Служил авиационным техником в Красноярском крае.

Отслужив свой срок, вернулся в Донецк. В 1973–1978 годах трудился на заводах Донбасса, пока не уехал на Колы-

му. Кто был на Крайнем Севере, тот никогда не забудет этот период своей жизни. Суровая природа не любит изнеженных обывателей. А Виталий Дмитриевич к таким и не принадлежал, поэтому прижился на Колыме легко и безболезненно. Работал газосварщиком на заводе по ремонту бульдозеров в городе Сусумане, штукатуром-маляром, плотником, бетонщиком, трудился в старательской артели, работал художником-оформителем и охотником-промысловиком. Строил мосты, промышленял белку и горностая, оформлял интерьеры ресторанов и кафе, мыл золото... Пробыл он в районах Крайнего Севера восемь с половиной лет.

Свою писательскую деятельность начал на Колыме в 1979 году. Первый его рассказ назывался «Колымская быль». Он был напечатан в районной газете «Горняк Севера». Позже, уже по приезде домой, в московском издательстве «Молодая гвардия» был издан сборник рассказов В. Гладкого о Крайнем Севере под названием «Жестокая охота». Большею частью это автобиографические повествования о его приключениях в колымской тайге, пропущенные через жернова писательского восприятия. У Виталия Дмитриевича трое детей – сын и две дочери.

В 1980 году в областной газете «Магаданский комсомолец» выходит первая повесть Виталия Дмитриевича под названием «Оборотни», через год там же публикуется повесть «По следу змеи», потом в течение последующих двух лет выходят в свет повести «Плацдарм», «Золотая паутина», роман

«Архивных сведений не имеется». Все эти вещи печатались в периодике, в журналах «Искатель», «Советская милиция», в «Воениздате» (серия «Сокол»), в различных сборниках и в дальнем зарубежье. В своих произведениях Виталий Дмитриевич часто описывает единоборства и прочие штуки подобного рода. И это вовсе не случайно. Спорт в юности был частью его жизни. Он занимался боксом, вольной борьбой, каратэ, был хорошим стрелком. Острый, динамичный сюжет и тщательно выписанные характеры героев – главная отличительная черта романов В. Гладкого.

По возвращении из районов Крайнего Севера долгое время возглавлял издательство «Отечество». Виталий Дмитриевич основал всеукраинскую литературную премию имени М. Старицкого за лучший исторический роман. Он и сам лауреат премии имени В. Короленко. Издано свыше пятидесяти романов В. Гладкого, общий тираж которых вышел за пределы 8 миллионов.

Виталия Дмитриевича всегда привлекала историческая тематика. Он является автором трех энциклопедических словарей: «Древний мир» (1997), «Славянский мир» (2001) и «Словарь нумизмата» (2006). Кроме того, им написано девятнадцать исторических и историко-приключенческих романов. И первым из них был «Меч Вайу», роман о скифах, над которым, как ни удивительно, он начал работать в семнадцать лет.

Избранная библиография В.Д. Гладкого:

«По следу змеи» (1988)

«Меч Вайу» (1997)

«Басилевс» (1997)

«Тайна розенкрейцеров» (2004)

«Ушкуйники» (2012)

«Ассасины» (2012)

«Тень Торквемады» (2012)

Скрижаль Тота

Я, Тот-Атлант, господин таинств, хранитель анналов, могущественный владыка, маг, живущий из поколения в поколение, в преддверии ухода в Залы Аменты, дабы указать путь для тех, кто придет после, передаю эти летописи могущественной мудрости Великого Атланта...

Изумрудная скрижаль

Глава 1. Вор

Ранним утром 2 мая 968 года в город Аахен, древнюю резиденцию франкских королей, а ныне престольный город императора Священной Римской империи Оттона I, где находился его главный замок – кёнигспфальц, въехал на вороном коне красивый мужчина лет тридцати в скромной одежде бывалого путешественника. Его длинный темный плащ был забрызган грязью, у пояса висел внушительного вида меч, широкополая шляпа с фазаньим пером была надвинута на брови, а высокие сапоги украшали дорогие рыцарские шпоры. Впрочем, их можно было купить в лавке любого оружейника, да и не похоже, что этот человек носил рыцарское звание – хотя бы потому, что путешествовал в одиночестве, без оруженосца.

Конечно, в Священной Римской империи обедневших и нередко безземельных рыцарей было много, но не до такой степени. Оруженосец для рыцаря, что пес для охотника. Без него никак. Но то, что всаднику хорошо знаком ратный труд, не вызывало ни малейших сомнений. Это сразу поняли стражники у городских ворот, бывалые воины, которые с почтением поприветствовали незнакомца. Рыбак рыбака видит издалека, гласит известная поговорка. От путника исходили уверенность в своих силах и внутренняя мощь, присутствующие только много повидавшим на своем веку солдатам-ветеранам.

Миновав пост у ворот – небольшую будочку, из окошка которой выглядывала заспанная физиономия начальника ночной стражи, – всадник неторопливо поехал по вымощенной булыжником улице, направляясь в центр города. Но прежде ему нужно было миновать еще одни ворота.

Аахен имел две крепостные стены: внутреннюю – с десятью башнями и с таким же количеством ворот, и внешнюю – вдвое длиннее внутренней, которая имела четверо ворот. Перед внутренней стеной располагался глубокий ров, через который был перекинут подъемный мост. Копыта коня отстукали дробь по деревянному настилу, но страж, дремавший стоя, опершись о копьё, даже не шевельнулся.

Путник меланхолично улыбнулся; ему хорошо было знакомо это состояние полудремы, полубодствования в утренние часы, когда стоишь в карауле. Конечно же, стражник

услышал стук копыт, и даже определил, что конь добрый, явно не крестьянская кляча. Но всадник не нес угрозы, солдат почувствовал это интуитивно, и не стал тратить усилие на то, чтобы поднять веки.

Город просыпался. В сторону рынков потянулись тяжело нагруженные повозки, торопливо шагали слуги богатых граждан Аахена и домохозяйки из простонародья, которые спешили добраться до прилавков пораньше, потому как ранним утром цены были ниже. Рынков было несколько; они окружали величественный восьмиугольный собор с золоченым куполом. Его построил король франков Карл Великий, по имени которого правящая императорская династия получила название Каролингов.

Завоевав Лангобардское королевство, Карл был поражен мраморными дворцами, прекрасными соборами и театрами. Самые богатые города королевства франков – Регенсбург и Франкфурт – даже отдаленно не могли сравниться с великолепием лангобардского Милана. У Карла появилась мечта создать новый Рим с великолепным королевским пфальцем¹,

¹ Пфальц – дворец; в средневековой Священной Римской империи не было постоянного столичного города. Император, разъезжая по государственным делам, жил то в одном, то в другом дворце. В пфальце он проводил хофтаги, рейхстаги, празднования больших церковных праздников и т. д. Пфальцы располагались примерно в 30 км друг от друга (расстояние однодневного переезда на лошадей) и представляли собой комплекс из замка, в котором находились дворец, капелла, конюшня и другие сооружения, необходимые для пребывания многочисленной королевской свиты, а также поместье (гутсхоф), обеспечивающее придворных продуктами питания.

соборами, библиотеками, музеями и зоопарком. После долгих раздумий местом королевской резиденции был избран город Аахен, в котором располагалось любимое поместье отца короля – Пипина Короткого.

Карл подошел к созданию новой столицы, как к военному походу: разослал по всей стране гонцов, которые рекрутировали обещаниями хорошего заработка, а то и силой каменщиков, столяров, художников, скульпторов... В качестве чернорабочих использовались захваченные в войнах пленники. Дворцовый комплекс занимал большое пространство. Кроме жилых покоев, парадных залов в него входили библиотека, архив, ратуша, школа и два огромных бассейна – открытый летний и крытый зимний.

Прообразом великолепного Аахенского собора послужили дворцовые сооружения в Риме и Константинополе. В одном сооружении были соединены тронный зал и собственно дворцовая часовня. Собор служил хранилищем важнейших государственных и церковных реликвий и трибуной, с которой император обращался к подданным. В атриум – внутреннем дворе, примыкавшем к собору с запада, – могло поместиться до семи тысяч человек. Здесь короновались германские императоры. Собор служил также императорской усыпальницей. Строителем дворцовой часовни был знаменитый зодчий Одо из Metz, которого вдохновила церковь Сан Витале в Равенне.

Ядром базилики стала капелла необыкновенной красоты.

Ее украсили серебром, золотом, мозаикой и великолепными светильниками. Ворота и решетки были выполнены из бронзы, а мрамор и колонны доставили из Равенны и Рима. Высота капеллы составляла порядка шестидесяти пяти локтей, нижний этаж о шестнадцати гранях символизировал собой землю, а восьмигранный верхний, с куполом, который поддерживался восемью столбами, олицетворял небо.

Напротив алтаря располагается императорский трон, а в куполе – мозаика, на которой изображен Спаситель, и тоже восседающий на троне. Христа окружали двадцать четыре старца и изображались символы четырех евангелистов. Матфей – человек, Марк – орел, Лука – вол, Иоанн – лев.

Еще при жизни Карла в капелле были собраны важнейшие христианские реликвии: покров Пресвятой Девы, пеленки младенца Иисуса, набедренная повязка Христа на кресте и ткань, на которой лежала голова Иоанна Крестителя после его казни.

Карлу Великому удалось превратить Аахен в один из важнейших культурных центров Европы. Большинство священников и дворян были тогда неграмотными, не говоря уже о простом народе. Сам Карл только-только начал учить латынь, едва понимал греческий язык, а писать вообще почти не умел. Поэтому он начал с себя, пригласив учителей по грамматике, риторике, диалектике, латыни, геометрии, арифметике, музыке и астрономии.

Неизвестно, как давались Карлу все эти премудрости, но

своим детям он сумел дать очень неплохое образование. В Аахене Карл основал так называемую Палатинскую школу для дворянских отпрысков. Правда, их трудно было убедить, что сидеть за книгами не менее интересно, чем охотиться. Тогда по приказу императора были введены наказания розгами для нерадивых.

Из военных походов Карл привозил в качестве трофеев огромное количество книг, которые составили библиотечный фонд. По распоряжению Карла стало готовиться новое издание Библии. Старые никуда не годились – накопилось много разночтений и ошибок из-за неаккуратности и необразованности переписчиков.

Карл Великий переписывался с багдадским халифом, который прислал императору в подарок огромные водяные часы и белого слона. Монахи из Иерусалима привезли святые реликвии, а папа римский отмечал здесь Рождество... Карл наслаждался жизнью в Аахене, близостью семьи и друзей, музыкальными вечерами и умными беседами.

«Да, император был поистине велик... – Путник с восхищением разглядывал собор. – Но и нынешний, Оттон, тоже хорош... – Тут он криво ухмыльнулся. – Так лихо разделаться с самим папой не каждому дано. Славные были денечки, хорошо погуляли...»

Когда в 962 году после торжественной встречи папа вручил Оттону императорскую корону в церкви Святого Петра, тот обещал вернуть прежние церковные владения пап.

Сближение с папой было необходимо императору, поскольку он хотел осуществить много важных замыслов, в том числе возвести Магдебург в архиепископство и учредить епископство в Мерзебурге.

Но согласие с папой продолжалось недолго. Могущество императорской власти в руках Оттона представляло ощутимую силу, и порочному слабому Иоанну XII это не нравилось. Он стал общаться с маркграфом² Беренгаром, затевая заговор против Оттона. Потом принял у себя в Риме сына Беренгара Адальберта, бежавшего к арабам. Но в ноябре 963 года император появился в Риме как победитель и взял с населения клятву, что на будущее время оно никогда не избрет папу и не допустит посвящения его в этот сан, не испросив на то согласия императора.

Тут же он применил свою власть, созвав местный собор для суда над папой Иоанном XII и председательствуя на нем. В обвинительном акте был приведен длинный ряд прегрешений, которыми папа опозорил престол Святого Петра. Он был смещен, и на его место избран папа Лев VIII.

Конечно, не обошлось без смут и волнений, в которых деятельное участие принимал Беренгар и его супруга Вилла, но в 963 году они попали в плен к Оттону и были отправлены

² Маркграф – в раннем Средневековье в Западной Европе должностное лицо в подчинении короля, наделенное широкими административными, военными и судебными полномочиями в марке (округе). На своих территориях маркграф обладал властью уровня герцога за единственным исключением – во время военных походов он следовал за герцогским знаменем.

в ссылку в далекий Бамберг. Папа Иоанн еще раз попытался силой вернуть себе власть, однако скоропостижно скончался от удара. Его партия в Риме решила по-прежнему самовольно избрать папу, но Оттон не допустил этого, вторично вступив в Рим победителем и восстановив Льва VIII на папском престоле в 964 году.

Путник миновал Рыбный рынок и направился к двухэтажному строению с коновязью. Над входом в здание висел большой венок, сплетенный из веток можжевельника, обозначающий, что внутри, на первом этаже, находится питейное заведение – таверна. Но путника больше интересовал второй этаж, где, по его разумению, располагались комнаты для приезжих. Что это так, подтверждали несколько невзрачных лошадок у коновязи, нехотя жевавших отвратительное на вид сено. Похоже, им не хватило места на конюшне, а хозяин заведения был еще тем скопидомом. Сено явно было прошлогодним и стоило сущий мизер.

Постоялый двор назывался не без претензии на известность – «Экс-ля-Шапель». Аахен имел три названия: второе (голландское) – Акен, а третье (французское) ушлый хозяин использовал как наименование своего заведения.

– Эй, кто там! – громко позвал путник, привязывая коня к длинной толстой жерди.

На его зов появился заспанный малец лет десяти от роду. Он усиленно тер осоловелые глаза и шмыгал носом. Судя по закопченной физиономии и давно нечесаным волосам, в

которых запутались соломинки и сенная труха, мальчик был истопником и спал на сеновале.

– Коня напоить и накормить! – приказал путник. – И поставить в конюшню. Вода должна быть чистой и свежей, а вместо этой дряни, – он указал на охапку сена, – ты прине-сешь отборного овса. Понял? Бегом! Я подожду, чтобы убе-диться, насколько точно ты исполнишь мой приказ.

– Но, господин... – испуганно пискнул малец. – Хозяин не велел давать коням овес.

– Твой хозяин жмот и выжига! Держи! – Путник бро-сил мальчику серебряный пфенниг³, и монетка исчезла в его грязной ладошке с такой быстротой, будто ее и не было во-все. – А с хозяином я договорюсь.

Мальчик бросил опасливый взгляд на подслеповатое окошко таверны, явно опасаясь, что хозяин наблюдает за ним, и шустро скрылся в глубине двора. Там находился ко-лодец, конюшня, предназначенная для лошадей высокород-ных господ и военных, и разные служебные помещения.

Спустя недолгое время конь с удовольствием пил чистую воду из деревянной бадьи, которую недавно достали из ко-лодца, судя по ее мокрым бокам, а путник придирчиво рас-

³ Пфенниг – германоязычное обозначение денария (вес 1, 705 г серебра, по-ловина римского денария). Соотношение, заложенное при Карле Великом (1 фунт равен 20 шиллингам [солидам] и равен 240 денариям), сохранялось века-ми. Шиллинг и фунт долгое время оставались счетными и весовыми единицами; реальных монет данного номинала не выпускали. В указанное время в обороте находились лишь пфенниги, пока в конце XII в. не появился грош.

смастривал содержимое торбы. Овес был ядреный, без посторонних примесей, и он ласково потрепал вихры мальчишки.

Дождавшись, пока конь утолит жажду, путник повесил ему на шею торбу с овсом и направился в таверну. А мальчик повел коня во двор, к конюшне.

В этот ранний час питейное заведение пустовало. Лишь за стойкой дремал толстый бюргер в изрядно потертом кожаном переднике. При виде посетителя он оживился и изобразил приветливую улыбку до ушей, от которой на сто шагов несло фальшью.

– Мне нужна комната! – заявил путник, когда они обменялись приветствиями и когда он узнал, что толстяк – хозяин постоялого двора и таверны.

Толстяк замялся, а затем ответил, изобразив на своей пухлой физиономии искреннее сожаление:

– Мессир, это никак невозможно...

– Почему? – Путник грозно сдвинул густые черные брови.

– Видите ли, дело в том, что свободных комнат на одного человека у нас раз, два и обчелся, и почти все они заняты. А остальные – общие, где спят вповалку...

– Почти все заняты? Ты хочешь сказать, что...

– Именно так, мессир! – торопливой скороговоркой произнес хозяин постоялого двора; немного поколебавшись, он все же продолжил: – Простите, но осталась всего одна комната, но она предназначена для важного господина, который вскоре должен прибыть...

– Мин хаусхерр!⁴ Меня не волнуют твои проблемы! К дьяволу их! – Путник возвысил голос, и его бас заполнил все помещение таверны. – Держи! – Он бросил на стойку золотой безант⁵. – Это за постой и еду. Но перед обедом я немного вздремну.

Хозяин постоялого двора оказался не менее шустрым, нежели его юный слуга. Он мигом накрыл монету ладонью и достал из кармана передника массивный ключ.

– Ханси! – позвал он мальчика, который со странным интересом наблюдал за ними из приоткрытой кухонной двери. – Проводи господина в его комнату!

– С моей лошади нужно снять седло и хорошо ее почистить, – уже миролюбиво сказал путник и начал подниматься по скрипучей лестнице.

– Будет сделано, мессир! – услышал он в ответ.

Комната оказалась вполне симпатичной. На полу даже лежал пестрый восточный коврик. Не исключено, что хитроумный хозяин постоялого двора приберегал ее только для очень состоятельных путешественников, если судить по новой мебели и чистой постели с горой подушек, что по тем временам было для подобных заведений верхом шика. Путник наскоро ополоснул лицо и руки из медного кувшина, мельком бросил взгляд на ночной горшок вычурной формы,

⁴ Мин хаусхерр – хозяин (*нем.*).

⁵ Безант, номисма – золотой солид весом 4,55 г, византийская монета, ходившая в Западной Европе до сер. XIII века; 1 безант равен 12 пфенningам.

запер входную дверь на ключ, – на целых три оборота, открыл узкое зарешеченное окно (в комнате было душновато), при этом подивившись, зачем такие предосторожности на втором этаже здания, и, не раздеваясь, упал на кровать.

Уснул он практически мгновенно, очень крепким сном. Похоже, дальняя дорога вымотала его до предела. И конечно же, новый постоялец не мог ни слышать, ни видеть, как спустя час, в тот самый момент, когда ему снился какой-то сладкий сон (судя по счастливой улыбке на суровом лице), в окно, которое из-за своей узости больше было похоже на бойницу, проскользнула гибкая фигурка мальчишки. Он был несколько старше слуги хозяина «Экс-ля-Шапель», одет в плотную, облегающую тело одежду, и спустился с крыши – за окном болтался конец веревки.

Некоторое время мальчик прислушивался к ровному дыханию спящего постояльца «Экс-ля-Шапели», а затем неслышным кошачьим шагом прошелся по комнате, при этом держа правую руку на рукояти длинного ножа, спрятанного под полой изрядно потрепанного дублета⁶.

Увидев в углу комнаты багаж путника, мальчик (явно ворюшка) быстро обследовал содержимое переметной сумы и беззвучно выругался сквозь крепко стиснутые зубы. Кроме изрядно поношенной одежды и кожаного футляра, в кото-

⁶ Дублет – мужская верхняя одежда, камзол. Первый образец одежды, который плотно сидел на теле. Первые дублеты были до середины бедра, позже они стали укорачиваться.

ром обычно хранились важные бумаги, ничего ценного там не оказалось.

Тогда он подошел к кровати с намерением срезать кошелек с деньгами, путешественники цепляли его спереди, к поясу, – и расплачиваться удобно при совершении покупок или в таверне, и не очень надежное (особенно в рыночной толчее) хранилище монет на виду, под рукой.

Однако такие предосторожности нередко оказывались тщетными. После многочисленных войн Аахен, номинальную столицу Священной Римской империи, наводнили разные лихие людишки – от ловких воров и мошенников до кровожадных разбойников и грабителей.

Днем они разыгрывали из себя добропорядочных граждан, а в темное время суток становились угрозой для бюргеров и путешественников, которым не удалось найти себе пристанище на одном из постоялых дворов под защитой ночной стражи.

Увидев, в какой позе спит постоялец «Экс-ля-Шапели», воришка огорченно вздохнул – тот лежал ничком, подмяв под себя тяжелый кошелек, набитый монетами, как уверял его Ханси. Юный слуга хозяина постоялого двора подрабатывал соглядатаем шайки воров, получая за свои услуги не очень щедрое денежное вознаграждение.

Мальчик некоторое время стоял над спящим мужчиной, прислушиваясь к его ровному дыханию, затем осторожно попытался просунуть руку между постелью и телом путника,

но тот был крепко сбит, довольно грузен, и уловка не удалась. А перевернуть постояльца на спину воришка не решился из-за боязни, что тот проснется.

Это грозило мальчику гибелью: судя по всему, мужчина немало повоевал, а у солдата сон чуток, к тому же рядом с постояльцем лежал на постели его меч. Значит, путник всегда находился настороже, опасаясь за свою жизнь, и был готов в любой момент нанести мгновенный разящий удар, не разбирая, кто перед ним, и не спрашивая, что ему нужно.

Впрочем, практически каждый путешественник, тем более – богатый, в любой момент мог предстать перед Творцом всего сущего; разбойники и грабители, опасаясь разоблачения, редко кого отпускали подобру-поздорову.

Снова покопавшись в переметных сумках, юный воришка опять тяжело завздыхал и взял в руки футляр. Он уже знал, что там лежали пергаментные листки, испещренные непонятными знаками, но они не представляли для него никакой ценности, хотя явно были старинными (в этом юный воришка знал толк).

Пергамент был просто превосходным – мягким и тонким; его выделка представляла собой своего рода совершенство. Но и это еще не все – он был черным, а текст написан золотыми буквами! Вернее, письменами, больше напоминающими детские каракули и рисунки, нежели латинский шрифт.

Наверное, знающие люди могли бы заплатить за старинную рукопись большие деньги, да где таких состоятельных

умников найдешь в Аахене? Разве что отнести в императорское книгохранилище, дабы предложить ворованную находку придворному библиотекарю. Вот только оттуда ему будет в лучшем случае прямой путь в темницу, а в худшем – на эшафот.

Двенадцать лет не помеха для судебных крючкотворов огласить обвинительный приговор ребенку. И палачу все равно, на какую шею примерять пеньковую веревку с петлей на одном конце, – на толстую, бычью, какого-нибудь разбойника, или на шейку юного воришки, тонкую, словно цыплячья ножка.

Однако сам футляр вполне можно сбыть за хорошую цену. Его изготовили из толстой бычьей кожи с тиснением, а горловину и крышку отделали серебряной сканью и чеканными ободками. В общем, футляр показался мальчишке не только дорогим, но и красивым, а скупщик краденого, херр Альдульф, падок на подобные вещицы.

Бросив прощальный взгляд на безмятежно почивавшего постояльца «Экс-ля-Шапели», юный воришка бесшумно вылез в окно, шустро, как белка, поднялся по веревке, снабженной узлами, на чердак, откуда, перебравшись на крышу соседнего здания, преспокойно спустился по припасенной загодя веревке с узлами в узкий грязный переулок, и был таков...

Путник проснулся, когда солнце уже перевалило за полуденную черту. Спустившись в таверну, он резко потребо-

вал у толстого, как винная бочка, хозяина (которого аахенцы прозвали Жирная Гузка; на самом деле его имя было Гаро):

– Обед, милейший! Почему раньше меня не разбудили?

– Простите, мессир, но на этот счет не было никаких указаний...

– Ладно... – пробурчал путник, усаживаясь за отдельный стол, который находился в дальнем углу таверны. – Я голоден как волк! Что там у тебя есть? Мечи все на стол!

– Всенепременно!

Гаро исчез на кухне, откуда вскоре появился давешний мальчик, который начал носить разнообразную еду. В качестве выпивки постояльцу было предложено превосходное пиво, гордость «Экс-ля-Шапели». Его варил сам хозяин заведения по старому дедовскому рецепту. Три кружки этого напитка могли сшибить с ног даже лошадь.

Из еды юный слуга принес кашу из подслащенной медом пшеничной муки и свежего молока, цельного каплуна, жаренного на вертеле, и свежее испеченные пироги с рыбной начинкой. Мужчина остался доволен – такую кашу подавали только высокородным господам.

Простолюдины ели овсянку, приготовленную на пахте, а купцам и монахам полагалась каша из перловой крупы и молока. Поданную мальчиком кашу пришлось резать ножом – она была твердой, как кирпич-сырец, тем не менее на вкус оказалась превосходной.

Каплун тоже был выше всяких похвал. Обычно жареное

мясо доваривали в бульоне, в том числе и куриное, и при такой обработке оно теряло не только свою аппетитную хрустящую корочку, но и вкус.

Однако кухня Жирной Гузки, похоже, несколько отличалась от других заведений подобного рода. Каплун источал умопомрачительные запахи, от которых потекли слюнки, светился приятной румянностью и его только что сняли с вертела. Видимо, папаша Гаро любил экспериментировать – для привлечения клиентов.

Мужчина обвел взглядом помещение таверны и не без удивления констатировал, что народу в нем прибыло; и это несмотря на то, что обед давно закончился! Многие явно были завсегдатаями и пришли отведать знаменитого пива папаша Гаро, но хватало и приезжих. Наверное, им, как и мужчина, еще в пути посоветовали остановить свой выбор на «Эксля-Шапели».

Гаро священнодействовал за стойкой, раздавая указания своим кнехтам⁷ направо и налево. Их оказалось двое (сколько насчитывалось поваров и кухонной прислуги, было неизвестно) – знакомый путнику шустрый мальчик и медлительный долговязый дылда, которому недавно исполнилось шестнадцать лет.

Судя по его невыразительному лицу с остановившимся взглядом свинцово-серых глаз, он был идиот. Тем не менее, службу свою нес исправно. И даже мог сосчитать деньги.

⁷ Кнехт – здесь: слуга, лакей, прислужник, работник.

Неожиданно мужчина, который расслабленно допивал вторую кружку крепчайшего пива папаши Гаро, насторожился. У стойки происходил скандал. Знатный путешественник со слугой (по виду оруженосцем) требовал заказанную загодя комнату.

Жирная Гузка вертелся, как выюн на сковородке, объясняя, что тот изрядно опоздал, и ему пришлось, чтобы не терять деньги, сдать комнату другому постояльцу. И если господин настаивает на своем праве занять ее, то пусть сам с ним договаривается. И указал на обедавшего путника.

Рассерженный господин, явно аристократ, быстрым шагом подошел к столу мужчины и резко сказал:

– Вы должны освободить комнату! Немедленно! Она по праву моя!

Мужчина неторопливо отставил недопитую кружку в сторону, лениво потянулся, и, недобро глянув на сердитого наглеца, вежливо спросил:

– С какой стати она ваша, уважаемый? Это постоянный двор, смею заметить. Здесь все равны. Кто первым явился, тот и занимает свободное место.

– Дьявол! – выругался настырный господин. – Вы знаете, с кем разговариваете?!

– Увы... – На лице мужчины появилось унылое выражение. – До сих пор не имел чести.

– Я Геррик из Вайсенбурга!

– Для меня ваше имя – пустой звук. Уж извините.

– Ах, так! Надеюсь, вы рыцарь? Впрочем – ко всем чертям! Неважно, кто вы, у вас есть меч. Хаусхерр! – Скандалист обернулся к папаше Гаро, который наблюдал за развитием событий с неподдельным интересом.

Жизнь в Аахене была пресной, без особых приключений (если не считать разбойных нападений и мелких краж), поэтому Жирная Гузка предвкушал занятное развлечение в виде дуэли. Неважно, кто из господ окажется победителем; в любом случае он будет в выигрыше. После поединка аахенцы валом повалят в «Экс-ля-Шапель». Ведь узнать сногшибательную новость из первых рук значительно интересней, нежели пользоваться слухами, которые нередко все перекраивают с ног на голову.

– Хозяин, веди нас на задний двор! – приказал Геррик из Вайсенбурга.

Он опасался, что схватка на площади, возле двери таверны, привлечет внимание стражи и многочисленных зевак, которые помешают ему быстро прикончить наглеца, который занял его комнату.

– Как пожелаете, мессир...

– Ну надо же! – не без наигранного удивления воскликнул мужчина. – Меня не спросив, тащат к барьеру! С какого перепугу я должен драться с вами, милейший? Не вижу достойной причины обнажать свой меч.

– Ах, вам нужна причина! Вы... вы трус!

– Это меняет дело... – Мужчина неторопливо поднялся

и взял свой меч, который стоял, прислоненный к стене. – Придется вам втолковать, что негоже оскорблять незнакомых людей без должных на то оснований. Я готов.

– Где ваш оруженосец?

– А это имеет значение? У меня его нет.

– Тогда возьмите кого-нибудь! Так положено. Вон здесь столько людей...

Посетители таверны тут же сделали вид, что их не касается ссора двух господ. Им вовсе не хотелось оказаться свидетелями на судебном разбирательстве. Которое обязательно случится, если кого-нибудь из поединщиков призовет к себе Господь. А противники с виду были грозными, значит, дело и впрямь могло закончиться кровопролитием.

– Мессир, вы не возражаете, если я заменю вам оруженосца? – неожиданно сказал папаша Гаро. – Должен сказать, мне пришлось повоевать, и я обязуюсь не уронить вашу честь.

– Превосходно! – воскликнул мужчина.

Он более пристально всмотрелся в хозяина постоянного двора и отметил, что его излишняя полнота скрывала крепкие мышцы, да и двигался он не как гусыня, а словно огромный кот – мягко и легко.

Оказавшись на заднем дворе таверны, скандалист потребовал:

– Ваше имя, милейший! Я хочу знать, кого отправлю к праотцам!

– Ну, это еще нужно сделать... Однако ради вашего удо-

вольствия могу представиться – я Себальд из Херсфельда.

– Вы монах? – невольно удивился Геррик из Вайсенбурга.

Херсфельдский монастырь был широко известен в Священной Римской империи. Его монахи отличались образованностью и ученостью.

– Был им, – честно ответил Себальд. – Но жизнь иногда преподносит такие сюрпризы... Мессир, не пора ли нам заняться делом? А то мне недосуг тратить свое драгоценное время на пустые разговоры.

– До первой крови? – деловито спросил папаша Гаро.

– А это как получится, – криво ухмыльнулся Геррик.

– И то верно, – одобрительно кивнул Себальд. – Лично я буду сражаться до первой крови. У нас нет непримиримых разногласий.

– Я бы так не сказал... Начнем? – Геррик обнажил оружие со сноровкой, которая предполагала недюжинную выучку.

– Начнем... – Себальд достал свой меч из ножен, и лицо его соперника вытянулось от удивления.

У Геррика из Вайсенбурга был каролингский меч с широким клинком, достаточно мощное и опасное оружие. Но им можно было только рубить. Что касается меча Себальда, то лезвие его оружия было более длинным, толстым и узким, а дол – узким и глубоким. Клинок был заметно сужен к острию, рукоять длинная, а крестовина широкая, обеспечивающая лучшую защиту для руки.

Это был франкский меч, да вот только выковали его явно

кузнецы Востока из удивительно прочного голубоватого металла с рисунком. Такое оружие стоило баснословно дорого, что уже вызывало невольное уважение к его обладателю.

Они скрестили клинки, и пошла беспощадная рубка, в которой должен был определиться хозяин комнаты на постоялом дворе папаша Гаро. На поединщиках не было доспехов, они не имели щитов, поэтому любая неосторожность могла привести к трагическому исходу. Это противники понимали, тем не менее, дрались ожесточенно, словно были кровными врагами.

Помощники дуэлянтов тоже вооружились: слуга Геррика держал в руках боевой топор, а хозяин постоялого двора – немислимых размеров секач⁸ для разделки бычьих туш. В ловких и сильных руках этот кухонный инструмент мог быть страшным оружием. Папаша Гаро был способен одним ударом перерубить этим секачом самую толстую мясную кость.

Обычно оруженосцы не вмешивались в ход дуэли, но иногда случались и казусы. Не все слуги рыцарей обладали завидным хладнокровием. В таких случаях дрались и оруженосцы.

Однако слуга Геррика из Вайсенбурга явно не горел желанием рисковать своей шеей. Папаша Гаро, чтобы не искушать его, несколько раз молниеносно махнул своим секачом, который издал при этом противный, леденящий душу свист.

⁸ Секач – тяжелый нож с широким топовидным клинком. По своей конструкции напоминает гибрид топора и ножа.

Этого «показательного выступления» оказалось для оруженосца вполне достаточно. Оба помощника дуэлянтов так и остались неравнодушными зрителями захватывающего поединка.

Он продолжался недолго. Все-таки более длинный франкский меч Себальда был лучше приспособлен к дуэльной схватке, нежели каролингский меч Геррика. Все произошло молниеносно.

В какой-то момент, поймав оружие Геррика на крестовину, Себальд резким и очень сильным движением вырвал меч из его рук. Он не хотел доводить дело до смертоубийства; Геррик ему даже понравился своим напором. К тому же Себальду очень не хотелось привлекать к себе излишнее внимание.

В следующее мгновение, приставив клинок к горлу противника, Себальд пробасил:

– Сдавайтесь, сударь! Иначе мне придется вас прикончить!

– Все, все, сдаюсь...

Потирая шею, на которой проступило несколько капелек крови от острия меча Себальда, Геррик сказал, мужественно наступив на горло своей спеси:

– Прошу прощения, мессир.

– Пустяки, – небрежно отмахнулся Себальд. – Вы превосходно дрались. Но мне повезло больше. Мин хаусхерр! – обратился он к папаше Гаро. – Я думаю, вы найдете для это-

го господина свободную комнату. Мне ваш слуга сказал, что есть такая. Но в ней почивает какой-то купчина. Гоните его взащей! А это за вашу благородную услугу. Вы были отличным оруженосцем! Держите! – И очередной золотой безант перекочевал в широкую пухлую ладонь хозяина постоянного двора.

Старый прохиндей просиял и решительно направился внутрь своего заведения с намерением сделать все возможное, чтобы благородные господа остались им довольны.

На этом инцидент был исчерпан. Вскоре Себальд и Геррик сидели за одним столом и отдавали должное пиву папаши Гаро. Так иногда случается, что недавние враги становятся пусть и не друзьями, но добрыми товарищами.

Digressio⁹ I. Писец богов

Раннее утро выдалось прохладным и ясным. На ступенях великолепного храма, построенного у самого берега кормилицы Та-Кемет¹⁰ – реки Приносящей Ил¹¹, стоял огромного роста мужчина в белом одеянии, богато расшитом золотыми нитями. Его голова была покрыта немесом – одним из символов власти правителей страны. Он представлял собой сделанный из ткани полосатый (синий с золотом) платок, сплетенный в узел сзади и спускающийся на плечи.

Поверх немеса был надет урей – золотой обруч с изображением кобры. Узковатый обруч давил на голову, что не очень нравилось великану, судя по выражению его лица, когда он изредка прикасался к голове неестественно длинными гибкими пальцами. Но приходилось терпеть – эта принадлежность головного убора была обязательной. А ему предстояла встреча со жрецами высшего посвящения, которые уже ждали своего высокородного Учителя в стенах Храма Истины.

⁹ Digressio – отступление (*лат.*).

¹⁰ Та-Кемет – Черная Земля, так в древности называли Египет. Древние египтяне давали своей стране разные наименования, часто олицетворявшие ее плодородие. Кроме Та-Кемет были названия Та-Мери – Земля Мотыги, Та-Уи – Две Земли (две части Египта – Долина и Дельта Нила), Земля Сикомора, Земля Ока Гора и другие.

¹¹ Приносящая Ил – одно из самых древних названий реки Нил.

Потрясающих размеров и красоты храм был построен по указанию последнего правителя Та-Кемет – Гора-Сокола, который хотел оставить в наследство людям великие знания богов. Прежние божественные правители – Птах, Ра, Шу, Геб, Осирис и Сет – больше занимались выяснением отношений друг с другом и многочисленными войнами с дикими племенами, которых привлекали благодатные берега Приносящей Ил.

Река была единственным источником влаги в засушливой Та-Кемет, где очень редко выпадали дожди. Длинная лента могучей реки обеспечивала связь всех областей страны между собой и с берегами Уадж-ур¹². Регулярные разливы реки, начиная с лета и до середины осени, приносили много плодородного ила с гор. Легкая для обработки почва, ежегодно удобряемая нильским илом, была главным богатством Та-Кемет, основой основ жизни людей, населявших берега реки.

На орошаемых землях выращивали ячмень, из которого варили пиво, полбу (из нее пекли хлеб), лен и кунжут. В водах стеной стояли густые заросли лотоса и папируса, корни которого употребляли в пищу, а из стеблей делали всевозможные предметы – от лодок и циновок до писчего материала, вывозимого и в другие страны. А в самой речной долине произрастали финиковые и кокосовые пальмы, акации, сикоморы, виноградные лозы и разные фруктовые де-

¹² Уадж-Ур – Зеленое море (др. – егип.), Средиземное море.

ревя. Приносящая Ил была богата рыбой, а в речных зарослях птиц водилось великое множество.

В соседних с Та-Кемет областях бродили стада диких быков, коз, овец, которые были одомашнены еще во время правления Птаха. Мясо животных, а также молочные продукты внесли приятное разнообразие в пищевые пристрастия жителей страны.

Мужчина снова поморщился и едва подавил в себе желание снять урей. При этом он подумал: «Бедняга Гор! Ему пришлось столетиями носить маску Сокола! Он не мог показать свое лицо даже жрецам. Да и я, признаться, несколько опешил, когда Гор, признав меня царем Та-Кемет, вручил мне, уже будучи на смертном одре, кадуцей, в котором сосредоточена магическая сила, и наконец избавился от своего проклятья – никому не показывать свой истинный облик, от которого у любого земного человека мог помутиться разум...»

Он крепче стиснул в руке Жезл из золотистого электрума¹³ – кадуцей. Он состоял из двух змей, обвившихся вокруг центрального стержня и раскрывших пасти на творца всего

¹³ Электрум – разновидность самородного золота; сплав серебра с золотом. Содержание серебра обычно более 50 %. Цвет от золотисто-желтого до серебристо-белого. Электрум использовался с III тыс. до н. э. в Древнем царстве Египта, в том числе для покрытия обелисков и верхушек пирамид. Из электрума были сделаны первые в истории монеты (Лидия, VII в. до н. э.). Он был удобен для изготовления монет, поскольку тверже золота, поэтому более износостоек. Кроме того, технология очистки золота в те времена была неразвита.

сущего, главного бога Ра в виде Солнца с крыльями. Кадуцей открывал его владельцу пути в три мира: мир богов, мир людей и мир мертвых.

Что касается масок, то они стали главной принадлежностью всех первых божественных правителей Та-Кемет. Их устройство было очень сложным. Они подпитывали богов неземной энергией, лечили от болезней, помогали дышать. Благодаря маскам боги могли жить столетиями, оставаясь молодыми и сильными. Но в итоге им все равно довелось сойти в Аменти – подземный мир.

Ему самому приходилось время от времени надевать маску Священного Ибиса – дань древней традиции (в основном когда проходили народные праздники и правитель должен был явиться перед своими подданными в грозном и блистательном виде), но она была всего лишь красивой, бесполезной и обременительной пустышкой. Перед придворными и жрецами он обычно предстал в своем истинном обличье, которое, тем не менее, поражало воображение.

Его родиной была Атталанта¹⁴, древний архипелаг среди грозного Океаноса, состоявший из двух больших и нескольких малых островов. Главной особенностью Атталанты было

¹⁴ Атталанта – Атлантида, мифический остров-государство. Наиболее подробное описание Атлантиды известно по диалогам Платона. По его словам, остров находился на западе от Геркулесовых столбов, напротив гор Атласа. Во время сильного землетрясения, сопровождавшегося наводнением, Атталанта была поглощена морем в один день вместе со своими жителями – атлантами. Время катастрофы – около 9500 г. до н. э.

то, что там долгое время практиковались истинные знания о мироздании, позволившие Избранным подняться в своем развитии до божественности.

Но в итоге сокровенные сведения оказались в руках немногих недостойных, которые стали использовать их во зло. По указанию перерожденцев свершались кровавые жертвоприношения, и это привело к тому, что среди людей стали появляться злобные и коварные существа из мира мертвых. По этой причине жители Атталанты начали массово деградировать, из-за чего Повелитель Всего Сущего разгневался и уничтожил архипелаг.

Во время гибели Атталанты, когда острова поочередно погрузились в бездонные глубины Океаноса, он переправился с группой Избранных, достигших уровня божественности, в Та-Кемет. Там правил последний из высших богов – Гор-Сокол, который с удовольствием приютил атталантов, способных научить его подданных разным ремеслам и передать большие духовные знания Посвященным – жрецам высшего ранга.

Сам Гор был плохим учителем; он больше занимался тем, что было ему по душе, – строительством городов и пирамид, несущих небесную благодать Та-Кемет, и расширением территории страны. Гор-Сокол стремился усилить мощь государства, улучшить жизнь своих подданных.

Еще раз глубоко, с удовольствием вдохнув свежий утренний воздух, гигант развернулся и неторопливо начал подни-

маться по мраморным ступеням Храма Истины. Посвященные не должны томиться в долгом ожидании. Несмотря на то что он был правителем Та-Кемет, этикет не должен нарушаться. Требуя от подчиненных неукоснительного исполнения своих приказаний, самому нельзя быть неточным. Точность – вежливость правителей. А жрецы высшего посвящения брали пример с Учителя.

Двери храма были обиты пластинами белого электрума. Их насчитывалось ровно семь.

На пластинах сверкали тщательно отполированные чеканные изображения семи первых правителей Та-Кемет: бог Птах («Тот, кто за южной стеной» – тот, кто в вечности), создатель первых богов, носил личину обычного человеческого лица с бородкой, в которой были припрятаны разные божественные приспособления для продления жизни и свободного дыхания; в руках он держал посох – «уас»¹⁵; бог Ра в маске кобчика, с ярко-желтым солнечным диском из золота и уреем на голове; бог воздуха Шу в облике льва с человеческим торсом; бог земли Геб с человеческим лицом и двумя коронами – Верхней и Нижней Та-Кемет – на голове; Осирис, бог возрождения и царь загробного мира, державший в

¹⁵ Уас – скипетр, в древние времена считался фетишем, в котором заключены целебные силы подземного демона. Состоял из раздвоенной внизу палки, которая сверху оканчивалась головой шакала. В руках богов он был символом благополучия, здоровья и счастья. До Среднего царства усопшему давали с собой в могилу деревянный скипетр уас, чтобы тот мог применить его для пользования божественными благами.

руках хекет и нехеху (скипетр и цеп); Сет, бог ярости, песчаных бурь, разрушения, хаоса, войны и смерти, с маской в виде ослиной головы: и наконец, бог неба и солнца Гор в образе Сокола. На дверях оставалось место еще для одной пластины. И правитель, которого звали Тот¹⁶, знал, что когда он уйдет в Залы Аменти, пластина появится – с его изображением. Он противился этому, не считая себя достойным стать вровень с богами, но жрецы настояли, и Тот согласился. Его уже при жизни стали почитать как бога мудрости, знаний, покровителя библиотек, ученых, жрецов, государственного и мирового порядка, а также прозвали Писцом Богов.

Едва Тот преодолел последнюю ступень и вошел под сень колоннады, две половинки двери Храма Истины широко распахнулись и его встретили согбенные фигуры жрецов низшего ранга – прислужников. Правитель Та-Кемет снял с золотого пояса анкх¹⁷ – «Ключ к Приносящей Ил», – крепче стиснул кадуцей, и, твердо ставя на полированные плиты по-

¹⁶ Тот – правитель Египта из второй династии фараонов. Сначала Египтом правили семь великих богов (в общей сложности 12 300 лет): Птах, Ра, Шу, Геб, Осирис, Сет, Гор. Вторая династия богов состояла из двенадцати божественных правителей, первым из которых был Тот. Они правили 1570 лет (8620–7050 годы до н. э.). Тот является греческой формой древнеегипетского имени Джехути (Тахути).

¹⁷ Анкх – коптский крест; представляет собой крест, увенчанный кольцом. Египетский иероглиф, а также один из наиболее значимых символов древних египтян. Также известен как «ключ жизни», «ключ Нила», «бант жизни», «узел жизни», «крест с петлей», «египетский крест», «крукс ансата». Символизировал жизнь, бессмертие, вечность, мудрость, являлся защитным знаком.

ла мощные ноги, обутые в позолоченные сандалии из кожи священного быка, направился мимо анфилады комнат в зал для жертвоприношений.

Покосившись на закрытые двери комнат (их насчитывалось двадцать две), Тот с удовлетворением улыбнулся. В этих комнатах его ученики проходили посвящение в тайны мистерий. На стене каждого помещения были прикреплены золотые пластины, на которых искусные мастера выгравировали основные положения тайных знаний жрецов Атталанты. Они считались основой основ для Посвященных, которые должны были знать их назубок.

Ничто в мире не вечно, даже Храм Истины; только человеческая память может удержать и сохранить то, на что не способны даже самые твердые камни с высеченными на них письменами, не говоря уже о мягком металле, тем более – драгоценном, до которого так падки завоеватели или просто воры.

Жрецы Высшего Посвящения встретили Тота точно такими же поклонами, как и жрецы-привратники. Когда они выпрямились, стало заметно, что широкоплечий и статный правитель Та-Кемет возвышается над ними на добрых три человеческих головы, и это притом что все Посвященные были рослыми мужчинами в расцвете лет. Несмотря на белое одеяние Тота из тончайшей льняной материи, под ним хорошо просматривались рельефные мышцы на широкой груди, где могла уместиться львица.

Уже это обстоятельство подчеркивало его божественное происхождение, хотя сам Тот так не считал. Но народу Та-Кемет льстило, что их правитель – бог, поэтому Тот отдался на волю жрецов, которые узаконили его божественное происхождение как Тота-Джехути, бога Луны.

В сестры ему определили богиню письма Сешат, а в жены – богиню Маат. Тота считали языком бога Птаха, и как Писец Богов, он должен был присутствовать на «суде Осириса», который представлял собой храмовые таинства, не более того.

На самом деле именно Сешат была его супругой. Вспомнив про Маат, правитель Та-Кемет лишь печально вздохнул. Маат, дочь бога-творца Ра, жила дольше всех Первых богов. Она стала наставницей Тота, он просто обожал ее за доброту и величайшие познания.

Маат появилась вместе с предвечным хаосом Нуном, чтобы установить порядок и следить за его соблюдением. Ее называли по-разному: «око Ра», «госпожа небес», «царица земли и властительница загробного мира», «госпожа богов и богинь». Маат была женой бога Птаха.

Маат считалась богиней истины, справедливости, закона и миропорядка. Жители Та-Кемет верили, что она руководит звездами, временами года, восходами и закатами солнца. Конечно же, это было не так. Но познания Маат в космогонии были огромными. Специально для нее была выстроена высокая башня на холме, откуда она могла по ночам наблю-

дать за небесными светилами...

На ежедневных богослужениях – тем более утренних – в храмах народ не присутствовал. Их участниками были лишь жрецы.

Когда появился Тот-Джехути, жрецы окружили наос – небольшой каменный ящик с деревянными дверцами, в котором хранилось изображение Гора, наиболее почитаемого правителя Та-Кемет. Главный жрец Храма Истины приблизился к наосу, снял с него печать, и взорам Тота и Посвященных при мерцающем свете свечей явилась статуэтка Гора-Сокола, вырезанная из черного магического камня¹⁸, который в огне и грохоте появляется на поверхности Земли по воле Осириса, владыки подземного мира.

Слова древних молитв не были длинными, и жрецы деловито занялись утренним туалетом бога. Ему поменяли одежду из самых лучших, тонких тканей, умастили маслами и благовониями, простираясь перед ним ниц, символически кормили принесенными жертвенными дарами, давали ему пить и, наконец, поднесли статуэтку богини Маат, олицетворявшую установленный богами на Земле и во Вселенной правопорядок.

Подношение Маат означало, что жрецы, совершавшие богослужение от имени и по поручению Тота-Джехути, поддер-

¹⁸ Подразумевается обсидиан, магматическая горная порода, разновидность вулканического стекла. Сыграл большую роль в истории человечества. Из него делали орудия труда, оружие и украшения. С древних времен широко использовался в глиптике и декоративной скульптуре.

живают существующие в мире божественные установления. Затем наос снова опечатали. Пищу бога унесли. Она понадобится жрецам позже, после урока, который должен дать Посвященным их божественный Учитель. Что ни говори, а истины и откровения из уст Тота требовали больших затрат энергии для их запоминания, и жертвенная пища в данном случае была для жрецов в самый раз.

Усевшись на не очень удобный трон, вырезанный из цельной каменной глыбы и украшенный резьбой, Тот начал негромко, но веско изрекать свои духовные напутствия:

– Я начал проповедовать людям красоту веры и знаний. О народы, люди, рожденные на Земле, погрязшие в пьянстве, сне и незнании Бога! Отрезвитесь, встряхнитесь от вашего беспутства и чувственного оцепенения, пробудитесь от вашего отупения. Почему, о люди, вы предаете себя смерти, тогда как вам позволено обрести бессмертие? Раскройтесь, обратитесь к своей истинной сути, вы, заблудшие, чахнувшие в невежестве. Отдайтесь от пути сумрачного, приобщитесь к бессмертию, раз и навсегда отвергнув в себе пороки. Благо вы найдете только в Боге, а кроме него – нигде...

От его тихой, проникновенной речи, казалось, завибрировали стены. Это не являлось заслугой правителя Та-Кемет. Так было устроено жертвенное помещение Храма Истины – чтобы самый обычный голос (не говоря уже о баше Тота) звучал, словно божественный глас:

– Отыщи в жизни своей беспорядок и уничтожь его.

– Сбалансируй и упорядочи жизнь свою.

– Истреби весь хаос своих эмоций – и обретешь тогда гармонию в жизни.

– Покоряй молчанием привычку многословия.

– Направляй всегда взор к Свету.

– Ключ к Высшим мирам внутри тебя.

– Распахни врата внутри себя – и будешь жить жизнью истинной!

Глава 2. Скупщик краденого

Себальд был взбешен. Он тряс папашу Гаро словно пьяный крестьянин высокое грушевое дерево, надеясь полакомиться несозревшими плодами, которые никак не хотели падать.

– Кто обворовал мою комнату?! – рычал он на ухо хозяину постоянного двора. – Кто, я спрашиваю?!

– Мессир, я тут ни при чем! – взмолился хозяин постоянного двора.

– Она была замкнутой, тем не менее, из моей дорожной сумки исчезла одна очень ценная вещь! Как это понимать?!

– Клянусь Господом нашим и девой Марией, я понятия не имею, как могло такое случиться!

Себальд немного успокоился и отпустил папашу Гаро.

– У кого был второй ключ? – спросил он, остро глядя на изрядно струхнувшего хаусхерра.

– Ключ только один! – решительно заявил папаша Гаро. – И он очень сложный для воров. Да вы сами, мессир, посмотрите на его бородку. Ключ делал большой мастер.

– Тогда как вор смог проникнуть в мою комнату? Дверь в ней крепкая, замок не взломан, а в окно может пролезть только кошка.

– Окно? Вы открывали окно?

– Да. В комнате было душно.

– Ах, мессир, в этом-то сама суть столь неприятного и оскорбительного для вас происшествия...

– Что вы имеете в виду?

– Я предлагаю пройти в вашу комнату и определиться на месте, – уклончиво сказал хозяин постоялого двора, все еще поглядывая на Себальда.

– Так идем, чего мы ждем?! – Гнев и раздражение не покидали постояльца «Экс-ля-Шапели».

Они поднялись на второй этаж, и Себальд открыл замысловатым ключом внутренний замок. Первым делом хаусхерр подошел – скорее, подбежал – к открытому окну, внимательно осмотрел подоконник и тихонько присвистнул.

– Мессир, взгляните!

Себальд глянул на подоконник – и ничего там не увидел.

– На что смотреть? – спросил он мрачно.

– След! Он едва просматривается, гораздо лучше его можно было бы видеть при ненастной погоде, но вчера стояла сушь, поэтому остались всего лишь комочки пыли от обуви.

– Но как, кто мог протиснуться в такую узость?! – Себальд со злостью захлопнул окно, да так, что жалобно задребезжали дорогие венецианские стекла.

Папаша Гаро лишь тихо крикнул, но промолчал; он потратил кучу денег, чтобы прикупить для своего заведения разноцветные оконные стеклышки. Венецианское стекло было не хуже ромейского, но немного дешевле. И все равно хозяин постоялого двора потом жалел, что поддался временному

порыву облагородить внешний вид здания, – как-никак, его заведение находилось в самом центре имперской столицы – и полез в свои закрома, чтобы достать оттуда кровные сбережения.

Стекло вышло для него поистине золотым. Купец, который привез товар из Венеции, наверное, закатил пир на весь мир, сбавив несколько ящичков дорогуших цветных стекляшек глупому хозяину гастхофа¹⁹. Он уже не надеялся его продать – народ в Аахене был прижимистый и жадноватый.

– Это мог сделать только один вор, – мрачно ответил папаша Гаро. – Гибкий, как уж, где угодно пролезет. Мало того, он в основном обворовывает путников на постоялых дворах... вот как вас, к примеру. Причем в дневное время, когда уставший с дороги постоялец засыпает мертвецким сном. Ведь в светлое время суток человек забывает о предосторожности.

– И кто этот негодяй?

– Один ушлый малый. Его прозвали Визель – ласка. Он может пролезть в любую щель, как этот хитрый зверек, мастер обчищать курятники. Мальчик сирота, совсем еще юн, ему чуть более двенадцати лет, но вор уже знатный. И главное – его никто до сих пор не смог поймать за руку.

– Поймаем... – сквозь зубы процедил Себальд. – Я ему сердце вырву, а кишки на вертел намотаю! Где мне его искать?

¹⁹ Гастхоф – постоялый двор (нем.).

– О-о, мессир, легче найти ветер в поле, нежели Визеля! Он хоть и сирота, но одевается вполне прилично, благо денежки у него водятся. Визель часто шатается по рынкам, изображая из себя сына благопристойного бюргера. Но рынкам воли не дает. Он лишь высматривает очередную жертву из тех господ, которые прибыли в город и находятся в поисках пристанища. Так что вам предъявить ему будет нечего. Он откажется от всего. К тому же Визель не трус и вынослив к боли. Он быстрее даст себя убить, нежели повинится в содеянном.

– Так что же мне делать?! – в отчаянии воскликнул Себальд.

– Простите, мессир, за нескромный вопрос... что именно у вас украдено? Деньги, драгоценности? Если это так, то можете с ними распрощаться. Они уже просыпались сквозь пальцы Визеля словно песок. Он ничего не копит, только тратит. Живет одним днем.

– Кошелек на месте! У меня пропал футляр с ценной рукописью.

«Ох, эти ученые господа! – с иронией подумал папаша Гаро. – Из-за клочка бумаги столько шума...»

– Как выглядит футляр? – спросил он, лишь бы нарушить затянувшееся молчание.

Себальд рассказал.

– Ну, это меняет дело... – Папаша Гаро посветлел лицом. – В Аахене есть только один человек, которого инте-

ресуют никому не нужные... простите, мессир! – старинные вещи. Тем более столь необычные и дорогие.

– И кто он?

– Вполне благопристойный и далеко не бедный господин. Но среди воров и разбойников он известен как скупщик краденого. На этом он сделал себе весьма приличное состояние. Его зовут херр Альдульф.

– Адрес! Где он живет?

Папаша Гаро назвал улицу и дом, но предупредил:

– Умоляю, не говорите скупщику, бога ради, кто вас надушил к нему обратиться!

– Почему?

– Потому, что мне не хочется закончить свой век в какой-нибудь грязной канаве с ножом под сердцем. Херр Альдульф очень щепетилен во всем, что касается его занятия. Все те, кто пытались проникнуть в тайны его отношений с преступным миром, плохо кончили.

– Даю слово, что не назову ваше имя!

– И последнее... – Хозяин постоялого двора доверительно склонился к Себальду. – Мне кажется, вы наладили приятельские отношения с мессиром Герриком из Вайсенбурга...

– Да, это так. И что с того?

– У вас нет оруженосца, который защищал бы вам спину. Неплохо бы попросить мессира Геррика о дружеской услуге – чтобы он проводил вашу милость до дома херра Альдульфа.

– С какой стати? Я не боюсь лихих людишек. К тому же темное время суток еще не близко, а значит, и опасаться нечего.

– Как сказать, как сказать... – Тут папаша Гаро заколебался, но все-таки продолжил: – Херр Альдульф обычно находится под охраной отчаянных наемных головорезов, которым он хорошо платит. Им убить человека, что высморкаться. Они подпускают к хозяину только знакомых воров и грабителей. Поэтому мессир Геррик, знатный рыцарь, может оказаться для вас очень полезным боевым товарищем.

Геррик все еще пребывал под впечатлением вчерашнего застолья, после которого оруженосец едва дотащил его до кровати. Пиво Жирной Гузки оказалось чересчур крепким для его организма. Впрочем, и выпил он целый жбан. Геррик проспал большую часть дня и поднялся не в лучшем настроении.

Когда Себальд вошел в его комнату (она оказалась даже лучше той, где поселил его папаша Гаро), рыцарь из Вайсенбурга никак не мог осилить кубок вина, поднесенный ему оруженосцем. Он икал, и вино расплескивалось на постель.

– Святая Пятница!²⁰ – рычал Геррик, придерживая кубок

²⁰ Святая Пятница – великомученица Параскева-Пятница. Родилась в годы царствования императора Диоклетиана в городе Иконии в Малой Азии (южная Турция). Ее родители особо чтит пятницу, когда на Кресте пострадал Господь Иисус Христос. В честь этого дня они и дочь свою называли Пятницей (по-гречески *Параскева*). Параскеву-Пятницу казнил епарх Аэтий, правитель Ликаонии, за то, что она не отказалась от христианской веры. В Средние века обычно кля-

второй рукой. – Я до сих пор не могу протрезветь от поила, которым угощал нас этот мошенник хаусхерр! Его вином можно травить крыс!

– Есть предложение, мой добрый друг, немного проветриться, – сказал Себальд, посмеиваясь. – Ничто так не способствует быстрому отрезвлению, как свежий воздух и хорошая драчка.

– Даже так? Вы меня заинтриговали... – Геррик оживился.

Его руки вдруг перестали дрожать, и он одним махом опрокинул содержимое кубка в рот.

– Одеваться! – приказал Геррик оруженосцу, неожиданно легко и непринужденно встав на ноги.

Пока тот возился с завязками-застежками на одежде господина, Себальд коротко поведал рыцарю о своей проблеме.

– ...И если вы окажете мне честь, сопроводив в логово старого негодяя, покровителя местных воров и грабителей, я буду вам весьма признателен.

– О чем речь! – с воодушевлением воскликнул Геррик. – По правде говоря, в Аахене мне делать особо нечего. Я привез послание для одной персоны от маркграфа... впрочем, это неважно. Передача письма много времени не займет. Но этим делом можно заняться и завтра. Не могу же я появиться в кёнигспфальце в таком виде? – Он посмотрелся в зеркало,

лись Святой Пятницей и вообще часто упоминали ее имя в разных обстоятельствах.

которое поднес ему оруженосец, и скривился так, будто съел недозревший плод яблони-дички. – О, Матерь Божья! Что за рожа?!

Спустя недолгое время Себальд и Геррик ехали по узким улочкам Аахена, направляясь в сторону окраины, где у ручья находился дом скупщика краденого. Когда Себальд назвал своему товарищу адрес херра Альдульфа, тот воскликнул:

– Именно в таком месте и должен жить этот старый мошенник!

– Это почему? – заинтересованно спросил Себальд.

– Потому что именно там находится Бахкауф!

– Простите мне, мой любезный друг, мое невежество, но я в Аахене впервые и кто такой Бахкауф, понятия не имею.

– О это легендарное существо! Какая-то адская тварь. У нее есть хвост, огромные острые зубы и она покрыта чешуей.

Себальд недоверчиво посмотрел на Геррика (несмотря на свою прежнюю монашескую жизнь, он был циником и не очень верил в разные сказки подобного рода, поскольку немало попутешествовал и навиделся всякого), немного поколебался, но все же спросил:

– Этот Бахкауф опасен?

– Еще как! – Тут Геррик раскатисто расхохотался. – В той стороне есть много таверн и харчевен, которые не закрываются даже в ночное время. В общем, рай для гуляк. Так вот, Бахкауф нападает исключительно на изрядно нагрузившихся пивом или вином мужчин. Он взбирается им на плечи и

заставляет тащить себя, отчего путь домой для пьянчужек становится очень долгим. А если они молят о пощаде, то вес Бахкауфа становится еще больше. Но детей и женщин Бахкауф никогда не трогает!

– Я так понимаю, оказавшись дома, бедолаги обнаруживают, что кошельки у них стали пустыми...

– Вы догадливы, мессир! Именно так чаще всего и бывает. Себальд коротко хохотнул.

– Наивность бюргеров меня поражает, – сказал он и поторопился уклониться от потока помоев, которые выплеснула на улицу прямо из окна какая-то домохозяйка.

Улочка, по которой они ехали, была настолько узкой, что лошади терлись боками. Ее вымостили камнем еще при Карле Великом, а в более позднее время пробили вдоль улицы желоб, по которому нечистоты уплывали в ту сторону, куда направлялись приятели, – к ручью. Поэтому проходим (и проезжим) требовалась исключительная бдительность, чтобы содержимое ночного горшка не оказалось у них на голове. По этой причине большинство аахенцев мужского пола носили широкополые шляпы; какая-никакая, а все-таки защита от неприятной неожиданности.

– Скорее всего, – продолжил Себальд, – это воровская уловка. Сделать адскую личину проще простого. Так же, как и обобрать пьяного.

– Такое случалось. Некий стражник городских ворот для грабежа припозднившихся ночных прохожих надевал на се-

бя шкуру «неведомого» зверя, которая в точности подходила под описание Бахкауфа. Но его быстро разоблачили.

– Наверное, он оказался чересчур жадным и слишком часто совершал свои «подвиги»...

– Так оно и было. За что его высекли на площади при большом стечении народа и изгнали из города. Жадность не порок, но большое свинство... Кстати, существует предание, что с Бахкауфом боролся и победил его франкский король Пипин Короткий, основатель династии Каролингов и отец императора Карла Великого. Король отрубил чудищу хвост и бросил его в воду. И будто бы с тех пор все городские источники стали сильно пахнуть серой...

Аахен был обязан своему названию источникам горячей воды, которая подогревалась горой Айфель. Пахнущие серой ключи, бьющие в маленькой воронкообразной долине между сланцевыми холмами, всегда служили главным источником благосостояния города.

Первыми оценили целебную силу местных источников кельты, устроившие в долине святилище бога вод и врачевания Грануса. Но постоянное поселение на месте Аахена впервые возникло в эпоху Римской империи. Известные любители бань, римляне заложили здесь курорт Аквис Гранум, служивший местом отдыха и лечения воинов, израненных в боях с германцами.

Карл Великий тоже был ценителем водных процедур и часто посещал Аахен, чтобы насладиться горячими целитель-

ными водами. Карл Великий вообще оставил весьма заметный след в истории города.

Пока приятели ехали, хорошо осведомленный в имперских делах и неплохо образованный Геррик из Вайсенбурга (что было весьма удивительно для рыцаря) рассказал Себальду интересную историю дворцовой часовни.

Согласно местным преданиям, на постройку часовни не хватило денег. Жители города решили воспользоваться помощью не кого-нибудь, а самого князя тьмы! Дьявол предложил аахенцам огромное количество золота в обмен на душу первого живого существа, вошедшего в двери храма. Простодушные бюргеры договор заключили и лишь тогда начали чесать в затылке, когда постройка часовни была завершена.

Дьявольский расчет состоял в том, что первым в новую церковь войдет, как и подобает, священник, вероятнее всего, епископ. Однако обрекать святого отца на вечные адские муки никому не хотелось (а ему самому – тем более).

И тогда горожане схитрили, впустив первым в бронзовые ворота часовни волка. Не разобравшись в потемках что к чему, нечистый вырвал из зверя душу, но тут же сообразил, как ловко его провели. Тем не менее формально договор был соблюден. Убегая в бессильной ярости, сатана так хлопнул дверью часовни, что литая дверная плита дала трещину, а в пасти льва-колотушки остался обломок его пальца.

С той поры тому, кто сможет вынуть его оттуда, обещано было от магистрата платье из чистого золота. Поэтому ковы-

ряться в пасти льва стало любимым занятием местных детей и простодушных приезжих, которым по приезду в город тут же вкладывали в уши разные сказочки. Жители Аахена были еще теми шутниками...

Чем ближе подъезжали приятели к дому, где обитал херр Альдульф, тем больше попадалось им на пути пьяниц. Некоторые с трудом держались на ногах, брели, придерживаясь за стены домов, но были и такие, которые лежали на мостовой в лужах собственной рвоты.

Себальд и Геррик даже совершили богоугодное дело – отбили у троих пьяных бюргеров юную служанку, которую они намеревались изнасиловать прямо посреди улицы. До кровопролития дело не дошло – уж больно грозными выглядели рыцари на своих мощных жеребцах, и бюргеры предпочли ретироваться, при этом злословя и угрожая приятелям, но себе под нос.

– Именно чрезмерное увлечение разными веселящими душу напитками и привело меня к тому, что я оказался изгнанным из монастыря, – сказал, весело скалясь, Себальд.

– Не может быть!

– Еще как может. В Херсфельде монахи проводят больше времени в тавернах, нежели за молитвой в своих кельях. А я так и вовсе редко когда бывал трезв. Монашеское смирение меня вовсе не прельщало. Я больше любил торчать в монастырской библиотеке, основал которую Карл Великий, нежели на коленях замаливать свои и чужие грехи. Но поскольку

ку книгохранилище не отапливалось, мне поневоле приходилось согреваться добрым вином. Это мне и вменили в вину. И еще добавили за неподобающую дерзость по отношению к настоятелю, старому ханже. Уже после того как я покинул монастырь, совет прелатов постановил, что подобные мне грешники должны нести епитимью в течение сорока дней, а если провинность усугублялась тошнотой во время таинства Святого причастия, то наказание продлевалось до шестидесяти дней. Ужас! Это значило воздержание от мясной пищи, пива и вина, что мне вовсе не улыбалось. Нынче я вольная птица: лечу куда вздумается, делаю что хочу и отдаю должное доброму пиву и вину в любые, не только праздничные дни и в любом количестве.

– Ах, как я понимаю вас, мой друг! – с жаром воскликнул Геррик. – И именно сейчас. Нам совсем не помешает промочить горло, а то во рту египетская сушь. Тем более что впереди с виду приличная таверна.

– Сначала дело, а потом возлияние! – твердо сказал Себальд.

– Да вы изверг, мессир! Впрочем, ладно, потерплю... А вон, кстати, и дом нашего клиента.

Двухэтажный дом скупщика краденого был почти скрыт от посторонних взглядов высокими деревьями. Он стоял на самом берегу широкого ручья (по правде говоря, весьма зловонного), поэтому влаги для деревьев хватало, и их кроны были зелеными и пышными. Приятели спешили и завели

лошадей во двор, так как на зов никто не откликнулся, а ворота оказались приоткрытыми, что было странно.

Мало того, странности (чтобы не сказать больше) начали встречаться на каждом шагу. Во-первых, возле калитки лежал бездыханный слуга херра Альдульфа – похоже, привратник. Кто-то вогнал ему клинок прямо в сердце, хотя он был мужчиной видным и явно побывавшим в переделках, судя по шрамам на его руках и квадратной физиономии.

Чуть поодаль, на ступеньках, ведущих к входной двери, лежали еще два трупа; над ними «постарались» больше, чем над привратником. Видимо, это были охранники скупщика краденого, наемники, потому как имели оружие, – боевой топор, скрамасакс²¹ и лук – которое им не помогло. Еще один охранник валялся у колодца. Всех троих изрубили в капусту.

– Однако... – глубокомысленно изрек Геррик, нахмурился и извлек меч из ножен. – Это мне совсем не нравится.

– Я такого же мнения. – Голубые глаза Себальда остро сверкнули. – Входим в дом! Я впереди.

Он последовал примеру приятеля – достал меч – и, держа его наготове, проскользнул во входную дверь тихой, мягкой поступью, как большой кот.

Цокольный этаж дома был сложен из валунов, а само строение представляло собой маленькую крепость, о чем свиде-

²¹ Скрамасакс – «большой сакс»; толстый боевой нож или короткий тяжелый меч германцев, широко применявшийся викингами в качестве запасного оружия. Из-за большого веса колющие удары скрамасакса были страшны по силе. Он протыкал и кольчугу, и кожаный доспех.

тельствовали и входные двери, сделанные из толстых дубовых досок и окованные металлическими полосами.

На первом этаже не было ничего примечательного. В прихожей находился большой каменный очаг, лестница в подвал и чулан, запертый на большой навесной замок. Одна дверь вела на кухню, в которой никого не оказалось, а дверь в дальнем конце кухни, узкая и невысокая, практически калитка, была предназначена для хозяйственных нужд – чтобы не тащить через прихожую, на полу которой лежали коврики, воду, дрова, различные съестные припасы и не выносить помой.

Не сговариваясь, Себальд и Геррик двинулись к деревянной лестнице, которая вела на второй этаж. Неожиданно сверху послышался какой-то подозрительный шум. На втором этаже находился коридор и две двери, которые вели в господские спальни. Одна из них, закрытая, скорее всего, раньше была женской половиной, а нынче предназначалась для гостей, так как херр Альдульф давно избавился от своей сварливой супруги, как рассказал папаша Гаро.

Однажды она оступилась и упала в ручей, где и захлебнулась в мутной жиже из нечистот. Сама упала или кто-то ей помог, об этом история умалчивала.

Но Жирная Гузка многозначительно сощурился и несколько раз подмигнул, когда рассказывал Себальду этот эпизод из жизни коварного скупщика краденого. Богом херра Альдульфа был Золотой Телец, и старый скряга вполне

мог утопить в ручье не только жену, чтобы она не мешала ему наслаждаться звоном вожаденных монет, но и своих детей.

Впрочем, они давно уехали из Аахена в другой город, потому как их папаша был просто невыносим...

Вторая дверь была приоткрыта. И оттуда доносились подозрительная возня и приглушенные стоны.

Себальд и Геррик осторожно заглянули в комнату и увидели ужасную картину. Херр Альдульф (его узнали сразу по плешивой остроконечной голове) был привязан к креслу, а возле него стояли три господина в длинных черных плащах, похожие на монахов какого-то ордена. Какого именно, было непонятно; такие плащи носили монахи-бенедиктинцы, августинцы, базилиане и прочие. Черноризцы пытали скупщика краденого, прижигая лучиной открытые части его художного тела.

Надо отдать должное хозяину дома – он держался стойко. Правда, херр Альдульф не кричал, а лишь мычал от боли, потому как рот ему заткнули. Наверное, непрошенные гости намеревались лишить старого мошенника его сбережений, а тот готов был умереть, но не выдать расположение тайника.

Себальд и Геррик молча переглянулись и дружно кивнули, мысленно соглашаясь с планом действий, который тут же нарисовался в головах задиристых рыцарей. Они ворвались в комнату, и Геррик, угрожая черноризцам мечом, рявкнул: – Или вы уберетесь отсюда, или умрете!

Странно, но его слова не произвели на мрачную троицу

должного впечатления. То, что последовало за угрозой Геррика, очень удивило и даже немного обескуражило рыцарей. Черноризцы без лишних слов мигом сбросили плащи, намотав их привычным жестом на левую руку, чтобы использовать плотную материю в качестве щита, и обнажили мечи, спрятанные под верхней одеждой.

Судя по тому, как они это все лихо проделали, черноризцы явно принадлежали к какому-то воинствующему монашескому ордену, который для достижения своих целей не брезговал ничем. И они явно не испугались внушительного вида рыцарей, что уже было удивительно.

– Лучше бы вам отсюда убраться, – с угрозой процедил сквозь зубы один из черноризцев, видимо, старший из этой троицы.

Его плоское лицо было исполосовано небольшими шрамами. Создавалось впечатление, что они нанесены острым, как бритва, ножом, а не мечом или кинжалом.

– У нас есть дело к херру Альдульфу, – спокойно ответил Себальд. – И мне не нравится, как вы с ним обходитесь. Он нужен нам живым.

– Ваше дело – сторона! – отрезал плосколицый. – Херр Альдульф кое-что нам задолжал. А к вам у нас нет никаких претензий, поэтому вы можете быть свободны. Иначе...

– Не понял... – Наперед выступил Геррик, более горячий, нежели рассудительный Себальд. – Эти три вороны нам угрожают? – многозначительно глянув в сторону Себальда,

спросил он, иронично ухмыляясь. – Ах, как мы испугались!

Себальд словно прочитал его мысли. Он сразу понял, что без драки не обойдется. Поэтому нужно ударить сразу, без раскачки, пока у черноризцев еще теплится надежда выпроводить неожиданных конкурентов подобру-поздорову и они не совсем готовы к схватке.

И Себальд ударил. Молниеносно и неотразимо. До плосколицего ему было не дотянуться, поэтому он рубанул с отмашки по второму черноризцу, длинноносому и мрачному жердю. Судя по его обветренной и загорелой до черноты физиономии, он совсем недавно приехал из Святой земли.

Конечно же, опытный в подобных делах Себальд рассчитал все правильно. Длинноносый пилигрим дернулся, пытаясь парировать удар, но его подвела реакция. Было слишком поздно что-либо предпринимать.

Единственным выходом из создавшейся ситуации мог быть мгновенный отскок на другую позицию, но к этому нужно мысленно готовиться, а в голове черноризца явно царил сумбур. Он упал, как падает срезанный серпом крестьянина тростник – практически беззвучно. Удар Себальда был мастерским.

Геррик последовал примеру приятеля незамедлительно. Он сцепился с плосколицым. Но, как говорится, нашла коса на камень. Главный из черноризцев оказался опытным бойцом. Он обрушил на Геррика такой град мощных ударов, что тому поневоле пришлось бегать по комнате (благо, она была

просторной) как вредному коту, которого гоняет хозяйка за то, что он съел крынку сметаны.

Наконец Геррик, уже начавший выдыхаться, нашел выход из создавшейся ситуации. Он схватил в руки прочный табурет и начал пользоваться им как щитом.

Конечно, это мало помогло. Но дало возможность Геррику немного отдышаться, пока меч плосколицего крошил неподатливое грушевое дерево, из которого столяр смастерил табурет.

А Себальд тем временем сражался с третьим черноризцем. Этот был молодым и шустрым, как белка, да вот только мечом своим владел неважно. Несколько удачных выпадов, два-три мощных удара с верхней позиции, и юнец «поплыл». Он уже не нападал, а только отбивался от наскоков Себальда и с отчаянием поглядывал на плосколицего; наверное, ждал, что тот поможет.

Но главному черноризцу было не до того. Геррик наконец восстановил дыхание и приступил к методичной осаде своего противника.

Себальд сделал отвлекающий выпад, юный черноризец опять отскочил на безопасное расстояние, но, вместо того чтобы атаковать его с новой позиции, рыцарь продолжил движение вперед, распластавшись в полете над полом. И достал своего противника кончиком меча.

Рана была неглубокой, но весьма опасной, так как начала сильно кровоточить. Скверно ухмыляясь, Себальд мель-

ком глянул на Геррика и его противника и, убедившись, что тот дерется с плосколицым на равных, начал методично дожимать слабеего с каждым мгновением от потери крови юного черноризца. Наконец тот и вовсе сдал; он жалобно крикнул, пытаясь привлечь внимание старшего товарища, тот дернулся в его сторону, чтобы ему помочь, ведь сражаться спиной к спине проще и более эффективно, однако было поздно.

Удар Себальда с верхней позиции оказался разящим. Клинок вошел рядом с ключицей в тело юнца больше чем на половину своей немалой длины. Рыцарь нанизал черноризца на меч, словно куропатку на вертел.

Сразив своего противника, Себальд развернулся к плосколицему, намереваясь атаковать его вместе с Герриком. Но тот оказался большим хитрецом. Отразив выпад Геррика, он неожиданно метнулся к открытой двери, кубарем скатился по лестнице на первый этаж – и был таков.

Догонять его не стали. Плосколицый не мог увести рыцарских коней, они не подпускали к себе никого чужого. Так их обучили. Поэтому на этот счет оба приятеля были спокойны.

Себальд поторопился освободить хозяина дома от веревочных пут и тот дрожащим голосом начал благодарить своих избавителей от верной гибели. Похоже, именно такой оборот событий могли замыслить черноризцы. Но чего они добивались от него?

Версия воинствующих монахов, что херр Альдульф им за-

должал, по здравому размышлению, не выдерживала никакой критики. Скупщик краденого не был заинтересован в скандалах, он старался быть тише воды и ниже травы, поэтому долги свои платил добросовестно, благо денежки у него водились, и явно немалые.

– Херр Альдульф, мы к вам по делу, – без обиняков заявил Себальд.

Скупщик краденого тяжело вздохнул и мрачно ответил:

– Это я уже понял... Только хочу вам сказать сразу – деньги в доме я не держу. Все они пущены в оборот. Я ссуживаю деньгами купцов для коммерческих сделок, от которых имею свою небольшую долю.

– Тогда что хотели от вас эти негодяи? – Геррик указал на тела черноризцев.

Они лежали в лужах крови, от которой шел тошнотворный сладковатый запах.

Херр Альдульф посмотрел на своих мертвых мучителей, задрожал мелкой дрожью и молвил:

– Мессеры, не соблаговолите ли спуститься на первый этаж? А то мне станет дурно...

Оказавшись внизу, херр Альдульф первым делом достал из шкафа кувшин с вином, наполнил им три кубка и свой выпил одним духом. Геррик попробовал вино, с удовлетворением причмокнул и сказал, обращаясь к Себальду:

– Отведайте, друг мой. Превосходное вино! Куда лучше, чем та дрянь, которой нас потчевал папаша Гаро. Моя голова

до сих пор побаливает.

Себальд без лишних слов приложился к кубку и тоже выпил его до дна, как и хозяин дома, – рыцаря мучила жажда.

– Да, вкус потрясающий, – согласился он и звучно отрыгнул.

– Это вино из виноградников Кортон-Шарлемань, которые посадил сам император Карл Великий, – не без гордости сказал херр Альдульф. – Но что нужно вам, мессеры?

Он явно увиливал от ответа на вопрос Себальда. Тот не стал настаивать на откровениях скупщика краденого; его тайны ему были неинтересны.

– Мне нужен футляр со старинной рукописью, который передал вам некий негодный сорванец по прозвищу Визель. Он украл эту очень ценную для меня вещь из моей сумки на постоялом дворе «Экс-ля-Шапель».

Утверждать, что херр Альдульф, на котором лица не было, побледнел еще больше, значило ничего не сказать. Он помертвел и стал синим, как утопленник. Обхватив голову руками, он коротко простонал, а затем молвил глухим голосом:

– Я так и знал... Я так и знал, что проклятая рукопись принесет мне неисчислимые беды. Клянусь Девой Марией, я больше никогда не свяжусь с этим маленьким пройдохой! От него одни неприятности.

– Что за рукопись? – заинтересованно спросил Геррик.

Он понятия не имел, какая ценность была спрятана внут-

ри футляра. А Себальду очень не хотелось, чтобы рыцарь из Вайсенбурга был посвящен в его тайну. Поэтому он сделал предостерегающий жест скупщику краденого, но тот ничего не понял и нехотя ответил:

– В ней говорится о священной книге Гермеса Трисмегиста²², начертанной на огромном изумруде. Она была обнаружена на могиле Гермеса книжником Аполлоном Тианским и оказалась в империи ромеев. Последним «Изумрудную скрижаль»²³, так называется книга, видел некий Александр из Абонотиха, ученик Аполлония. Затем книга исчезла. Ее не могут найти до сих пор.

Себальд был поражен. Скупщик краденого несомненно обладал обширными познаниями, предполагающими большую грамотность! Что характерно только для монашеской братии. Но откуда ему известно, о чем говорится в рукописи? Ведь ее текст представлял собой тайнопись.

²² Гермес Трисмегист, Гермес Триждывеличайший – имя синкретического божества, сочетающего в себе черты древнеегипетского бога мудрости и письма Тота и древнегреческого бога Гермеса. В христианской традиции – автор теософского учения (герметизма), излагаемого в известных под его именем книгах и отдельных отрывках. В исламской традиции иногда отождествлялся с Идрисом.

²³ Изумрудная скрижаль, Скрижаль Тота – важнейший памятник египетского герметизма, получивший широкое распространение в латинском переводе. Согласно легенде, текст «Изумрудной скрижали» был оставлен Тотом на пластине из изумруда в египетском храме. Текст представлял собой чрезвычайно сжатую формулировку основных учений герметической философии. По одной из распространенных версий толкования «Изумрудной скрижали», на пластине записан рецепт получения философского камня.

Херр Альдульф словно подслушал мысли рыцаря. Он кисло улыбнулся и продолжил:

– Знаки, начертанные в рукописи, – литорея²⁴. Но для меня это не слишком большая трудность. Мне доводилось разбираться в текстах куда более мудреных...

«Зачем?» – едва не спросил Себальд. Но промолчал, сообразив, по какой причине херр Альдульф интересуется тайнописью.

В последнее время знать Священной Римской империи увлеклась собирательством старинных артефактов и платила за них большие деньги. И такой скопидом и сребролюбец, как херр Альдульф конечно же, не мог пройти мимо столь многообещающего источника обогащения. Ведь воры несомненно приносили ему много любопытных вещей, имеющих большую историческую ценность. И для их верной оценки требовалось хорошо разбираться в древностях, для чего нужно было копаться в старинных рукописях и книгах.

– Значит, футляр у вас, милейший... – задумчиво сказал Геррик, бросив быстрый взгляд на Себальда.

Он был не столь грамотен, как его приятель, бывший инок, но обладал здравым умом и сразу сообразил, что для Себальда представляет большую ценность не сам футляр, а его содержимое. Что наводило на весьма интересные раз-

²⁴ Литорея – тайнописание, род шифрованного письма. Известна литорея двух родов: простая и мудрая. По своей сути литорея представляет собой шифр простой замены, который легко дешифруется современными методами.

мышления...

– Да, у меня, – ответил херр Альдульф. – И в знак признательности вам, мессеры, что вы спасли меня от верной смерти, я возвращаю футляр и рукопись в полной целости и сохранности. Обождите меня немного...

С этими словами он снял с шеи большой ключ со сложной бородкой, спрятанный под одеждой, не без некоторого колебания отомкнул замок двери, которая вела в подвал, и быстро шмыгнул туда, не забыв закрыться изнутри. Рыцари с пониманием переглянулись. Похоже, в подвале находился тайник, расположением которого столь рьяно интересовались черноризцы.

Заполучив футляр, Себальд первым делом поторопился его открыть. Скрывать, что главная ценность – это рукопись, уже не имело смысла. Она находилась на месте. Геррик даже присвистнул от удивления, увидев, что пергамент черного цвета, а начертанные на нем знаки – золотые.

– Должен сказать, благородные мессеры, что те монахи... – Херр Альдульф ткнул пальцем в потолок (при этом побледнев и вздрогнув), – как раз и хотели отобрать у меня футляр. Этот маленький гаденыш Визель продал меня с потрохами! Пусть только появится в моем доме... – Тут лицо скупщика краденого приобрело зловещее выражение; можно было не сомневаться, что юного воришку ждала страшная кара.

– Что ж, я весьма вам благодарен, – любезно сказал Се-

бальд. – Позвольте откланяться, херр Альдульф.

– Погодите! Я хочу предложить вам выгодную сделку.

– Я не интересуюсь краденными вещами! – резко ответил Себальд.

– Помилуй Бог! – картинно всплеснул руками скупщик краденого. – Как можно так думать?! Футляр – это моя ошибка. Человеку, даже самых благородных кровей, свойственно ошибаться. Просто я хотел сказать, что в вашей рукописи не хватает концовки. И она как раз находится у меня.

– Что-о?! – Себальд круто развернулся и уставился на хозяина дома округлившимися от дикого удивления глазами. – Как... Когда, где?!

Смысл его вопроса скупщик краденого понял и без объяснений.

– Однажды мне довелось побывать по делам в Херсфельде... – молвил он солидно.

При этих его словах Себальд вздрогнул и подобрался, как перед прыжком.

– Аббат тамошнего монастыря, – продолжал херр Альдульф, – любезно предоставил мне возможность ознакомиться с монастырской библиотекой. Там я и нашел среди разного хлама свиток черного пергамента, явно старинного, с золотой литореей... А я давно интересуюсь разными древностями. Нет, нет, мессире, я не опустил до примитивной кражи! Я просто купил никчемную, с точки зрения святых отцов, рукопись у монаха-библиотекаря... простите... кгм!..

за два кубка королевского вина.

– Брат Фароберт... – процедил сквозь зубы Себальд. – Большой любитель хороших вин... Сукин сын! Где рукопись?

– Мессир, уж извините меня, но я не могу просто взять ее и подарить вам. Предлагаю купить.

Себальд зловеще осклабился.

– А вы не боитесь, что мы продолжим наш дальнейший разговор в стиле тех черноризцев, которые прижигали вас лучиной? – спросил он изменившимся голосом.

Лицо скупщика краденого снова покрылось бледностью, но твердости духа ему было не занимать.

– Ни в коей мере, – молвил он осторожно. – Вы благородные мессеры – и этим все сказано. Я человек небогатый, немолодой, и каждый пфенниг для меня – это неделя жизни. На рынке все так дорого...

– Ладно, сторгуемся! Где рукопись? – нетерпеливо спросил Себальд.

– Она недалеко. Но прежде мне хотелось бы получить денежки...

– Дьявол! – выругался рыцарь. – Это уже хамство!

– А может, дружище, мы и впрямь его поджарим? – небрежно бросил Геррик, поигрывая кинжалом. – Или крови немного пустим...

– Да бес с ним! – рявкнул Себальд. – Сколько вы хотите, херр Альдульф? Только не стоит устраивать торги! Цена

должна быть приемлемой.

– Конечно, конечно! – обрадованно ответил скупщик краденого, который после слов Геррика вдруг понял, что с рыцарями шутки плохи; но от своего все равно не отступился. – Всего десять безантов! – выпалил он и на всякий случай сделал два шага назад.

Себальд промолчал, но его вид сильно расстроил херра Альдульфа. Лицо рыцаря пошло красными пятнами, а рука легла на рукоять меча.

– Ладно – пять! – поторопился скупщик краденого сбить цену. – И только потому, что я обязан вам жизнью.

– С которой ты, проклятый мошенник, скоро распрощаешься! – грубо сказал Геррик. – За клочок побитой молью телячьей шкуры, пусть и покрашенной в черный цвет, – пять безантов?! Да за эти деньги вполне можно купить молодого мула! Одного безанта в месяц вполне хватает, чтобы прокормить семью из пяти человек. В своем ли ты уме, старый одинокий пень?!

– Но ведь в моей части рукописи есть то, чего не хватает в вашей, мессир, – глядя на Себальда, вкрадчиво сказал скупщик краденого. – Если их объединить, то можно узнать, где находится тайник с «Изумрудной скрижалью».

Довод с потрясающей точностью попал в цель, словно стрела, выпущенная английским лучником-йоменом. Не говоря больше ни слова, Себальд достал свой кошелек, отсчитал три безанта, вложил их в потную от большого волнения

ладонь херра Альдульфа и коротко бросил:

– Это – все! Неси рукопись.

– Премного благодарен, мессир! – повеселел скупщик краденого, полез за пазуху и вытащил откуда пергаментный рулончик, перевязанный красной лентой. – Это то, что вам нужно.

Себальд быстро развернул черный пергаментный лист с золотыми письменами, соединил обе половинки рукописи, небрежно разрезанной острым ножом, и, убедившись, что они полностью совпадают, сказал, обращаясь к Геррику:

– Уходим! Здесь нам делать больше нечего.

Рыцари вышли во двор, и вскоре цокот лошадиных копыт возвестил, что они убралась восвояси. Херр Альдульф довольно ухмыльнулся, попробовал монеты на зуб, и, убедившись, что они сделаны из чистого золота, поднялся наверх, в комнату, где происходило сражение.

– Хаго! Где ты там? Вылезай, маленький паршивец! – сказал он, обращаясь к стене, завешенной гобеленом, на котором была изображена сценка охоты на вепря.

Край ковра поднялся, и из узкого проема, спрятанного за ним, вышел давешний юный воришка, которого прозывали Визель. На самом деле имя мальчика было Хаго, но его знали очень немногие. Он держал в руках заряженный арбалет. В гобелене была прорезано отверстие, через которое Хаго мог держать на прицеле всех, кто находился в комнате.

– Почему не стрелял в этих... – Тут скупщик краденого

со злостью пнул ногой распростертое тело одного из черно-рицев. – Когда они меня мучили?!

– Мин херр, простите, но я ждал, когда двое из них встанут друг за другом, в одну линию. Тогда я прошил бы арбалетным болтом сразу обоих. А с третьим расправиться мне не составило бы труда.

Мальчик был сама невинность, но в его карих глазах таилось торжество. Он специально ничего не предпринимал, чтобы насладиться мучениями своего «работодателя», который обирал юного воришку немилосердно.

– Хитрец... – Херр Альдुльф шлепнул ладонью по затылку мальчика, но без злости, по-отцовски. – Ладно, забудем. Ты хорошо запомнил рыцарей?

– Как не запомнить...

– Так вот, с этого дня станешь их тенью. Куда они, туда и ты. Понял?

– Еще бы не понять... Вот только без денег я за ними не услежу. Они люди приезжие, скоро покинут город, а у меня нет даже паршивого мула, чтобы последовать за ними. И потом, в пути нужно питаться, платить за постой...

– Держи, вымогатель... – недовольно буркнул херр Альдुльф и передал в руки Хаго-Визеля увесистый кошелек. – Купи себе резвую лошадь и сбрую для нее. Только потом отчитывайся о тратах. До пфеннига! Учти, я все проверю.

– Всенепременно, мин херр! Отчитаюсь. Я свободен?

– Да. Но прежде отыщи мне гробовщика с его возком, что-

бы тот забрал отсюда мертвецов. Только не говори ему, зачем он понадобился! Я сам гробовщику все растолкую...

Мальчик, весело насвистывая, выскочил из дома скупщика краденого и резво побежал по узкой улочке, на бегу отмахиваясь подобранной по пути палкой от бродячих собак, которые облаивали его с неистовой страстью. Для них человек без оружия был желанным развлечением.

Глава 3. Хаго

Дороги Италии, несмотря на строгости, введенные императором Оттоном, кишели, кроме паломников, разбойниками, нищими, нахальными попрошайками, сбившимися в шайки, мошенниками и шарлатанами. Помимо этого сброда по дорогам странствовало множество коробейников. На ярмарку еще нужно было доехать, а они приносили товар прямо на порог.

Коробейники часто обменивали одни вещи на другие, потому что деньги у крестьян водились далеко не всегда. Торговцы снабжали селян утварью, одеждой и тканями, пусть не всегда новыми и целыми. К тому же они приносили с собой новости, слухи, истории и песни, что для деревенских жителей с их бедной на события жизнью было особенно ценно.

Кроме различных нищевродов и мелких торговцев по дорогам Священной Римской империи путешествовали странствующие лекари. Нередко они совмещали фармацию с алхимией, астрологией и философскими изысканиями. Многие из них не брезговали откровенным шарлатанством. Под видом чудодейственных предметов продавались камни, кусочки старого дерева, кости, зубы и ветхие тряпки.

Эскулапы-любители отличались завидным разнообразием «волшебных» снадобий. Самым безобидным зельем была подсоленная или подслащенная вода. А в состав более дей-

ственных «лекарств» могло входить все, что угодно, вплоть до извести и кошачьего помета. По этой причине самодеятельные лекари старались долго не задерживаться на одном месте.

И все равно лекари-самоучки не разорялись. Официальные медикусы редко могли предложить достойную альтернативу их снадобьям. Порой лицензированный эскулап сводил в могилу куда больше пациентов, нежели бродячий лекарь, ведь больные не смели перечить светилу науки и принимали все назначенное, вплоть до толченых тараканов. А для бедняков, не способных оплатить визит доктора, услуги бродячих лекарей и цирюльников и вовсе оставались единственно доступной медицинской помощью.

Лишь странствующим менестрелям, особенно именитым, жилось вольготно. Помимо пения бродячие музыканты играли на маленьких арфах, волынках, тамбуринах, лютнях и лирах. Менестрели были желанными гостями на пирах, а их коллеги со скабрёзными виршами собирали полные таверны менее притязательной публики.

А совсем уж нетребовательное простонародье развлекали бродячие шуты и жонглеры. Чаще всего они работали на ярмарках – ставили короткие бытовые и сатирические сценки, показывали акробатические трюки, устраивали кукольные балаганчики. Женщины демонстрировали откровенный и зажигательный «танец Саломеи», что порой делало пожертвования весьма щедрыми. Публика обожала выступле-

ния бродячих артистов.

Большинство населения Священной Римской империи с огромным трудом добывало хлеб насущный на протяжении всей своей жизни. Это касалось всех путешественников – как бродяг, так и достойных людей. Частые войны, оставлявшие за собой полную разруху, запустение и голод, были обыденностью. И никто, даже владетельный сеньор, не был застрахован от того, чтобы пополнить ряды бродяг, нищих, вынужденных скитальцев или грабителей.

Поэтому поездку Себальда из Херсфельда и Геррика из Вайсенбурга в Кремону нельзя было назвать приятным путешествием. Оба ехали при полном защитном снаряжении, с копьями, луками и полными колчанами стрел, несмотря на то что стрельба из лука не была характерна для тяжеловооруженных рыцарей.

Себальду пришлось раскошелиться на добротную кольчугу и щит, хотя он по монашеской привычке предпочитал передвигаться налегке, надеясь лишь на свой добрый меч и длинный кинжал. Но Геррик, бывалый путешественник, убедил его вооружиться как следует.

Редко кто осмеливался напасть на рыцаря в открытую. Чаще всего стоило ждать стрелы из лесных зарослей или камня из пращи. А то и тяжелой дубины, окованной железными шипами. И от таких неприятных неожиданностей, чреватых скверными последствиями, могло спасти только надежное защитное облачение.

Опасность грозила не только при встрече с разбойниками и грабителями, потерявшими человеческий облик. Дело в том, что на рыцарей охотились и вполне законопослушные крестьяне! А сдаться в плен не рыцарю, а обычному крестьянину было постыдно. Не то чтобы это было запрещено, просто потом плененный рыцарь становился всеобщим посмешищем.

Приятели этого позора не забудут, враги будут насмехаться, а благородные дамы отвернутся. Всего этого можно было избежать... посвятив удачливого крестьянина в рыцари! Только по этой причине землепашцы и выходили на охоту за рыцарями.

Впрочем, рыцари сдаваться в плен крестьянам не спешили, дрались до последнего, стараясь дождаться появления кого-нибудь более-менее благородного на вид, и только затем выкрикнуть пожелание сложить оружие. Конечно, взять тяжелооруженного рыцаря в плен для простолюдина было большой удачей, но счастливики, которым повезло, все же находились.

В какой-то мере Себальд был рад, что заполучил такого надежного попутчика, который стоил десятка пехотинцев. Впрочем, у него и выхода иного не было; поневоле пришлось открыться Геррику, зачем ему понадобилась литорея, начертанная на черном пергаменте.

— ...«Изумрудная скрижаль» пропала очень давно. Многие потратили всю свою жизнь на ее поиски, но так и не уви-

дели оригинала. Известно только, что текст «Скрижали» вырезан на пластине из огромного изумруда. И будто бы он был не просто выгравирован резчиком по камню, а появился сам собой. – Себальда мучила жажда, и он время от времени прикладывался к кружке с крепким пивом папаши Гаро.

Геррик сидел так тихо, как церковная мышь в закутке; казалось, что за столом таверны «Экс-ля-Шапель» никого больше нет. Он весь превратился в слух.

Рыцарь покинул Вайсенбург не по причине большого пристрастия к путешествиям. Пользуясь оказией (маркграф доверил ему послание к одной весьма симпатичной придворной даме; замужней, к слову), Геррик решил за счет своего сюзерена добраться до Аахена, а после того как он вручит письмо ветреной красотке, рыцарь надеялся присоединиться к какому-нибудь отряду, который вел военные действия.

Семейство Геррика из Вайсенбурга было весьма многочисленным, и так уж вышло, что ему, как самому младшему сыну в роду, достался в наследство кукиш и долги, которые он сам же, по причине своего ветреного характера, и наделал. Еврей-ростовщик готов был подождать возврата заемных денег столько, сколько требуется (еще бы он не согласился! ростовщику хорошо был известен вспльчивый характер рыцаря), но от этого Геррику легче не стало.

Конечно, в его кошельке жиденько бренчали пфенниги – от милостей маркграфа, но их едва хватит, чтобы продержаться около месяца. А на войне всегда есть шанс поправить

свое финансовое положение примитивным грабежом или, если сильно повезет и удастся пленить какого-нибудь состоятельного сеньора, получить за него богатый выкуп.

И тут ему подвернулся потрясающий случай с литореей. Геррик не обладал большими познаниями в древней истории, да и вообще не слыл большим грамотеем (хотя грамоту знал, умел читать и писать), он понятия не имел, что такое «Изумрудная скрижаль», но от разговора Себальда и скупщика краденого донесся запах больших денег. А уж на них у Геррика из Вайсенбурга нюх был отменный! Если на «Скрижаль» открыта такая охота – тут он вспомнил черноризцев, – то в тайнике, где она находится, может лежать много золота и драгоценностей.

Себальд словно прочитал мысли своего нового товарища и решил не рисковать. Обедневшие рыцари нередко были хуже кровожадных разбойников. И ему очень не хотелось, чтобы Геррик стал его преследовать в надежде хорошо пожить. Нужно сначала отыскать «Изумрудную скрижаль», а дальше будет видно... Если то, о чем повествует предание, правда, то денег на двоих хватит с лихвой.

– «Изумрудную скрижаль», как утверждают древние ученые, написал сам древнеегипетский бог Тот. Он принес невежественным прежде египтянам основы разных наук, дал им письменность и счет, ввел использование календаря, научил возводить прочные постройки – пирамиды и храмы, научил, как исцелять болезни. В Древнем Египте его считали богом

мудрости.

– Это все понятно, – нетерпеливо молвил Геррик. – Но что такого ценного содержат эти «Скрижали», если за них готовы убить первого встречного?

Себальд немного поколебался, а затем, поняв, что отвертеться от правдивого ответа не удастся, набрал в легкие побольше воздуха, словно намеревался прыгнуть в омут, и выпалил:

– Есть предположение, что на изумрудной пластине записан рецепт получения «философского камня»!

Геррик мгновенно вспотел от такой новости. Что такое этот камень, ему хорошо было известно. Благодаря его свойствам можно превращать любой металл в золото. Кучи золота! Нет – горы! Пресвятая Дева Мария, сделай так, чтобы это было правдой и чтобы мы нашли «Изумрудную скрижаль»!

Рыцарь из Вайсенбурга уже сообразил, что откровенность Себальда – это приглашение искать волшебный изумрудный камень вместе. И все же его снедали сомнения.

– Как так получилось, что «Изумрудную скрижаль» не нашли до сих пор? – спросил он подрагивающим от волнения голосом. – Ведь о ее существовании, как я понял, знали многие.

– Да, знали. И искали. Александр Македонский узнал о сокровище, которое лежало в древней могиле, вскрыл гробницу и нашел там огромный изумруд с текстом «Скрижали». Куда потом девался этот камень, неизвестно. Древнегрече-

ские историки утверждают, что камень вскоре украли, хотя он находился под сильной охраной гетайров²⁵. Еще бы, такое сокровище... А спустя несколько столетий рукописный текст «Изумрудной скрижали» за огромные деньги купил в Египте грек Африкан. Ему продали этот список с уверениями, что начертал его на папирусе лично фараон Хуфу. Папирус сгорел во время пожара, но хитрый грек снял с него копию. Но толку от нее не было никакой. Рукопись оказалась фальшивой.

Себальд подождал, пока уберется Ханси, юный слуга папаши Гаро, который непонятно по какой причине вертелся возле их стола как назойливая осенняя муха, и продолжил:

– В 831 году в Большую пирамиду вломился халиф сарацин Абдуллах аль-Мамун, которому сказали, что именно там хранится «Изумрудная скрижаль». Трактатов Тота-Гермеса он не нашел, но там было полно ценных золотых изделий, которые очень пришлись ему по душе. А облицовочными плитами с пирамиды он выложил пол в мечети.

Рыцарь снова приложился к кружке с пивом, с удовлетворением отрыгнул и завершил свой рассказ:

– Кстати, задолго до халифа поисками «Изумрудной скрижали» занимался и фараон Хуфу. Золото его не интересовало, ему нужны были заветные книги Тота. После этих по-

²⁵ Гетайры, этеры – дружина македонского царя из тяжеловооружённых всадников времён Александра Великого. На греческом языке гетайры означает «товарищи, свита, дружина»; по сути это прообраз дворянского корпуса, то есть людей, вознаграждаемых за службу земельными наделами.

исков появилась легенда, будто бы под какой-то пирамидой существует целый город Тота-Гермеса, в котором хранится золотой ларец с книгой, где собраны тайные знания, дающие власть над миром. Хуфу обратился за помощью в поисках к магу, но маг объявил, что знание получают только его внуки. После множества приключений фараон отказался от своей затеи. А что касается знаний, то если потомки Хуфу и приобрели их, это им не помогло.

– Ладно, здесь все понятно, – сказал Геррик. – Но почему ты думаешь, что в литорее на черном пергаменте существуют сведения о тайнике, где находится «Изумрудная скрижаль»?

– Я это знаю! Но чтобы найти «Скрижаль», нужно совершить путешествие... в Константинополь!

От удивления Геррик даже поперхнулся пивом.

– Ты с ума сошел! – Он снова закашлялся. – Мы читали рукопись вместе, а там о ромеях не сказано ни слова! Описано лишь, как проникнуть в тайник и местность, в которой он расположен. Однако я так и не сообразил, где это.

– Должен тебе сказать, что в начале новой эры жил философ Аполлоний Тианский. Однажды он заснул, и во сне ему привиделось, что «Изумрудная скрижаль» лежит в могиле Тота-Гермеса. А его сны всегда были вещими. Ты удивлен? Зря. Аполлоний умел воскрешать умерших и исцелять неизлечимо больных! Это был удивительный человек... Но во времена Аполлония уже никто не помнил, где находится

могила Гермеса.

– Но почему Константинополь?

– Потому, что видение Аполлонию было именно там, что предполагает близкое расположение упокоения Тота. А я бывал в тех краях (по несчастью), и приметы местности, где он похоронен, а скорее всего, перезахоронен, – чтобы могилу не ограбили его подданные (мертвый лев уже не опасен), – вроде показались мне знакомыми. Хотя я в этом и не уверен до конца. Ну и, кроме всего прочего, есть еще некоторые моменты в литорее, указывающие на империю ромеев. Футляр с рукописью явно работы мастеров-ромеев, да и такой пергамент делали только константинопольские умельцы. Он не просто окрашен, он пропитан черной краской, поэтому и не потерял от времени свой цвет. А золотые знаки литорей выглядят так, будто их писали вчера. Кроме писцов Константинополя никто в мире не мог такое сотворить. Уж поверь мне, опытному книжнику.

– Допустим, твои предположения верны. Но как мы туда доберемся? Путь туда не близок, изобилует опасностями, да и деньги для этого нужны немалые.

– Я уже об этом подумал. Здесь, можно сказать, нам повезло. Вскоре в Константинополь отправляется с посольством епископ Кремоны, преподобный Лиутпранд. Его цель – заключение договоренности о браке наследника Оттона с Феофано, дочь покойного василевса Романа II. Этот брак должен примирить Священную Римскую империю и импе-

рию ромеев, войско которой недавно вторглось на территорию Апулии. Кроме того, ромеи претендует на Капую и Беневенто. Надеюсь, два таких рыцаря, как мы с тобой, будут хорошим подспорьем для охраны посольства.

– Осталось только уговорить епископа... – буркнул несколько приунывший Геррик.

– Это уже моя забота, – с уверенностью заявил Себальд. – В Кремоне у меня есть высокопоставленные друзья, они помогут.

Ханси все слышал. У него был прекрасный слух и великолепная память. Едва рыцари отправились в свои комнаты, чтобы немного отдохнуть перед дорогой, он выскочил на улицу, где в одной из подворотен его ждал Хаго. Он был приодет по последней моде и смотрелся как сын зажиточного бюргера.

Неподалеку находилась коновязь, где стояла его превосходная лошадка берберийской породы, обладающей чрезвычайной выносливостью и резвостью. Лошадь была оседлана, с притороченными к седлу выюками, где хранилось все необходимое для длительного путешествия, в том числе и небольшой арбалет, – Хаго был превосходным стрелком.

Арбалет считался новинкой, но мальчик быстро смекнул, что стрелять из него гораздо удобнее, нежели из лука, да и места он занимал немного. Кроме того, арбалетный болт с небольшого расстояния легко пробивал любую броню.

Слуга папаши Гаро скороговоркой пересказал почти до-

словно весь разговор двух рыцарей, и, получив от Хаго несколько монет за важную услугу, бегом вернулся обратно. А юный воришка призадумался. Дельце оказалось гораздо сложнее, нежели казалось. Денег, которые он получил от скупщика краденого, явно не хватит. Придется херру Альдульфу наступить на горло собственной песне и хорошо раскошелиться. И он это сделает, юный хитрец в этом не сомневался.

Хаго понятия не имел, что такое «Изумрудная скрижаль», но про «философский камень» был наслышан. Это же какие огромные деньжищи можно иметь, заполучив изумрудную плитку с рецептом?! Ведь этот камень делает золото!

Херр Альдульф водил знакомство с местным алхимиком, и они не раз беседовали на эту тему. И, конечно же, Хаго подслушивал у приоткрытого окна. Юный воришка таким способом обучался разным житейским премудростям, так как был сиротой и не мог получить отеческого наставления. А скупщик краденого оказался превосходным учителем. Непонятно из каких соображений он заставил Хаго изучать латынь и греческий язык, кроме того, мальчик умел читать и писать, что уже было удивительным явлением в его «профессии».

Естественно, херр Альдульф вряд ли мог называться добрым самаритянином. Просто он был весьма предусмотрителен и не сомневался, что когда-нибудь грамотность сослужит мальчику хорошую службу. А значит, и ему самому. Ведь он

старел, и в будущем ему понадобится надежный помощник, который сможет заменить его в некоторых вопросах, касающихся приобретения и сбыта ворованных вещей. Что касается его детей, то они наотрез отказались изучать азы «профессии» родителя.

Алхимик (как на взгляд далеко не глупого мальчика) явно был мошенником, который выманивал у богатого скупщика краденого побольше звонких монет на свои опыты. Он так красочно заливался соловьем о своих успехах в составлении некой субстанции, которая почти «философский камень», что у херра Альдульфа даже слюна капала из приоткрытого от вожделения рта.

Но все равно, денег алхимику он давал самую малость, чем вызывал у того гнев. Получив кошелек с пфеннигами, алхимик первым делом шел в таверну, где напивался до положения риз и ругал благодетеля-скрягу последними словами. Хаго частенько следил за ним, а однажды не сдержался и срезал заветный кошелек с пояса алхимика. Возможно, он и не совершил бы столь нехороший проступок, да пришел срок платить взнос воровской гильдии Аахена. А это дело серьезное.

Атаман гильдии давал разрешение на воровской промысел. За это нужно было два раза в месяц отдавать в общую воровскую казну не менее половины «улова» или заплатить определенную сумму деньгами. «Работа» в самом городе стоила дорого, а в его окрестностях – несколько дешевле.

И попробуй обмани!

В таком случае Хаго-Визеля нашли бы в сточной канаве с перерезанным горлом, несмотря на то что мальчишка был хитрым и шустрым, как ласка, – хищный зверек, от которого он получил свое прозвище.

Хаго не сомневался, что за те сведения, которые принес ему Ханси, херр Альдульф отсыплет ему, не скупясь, полный кошель звонкого серебра. Ведь путь в Константинополь не близок, а расходы должны обернуться огромной прибылью, ежели в руки херра Альдульфа попадет рецепт «философского камня», который, оказывается, был и не камнем вовсе, а чем-то непонятным.

То, что «Изумрудную скрижаль» придется у рыцарей украсть (если, конечно, они ее найдут), в этом Хаго не сомневался. И это должен сделать он, один из лучших воров Аахена. На этот счет Хаго был спокоен. А вот как следить за рыцарями, не вызывая у них подозрения, это был его самый большой вопрос.

На территории Священной Римской империи они, несомненно, будут находиться под его неусыпным надзором. Никуда им от этого не деться. Хаго был еще тем хитрецом и проницей.

А вот что ему делать, когда его подопечные вместе с посольством погрузятся на корабль, чтобы плыть в Константинополь? Ведь судя по утверждению Себальда из Херсвельда, рыцари попросят в охрану посла, епископа Лиутпран-

да Кремонского. Абы кого на посольское судно никто не пустит, даже за большие деньги, и что тогда он должен предпринять? Сесть на второй корабль? Если он будет в порту и отплывет в тот же день. А ежели нет, то ищи-свищи тогда ветра в поле.

Рыцари ждать его не будут. Они сразу же по прибытии в Константинополь отправятся на поиски «Изумрудной скрижали». В этом у Хаго сомнений не было. Поиски сокровищ чересчур увлекательное дело, чтобы оставлять его на потом. Тем более такого сокровища. А империя ромеев слишком велика, и у него, мальчика, просто не хватит сил и возможностей проследить путь рыцарей.

Мальчик задумчиво пожевал соломинку, повздыхал с огорчением, а затем решительно направился к коновязи. Усевшись на свою великолепную лошадку, которая ласково «поцеловала» юного воришку в лицо своими бархатными губами (Хаго был любимцем животных; наверное, потому, что мать родила его в императорском зверинце, и он с детства имел опыт общения с разными зверушками, большими и малыми), тронул поводья и поехал в направлении грязного ручья, где находился дом скупщика краденого, который приютил его после неожиданной смерти родителей...

Наконец рыцари выбрались из лесов на битый шлях, построенный еще римлянами, и немного расслабились. Пошли места, где лихие людишки встречались редко (если не счи-

тать разбойничаяющих баронов, которые грабежами на большой дороге старались поправить свое финансовое положение).

Но приближалось ночное время, и Геррик озабоченно молвил:

– Неплохо бы нам найти где-нибудь надежное пристанище...

– Найдем, – уверенно ответил Себальд. – Неподалеку отсюда находится замок моего доброго друга. Уверен, он будет рад приютить нас на ночь.

– Святая Пятница! Рад слышать столь приятную весть! Но что это за шум впереди? Это явно не звуки сражения. Кажись, народ веселится. По-моему, люди поют.

За поворотом дороги рыцарям открылась целая процессия. Они посторонились, с уважением пропуская немалый гурт людей, одетых в длинные плащи. Они увлеченно пели псалмы, не обращая внимания на окружающую действительность. Предводитель толпы, в которой насчитывалось добрых два десятка человек, отгонял слепней пальмовой ветвью. Это значило, что он самый уважаемый человек в гурте, так как уже поклонился Гробу Господню. А следующие за ним люди были паломниками.

В Иерусалим паломники начали путешествовать пять столетий назад, несмотря на все опасности пути. Пираты, свирепствующие на море, постоянные стычки сарацинских племен, риск быть ограбленным или попасть в рабство не оста-

навливали желающих припасть к истокам христианства. Вереницы таких странников были обыденным явлением, а нередко и удобным прикрытием – тому, кто хотел быть неузнанным, плащ пилигрима служил отменной маскировкой.

Люди оставляли свои дома и хижины ради самых разных целей. Это могло быть стремление что-то выпросить у Господа или замолить тяжкий грех. Желательно прямо возле сосуда с подлинными мощами. Удача в сложном деле, выздоровление вопреки усилиям врачей и знахарей, победа в бою... – любое событие имело своего святого покровителя, которого следовало отблагодарить.

Поэтому в обители, где хранились знаменитые, а тем более чудотворные реликвии, тянулся неиссякаемый поток паломников с дарами. Нередко на доходы от паломничества настоятели обителей содержали бедняков-мирян в неурожайные годы.

Вдоль основных направлений паломничества вырастали как грибы в дождливую пору постоянные дворы, предлагавшие, помимо обычной пищи, вполне богоугодную и постную, а также лечебницы и монастыри. Морские путешествия были куда опаснее и тяжелее. Жадные торгаши генуэзцы и венецианцы, покорители морей, у которых был большой флот, быстро прибрали к рукам популярный у паломников маршрут. Они перевозили пилигримов по шестьдесят-сто человек, зачастую без пищи, запрашивая за это большие

деньги.

Со временем появились профессиональные пилигримы, которые предлагали желающим походить по святым местам за скромную плату. Они пользовались всеми льготами паломников, при этом попрошайничали, рассказывали байки и торговали «подлинными» реликвиями, которые можно было найти в ближайшей канаве.

Совершенно иного сорта были странствующие монахи. Первыми стали ирландцы, бежавшие из разоренных викингами обителей. Появление этих высокообразованных людей, многие из которых везли с собой спасенные от варваров древние книги и свитки, укрепляло авторитет церкви.

Монахи строили новые обители и обращали в христианскую веру язычников. Со временем монастыри превратились в богатые и процветающие хозяйства, по количеству земель и крестьян соперничающие с владениями знатных сеньоров.

Когда пилигримы проследовали мимо рыцарей, Геррик сказал:

– Может, я святотатствую, но у меня никогда не возникало желания присоединиться к пилигримам. Возможно, потому у меня так скверно идут дела.

– Тебе представится великолепная возможность восполнить этот пробел в Константинополе, – улыбаясь, ответил Себальд. – Там хранится много разных христианских святынь.

– Что ж, коли так, я буду признателен тебе вдвойне за

предложение посетить империю ромеев...

К замку друга Себальда, барона Ландварта, они подъехали в тот момент, когда солнце уже коснулось горизонта. Огромный малиновый шар освещал мрачные стены и башни крепости, сложенные из дикого камня, и казалось, что замок парит в воздухе, так как понизу уже стелился туман – испарения от крепостного рва, заполненного мутной водой, поросшей ряской.

Ворота замка уже закрыли, но подъемный мост, перекинутый через ров, был на месте. Себальд достал из сумки охотничий рог и протрубил три раза. Спустя некоторое время над зубцами сторожевой башни показалась мрачная физиономия кнехта. В руках он держал лук с наложенной на тетиву стрелой. Страж подозрительно осмотрел рыцарей, а затем грубо спросил:

– Чего надобно?

– Мы ищем приюта на ночь, – кротко ответил Себальд, придерживая Геррика, который уже намеревался обругать нахального кнехта за неподобающее обращение к рыцарям.

– У нас не постоялый двор, – лениво сказал кнехт. – Идите с Богом. Там, дальше... – Он неопределенно указал рукой на шлях – словно отмахнулся от слепня, – находится постоялый двор.

– Скажи господину барону, что в гости к нему прибыл Себальд из Херсфельда! – повысил голос рыцарь. – Да поторопись!

Он уже начал злиться – как и Геррик.

– Себальд, Себальд... – пробурчал кнехт. – Ездят тут разные... Не знаем такого. Господин приказал никого в замок не впускать после захода солнца.

– Солнце еще светит, дубина! – взвился Геррик. – Открой вай ворота, если не хочешь больших неприятностей!

– Э-э, потише! – Кнехт прицелился. – Не то попотчую остреньким перчиком. А стреляю я отменно.

– Что за шум, Бадю? – раздался чей-то голос, и рядом с неважно одетым кнехтом появился второй солдат, похоже, сержант, судя по более богатому облачению.

– А вот, эти господа требуют открыть ворота, – недовольно сказал кнехт. – С какой стати? Уже вечер...

Сержант внимательно посмотрел на рыцарей и вдруг заулыбался.

– Мессир Себальд! – воскликнул он. – Какая радость! Господин барон недавно вспоминал о вас. Бадю, скотина, отвори вай ворота! – рявкнул он на кнехта. – Да побыстрее! У нас желанный гость!

Себальд облегченно вздохнул; с сержантом, которого звали Мадельрат, он был знаком.

Проезжая по мосту, Геррик не без опаски посмотрел вниз. Мост был «качающимся» – устроенный по принципу качелей. Одна половина моста находилась внутри – лежала на земле под воротами, а другую протянули через ров.

Когда внутренняя его часть поднималась, закрывая вход

в замок, внешняя (на которую иногда успевали забежать неприятели) опускалась вниз, где была устроена невидимая со стороны «волчья яма» (острые колья, вкопанные в дно рва) – опущенный мост закрывал ее. Поэтому падение в ров заканчивалось гибелью или страшным увечьем.

– Мессир, вы везучий человек! – воскликнул сержант, когда они оказались за стенами замка. – Сегодня у нас пир!

– По какому случаю? – живо поинтересовался Геррик, которого всегда мучила жажда.

Он уже вылил в себя все содержимое дорожной фляги, где находилось доброе вино, купленное в одной из винных лавок Аахена, и теперь с нетерпением ожидал застолья. Ведь встреча давних друзей – хозяина замка и Себальда – предполагала обильные возлияния. А что может быть приятней для странствующего рыцаря, нежели сытый ужин, много хорошего вина и удобная постель?

– По случаю большой облавной охоты! – ответил сержант и раскатисто хохотнул.

Себальд с пониманием улыбнулся. Хорошее настроение Мадельрата объяснялось просто: удачная охота барона предполагала сытное угощение дичиной не только его пирующим друзьям, но и охране замка, которая питалась довольно скудно. Кнехтов кормили кашами, ржаным хлебом грубого помола, репой и лепешками. Мясо стражи замка добывали сами, отлавливая птиц, преимущественно мелких.

Но огромная господская голубятня, полнившаяся перна-

той живностью, была под запретом – голуби считались большим деликатесом и привилегией дворян.

Себальд и Геррик в сопровождении сержанта поднялись по каменной лестнице дома барона в обширный коридор, который протянулся вдоль всего главного фасада здания. Это была хорошо освещенная галерея, свет в которую проникал через большие окна. В стене, противоположной окнам, находилась внушительного вида дверь в главную залу.

Мадельрат вошел первым, оставив рыцарей за порогом, – чтобы доложить барону. Ландварт был строгим господином и тщательно следил за соблюдением старинных обычаев. А они предполагали некие церемониальные ритуалы во время приема гостей, тем более незваных.

Ожидание несколько затянулось. Геррик облизывал сухие губы и с вожделением принимался к умопомрачительно вкусным запахам, которые доносились из пиршественного зала. Наконец в дверном проеме появилась сияющая физиономия сержанта, который с поклоном пригласил рыцарей войти. Его радость была вполне понятна. Он держал в руках здоровенный кусок жаркого – часть задней ноги косули, испеченной на вертеле. Это было вознаграждение от барона за добрую весть.

Себальду и Ландварту в свое время пришлось вместе немало повоевать. В сражениях они не раз сражались бок о бок. А однажды на пирушке поклялись на крови, что всегда будут неразлучны. Увы, если бы желания человека совпада-

ли с его возможностями...

Зала была довольно мрачной. Да и как ей не быть мрачной при обширном размере, толстенных стенах и небольшом количестве узких окон, представляющих собою глубокие ниши? Тем более что цветные стекла окон задерживали дневной свет.

Но все эти неудобства были оправданы, ведь главной целью обитателей замка была максимальная безопасность. Поэтому внутренние помещения дома-крепости предлагали так мало удобств и комфорта для семьи барона.

Пол в зале был каменный, но не серый; его составили из разноцветных плит, правильно чередующихся между собою. Они несколько ослабляли впечатление мрачности, царившей в помещении. К тому же, по случаю пира на нем были разбросаны древесные ветви и цветы, в том числе розы и лилии.

Вся зала была разделена на три части колоннами с причудливыми капителями. Поперек потолка шли ряды балок. Оштукатуренные и выбеленные стены залы оживляла роспись водяными красками. Похоже, в смесь добавили жженный гипс, потому как штукатурка выглядела просто превосходно. Она называлась «французской» и была очень сложной в исполнении.

По причине торжества по стенам развесили пестрые ковры. Посреди залы находился громадный дубовый стол, покрытый скатертью. Вокруг него и под стенами залы стояли скамьи с подушками. Но особенного внимания заслуживал

камин. Это было целое сооружение.

Камин размещался между двумя окнами, основанием его внешней части служили прямые колонны почти в человеческий рост, а над ними выдавался довольно далеко вперед каменный колпак-вытяжка, постепенно суживающийся по мере приближения к потолку.

Во главе стола, под шелковым балдахином, в большом кресле с ручками, похожем на королевский трон, сидел сам владелец замка. Гостей было немного – от силы полтора десятка, и среди них несколько женщин. При появлении в зале Себальда и Геррика барон, презрев все условности, порывисто встал и сердечно обнял боевого товарища.

– Какая приятная неожиданность! – воскликнул Ландварт. – Но что я вижу, Себальд? Ты уже не в монашеском одеянии! Это для меня новость. Насколько мне помнится, ты намеревался удалиться от мира сего...

– Что я и сделал, – улыбаясь, ответил Себальд. – Но соколу, который почувствовал вкус свежего мяса с кровью, трудно удержаться в клетке, где его кормят мертвечиной.

– Какое красивое сравнение, мой ученый друг!

Барон представил Себальда пирующим, а Геррика, с его отменно подвешенным языком, и представлять не понадобилось. Он мигом перезнакомился со всеми рыцарями и дамами и вскоре стал душой компании. Тем более что это оказалось очень просто – вино барона было настолько превосходным, что Геррик неожиданно вспомнил свой поэтический

дар.

Он продекламировал несколько стихов собственного сочинения, в основном на куртуазные темы, и дамы были от него в восторге. Что касается рыцарей, то им ничего иного не оставалось, как последовать примеру своих подруг; на какую только жертву не пойдешь ради женщины...

Себальду и Геррику и впрямь повезло. Пирующие уже отведали легкие закуски – сыры, кислые овощи и фрукты, а также овощной суп, в который добавили кусочки хлеба и мяса. Но главным блюдом было разнообразное жаркое из дичи. И рыцари успели как раз к его подаче, что восхитило Геррика, – супы он не очень любил, а хорошие сыры стоили дорого, обедневший рыцарь не мог позволить себе купить такую роскошь, поэтому сыр не вызывал в нем положительных гастрономических эмоций.

Кто к чему привык...

К мясу были поданы соусы, основу которых составляли уксус с разнообразными травами и специями. И конечно же на столе было много хорошего вина, в которое были добавлены для лучшего вкуса мед и различные заморские приправы – перец, корица, имбирь, гвоздика – и которое поглощалось в больших количествах.

По этой части дамы не очень отставали от кавалеров, и за столом вскоре воцарилась атмосфера непринужденного веселья. Геррик сыпал направо и налево шутками-прибаутками, заядлый книжник Себальд рассказывал умные истории,

а барон, сам любитель застольных бесед, живописал баталии, в которых он сражался вместе со своим другом.

Незаметно наступил вечер, стемнело, в зале зажгли светильники и растопили камин – толстые каменные стены начали источать сырость. От огня стало гораздо уютней. Алааны, огромные охотничьи псы хозяина замка, которые подбирали объедки (пирующие бросали их прямо на пол), уже наелись до отвала и улеглись полукругом возле камина, со странной задумчивостью уставившись на трепещущие языки пламени. Временами какой-нибудь пес вдруг начинал тихо повизгивать и трясти головой, словно пытаясь прогнать наваждение.

Возможно, в этот момент перед его внутренним взором появлялись тревожные, предостерегающие от неминуемой беды картины-воспоминания, передавшиеся по наследству от прародителей, прирученных древним человеком. Они точно так же глядели на огонь костра, разложенного в пещере, и точно так же чуяли многочисленные опасности, которые таились во мраке, подстерегая первобытного охотника.

Digressio II. Битва

Правитель Та-Кемет, божественный Тот-Джехути, – Управляющий годами, Вычисляющий время жизни, Местоблюститель Ра, Главенствующий над живущими звездными богами, Бык Аменти, Ур-хекау²⁶, Уп-Рехуи²⁷ – стоял напротив величественного изображения Хор-эм-Ахета²⁸, вглядываясь в его строгий лик. Огромная статуя бога Гора в виде лежащего на земле льва была высечена из скалы и расположена лицом к Приносящей Ил и восходящему Солнцу-Ра.

Между лап льва находилось небольшое святилище, сложенное из каменных блоков. Войти в него имели право лишь жрецы высшего посвящения. Но и они не знали, что под святилищем расположено тайное хранилище знаний Первых богов.

Глубокое подземелье, лабиринт, из которого, не зная его плана, нельзя было найти выход, построил сам Гор. Он предупредил Тота, что эти знания нужно передавать народу Та-Кемет постепенно, по крупницам, потому что полученные в полном объеме, они могут свести с ума любого человека, и он будет способен наделать людям много бед.

Солнце постепенно показывалось из-за горизонта, и лик

²⁶ Ур-хекау – бог магии.

²⁷ Уп-Рехуи – судья двух борющихся богов.

²⁸ Хор-эм-Ахет – Гор на горизонте (*др. – егип.*); статуя Сфинкса.

Хор-эм-Ахета, казалось, оживал. Ярко засветились глаза Гора, покрытые смальтой, и стали как живые. Сердце Тота вдруг застучало в груди гораздо сильнее и быстрее – правитель Та-Кемет вспомнил, какими страшными они становились, когда Гор гневался.

Такие моменты бывали редко, но когда случались, то начинали дрожать стены дворца, придворные в безмолвном ужасе падали ниц, а на спокойной водной глади Приносящей Ил вздымалась высокая, красная от ила волна, которая неслась в низовье реки, сметая все на своем пути.

Утро, как обычно, было свежим и благоухающим. Цветники, разбитые вокруг Хор-Эм-Ахета, испускали тончайшие ароматы, мирно жужжали пчелы, в реке плескалась рыба, квакали лягушки, в зарослях папируса пели птицы... Все было, как вчера, позавчера, месяц назад. Разве что голубое небо стало чуть темнее, и это почему-то беспокоило Тота.

Он оторвал взгляд от каменного изваяния, невольно посмотрел вверх, повинувшись какому-то странному чувству, и вздрогнул. Над его головой в вышине летал сокол. Птица словно высматривала добычу.

Неожиданно сокол издал крик, да такой необычайно сильный, что Тот даже поморщился, а затем, сложив крылья, спикировал прямо на правителя Та-Кемет. Тот-Джехути даже не дернулся и не сдвинулся с места, все смотрел на быстро приближающуюся птицу. Казалось, что сокол готовится вцепиться когтями в его лицо. Но, не долетев до головы Тота

совсем чуток, сокол расправил крылья и взмыл к утреннему небу. Оказавшись на большой высоте, он снова издал свой крик-клекот, который показался Тоту предостережением, и исчез, растворился в сияющей дали – улетел в сторону нарождающегося Ра.

Сокол явно хотел о чем-то предупредить божественного Тота-Джехути. Правитель Та-Кемет не удивился странному поведению птицы. Похоже, в нее вселился дух самого Хорэм-Ахета. Такое случалось и раньше.

Тот-Джехути понимал язык птиц и зверей, хотя многое из древних знаний уже подзабылось. Ночной лай шакала мог дать ему сведений о противнике гораздо больше, нежели донесения разведчиков. А со своим ручным павианом он часами вел беседы, которые для непосвященных казались истинным чудом.

Никаких чудес не было. Просто павиана он растил сам, после того как охотники оторвали детеныша от сосцов матери, погибшей в схватке со львом. Павиан был очень умен и так привык к своему кормильцу, заменившему ему мать, что понимал Тота с полуслова и даже с полувзгляда.

Повинуясь дурному предчувствию, Тот перевел взгляд на Большую пирамиду, которую он построил по проекту Гора. Она была совсем новой и светилась под солнечными лучами невероятной белизной. Пирамида выглядела как гигантское зеркало, которое отражало столь мощный свет, что его можно было заметить даже из небесной обители богов. По

этой причине жители Та-Кемет назвали пирамиду «Чудный свет».

Ее облицевали белым известняком, а сверху установили бенбенет – камень пирамидальной формы, покрытый пластинами электрума. Бенбенет сверкал, как второе солнце, и был виден издалека.

На западной плоскости бенбенета находилась фигура священного сокола Ра-Хорахте – солнечного бога. На его противоположной, восточной стороне, был изображен Атум – бог вечернего солнца, великий творец вселенной. В руках он держал крест-анкх, символ вечной жизни, его голова была в короне, подбородок украшала священная борода, а на плечах лежало широкое ожерелье в виде цветка водяной лилии, символа возрождения и победы над смертью. На северной плоскости бенбенета воспарял ввысь крылатый священный жук-скарабей, символизирующий утреннее солнце. Наконец, на южной плоскости бенбенета был изображен бог Птах с посохом в руке, который восседал на престоле.

Бенбенет был назван в честь первичного холма бенбен, который появился из первичных вод Нуна – существовавшего в начале времен первозданного Океаноса, из которого вышел Ра и начал творение мира Атум. Бенбен был местом, на которое упали первые лучи восходящего солнца.

Обычно бенбенет горел на солнце жарким золотым пламенем, но сегодня он вдруг потускнел и стал красноватым. Тот-Джехути встревожился. Большую пирамиду строили как

усыпальницу для правителя Та-Кемет. Ничто в подлунном мире не вечно, и Тот, который уже прожил очень много лет, чувствовал, что вскоре придет время и ему отправиться в Залы Аменти. Но ни жрецы, ни строители пирамиды не знали истинного ее предназначения. Пирамида продлевала жизнь. Это знание передал Тоту сам Гор; они были выше понимания атталанта.

Но он и не пытался разобраться, почему так происходит. Тот-Джехути лишь знал, что лекарства, которые хранились внутри Большой пирамиды, действуют гораздо эффективней, яды становились менее вредными, еда была вкуснее и сохранялась дольше, а помещенные в пирамиду запасы воды самоочищались. Кроме того, семена, хранившиеся в пирамиде перед посадкой, давали большой урожай. А еще после постройки Большой пирамиды Та-Кемет почти избавилась от землетрясений, которые прежде разрушали храмы и жилища.

Однако и это было еще не все. В Большой пирамиде находились многочисленные тайные помещения, где Тот хранил личные вещи, которые успел захватить с собой, когда Атталанта погружалась в пучину Океаноса: священные символы и талисманы из драгоценных камней, оружие из светлого металла, которое не ржавело, обладало большой прочностью и никогда не тупилось, кремниевые пластины с высеченными на них письменами, в которых описывались разные чуде-

са, и предметы из прозрачного «растекающегося камня»²⁹. Несмотря на кажущуюся хрупкость, они были чрезвычайно прочны.

Все это невозможно было сделать в Та-Кемет, хотя Тот-Джехути и пытался. Он занимал в Атталанте высокое положение, но не был ученым. Ему были недоступны знания жрецов своей бывшей родины.

Вещи, хранившиеся в пирамиде, не мог присвоить кто-либо посторонний. Они охранялись таинственными силами, и вор, даже если он сумеет каким-то чудом проникнуть в тайник, будет мгновенно испепелен в голубоватом пламени.

Но не об этом думал сейчас Тот. В бенбенете была заключена одна особенность – когда на Та-Кемет нападали полчища варваров, сторожевые посты в дельте Приносящей Ил зажигали сигнальные костры, которые с помощью тщательно полированных бронзовых зеркал, отражающих пламя, посылали сигналы тревоги. Они попадали на главный бенбенет (а их было несколько) Большой пирамиды, и тогда пластины электрума теряли свое сияние.

Почему так происходило, не знал даже Тот. Ведь все это придумал Гор. А в тайнах богов не могли разобраться самые мудрые жрецы Атталанты.

– Повелитель, беда! – прерывающийся голос запыхавшегося главного жреца вывел Тота из состояния глубокой задумчивости.

²⁹ Растекающийся камень – так древние египтяне называли стекло.

Только Джед-Амен-иуф-анх³⁰, главный жрец, Посвященный, и командующие профессиональными отрядами армии Та-Кемет, названными по имени богов (Первый отряд носил имя Амона, второй – Ра, третий – бога Птаха, четвертый – Сета), имели право обращаться к правителю без употребления его многочисленных титулов. Это было целесообразно – в сражении некогда проговаривать длинный перечень званий Тота-Джехути.

А он, как главнокомандующий, нередко лично водил войска, хотя жрецы и противились этому, опасаясь за его жизнь. Ведь божественное происхождение не спасет от дротика или отравленной стрелы, посланной коварным врагом.

– Что случилось?

Густой басистый голос Тота прозвучал отрешенно, без эмоций.

– Голубиная почта... – Джед-Амен-иуф-анх протянул правителю Та-Кемет клочок папируса, свернутый в трубочку.

Тот развернул послание, которое принес почтовый голубь, и прочитал донесение внешней стражи.

– Вон оно что... – Тот еще раз глянул на бенбенет, который совсем потускнел. – На нас напали шерданы³¹. Притом

³⁰ Джед-Амен-иуф-анх – «Он будет жить» (*др. – egiunet.*).

³¹ Шерданы – так у египтян назывались пираты из «народов моря». Этим термином они объединяли греков, филистимлян, критян и пр. Но на самом деле шерданы – это древние сарды, заселившие несколько позже остров Сардинию.

в огромном количестве. Давно их не было... Что ж, нужно встретить шерданов и проводить достойно. Собрать начальников войск! Как можно быстрее!

– Слушаюсь и повинуюсь, повелитель! – Жрец низко поклонился и трусцой побежал исполнять приказание Тота.

Немного помедлив, Тот-Джехути задумчиво кивнул, соглашаясь со своими мыслями, и решительно направился в «Дом войны»³², рядом с которым находился и «Дом оружия» – ведомство, в ведении которого находилось изготовление оружия, постройка кораблей, снабжение войска и постройка оборонительных сооружений...

Войско Та-Кемет шло, поднимая тучи пыли. Как обычно, впереди находился отряд Амона – три тысячи закаленных в боях воинов. Его начальник, Аменемиби, рослый муж, покрытый шрамами, шел впереди своих подчиненных, хотя мог бы ехать на муле. Но он знал, что пример командира вдохновляет воинов, поэтому весь путь к Дельте мерил своими длинными ногами.

Свое «военное» имя Аменемиби³³ взял, когда получил назначение командовать главным (и лучшим) профессиональным отрядом армии Та-Кемет. До этого его звали Бадру – «Рожденный в полнолуние», и он принадлежал к «спутникам правителя» (был одним из его телохранителей). «Люди свиты» составляли личную охрану Тота-Джехути, а входив-

³² Дом Войны – военное министерство в Древнем Египте.

³³ Аменемиби – Амон в сердце моем (*др. – egyptem.*).

шие в нее «спутники правителя» представляли собой группу наиболее выдающихся и преданных ему знатных воинов, из состава которой назначались военачальники.

С запада и востока доступ в Та-Кемет был надежно защищен пустынями. А для защиты южной границы еще Гор начал строить (Тот-Джехути продолжил это важное и нужное дело) три линии крепостей в районе первого и второго порогов Приносящей Ил.

При Тоте, который помнил, как выглядели укрепления в Атталанте, крепости стали более совершенными. Теперь они имели зубцы, прикрывавшие оборонявшихся воинов, башни для обстрела подступов к стене, и ров, затруднявший подход к крепостным сооружениям. Ворота тоже были защищены башнями, а для вылазок устраивались небольшие выходы. Большое внимание уделялось снабжению гарнизона крепости водой – внутри устраивались колодцы или скрытые выходы к реке.

Крепости были устроены с таким расчетом, чтобы воины могли добраться до них за один дневной переход. Они разбивали бивак под стенами, и крепостная стража зорко следила, чтобы враг не смог подобраться незаметно к уставшим воинам, которые под защитой крепости могли отдыхать спокойно.

Тот-Джехути после кончины Гора усовершенствовал организацию войска. Теперь подразделения имели определенную численность – шесть, сорок, сто, четыреста и шестьсот

воинов. А отряды насчитывали две, три и десять тысяч воинов. Были созданы подразделения одинаково вооруженных воинов – копейщиков и лучников, которые имели определенный порядок построения для движения; они двигались колонной в четыре ряда по фронту и в десять шеренг глубиной.

Кроме того, Тот ввел систему поощрений воинов. За боевые заслуги их продвигали по службе, за выслугу определенного количества лет они получали землю, скот, рабов или же награждались «Золотом похвалы» – золотым ожерельем, а также богато украшенным золотом и драгоценными камнями боевым оружием.

Отряд, которым командовал Аменемхи, считался гордостью Та-Кемет. Его составляли тяжеловооруженные воины, которые имели деревянные щиты в половину человеческого роста, обтянутые мехом, боевые топоры и кинжалы из меди, а также копья с каменными наконечниками. Вооружение воинов других подразделений было гораздо беднее: луки с запасом стрел в колчанах, дротики, тяжелые дубины и булавы с металлическим шаром на конце, утыканным шипами, – буздыганы, каменные топоры, пращи и метательные палицы – бумеранги.

Другое защитное снаряжение, кроме щитов, практически отсутствовало. Все воины носили длинные схенти – набедренники, плотно облегавшие тело и закрепленные на поясе, их бритые головы прикрывали парики из растительных во-

локон, они были босыми, так как прически, головные уборы и обувь разрешалось носить только представителям высших сословий.

Но простые сандалии из папируса воины все же имели; так распорядился Тот-Джехути. В местах, где придется сражаться армии с шерданами, много каменных осыпей, которые ранят ноги. А это может сказаться на боевом духе воинов.

В самой Та-Кемет обувь надевали лишь во время празднеств и ритуальных церемоний. Недавно в моду вошли сандалии с загнутыми носами. Их изготавливали из папируса, кожи и золота. Сандалии обычно несли в руках и надевали только на месте. На подошвах сандалий высокопоставленные подданные Тота обычно изображали своих врагов, чтобы при ходьбе попирать их ногами и таким образом унижать.

Однако где же сам Тот-Джехути? Ведь он собирался пойти в поход вместе с армией. Над этим ломали голову не только простые воины, но и командиры. Война с многочисленными шерданами – занятие не только опасное, но еще и требующее быстрых решений начальников всех отрядов и подразделений, а главное, большого воинского таланта самого главнокомандующего.

Тот это хорошо понимал, поэтому пообещал лично возглавить армию во время сражения. Но пока его нигде не было видно, к большому недоумению Аменемоби, ведь правитель всегда шел вместе с отрядом Амона.

Пиратствующие шерданы принадлежали к «народам мо-

ря». Судя по донесениям разведчиков, в Дельте высадились и начали свой грабительский набег на поселения кроме собственно шерданов представители племен акайваша³⁴, пулисати³⁵ и шекелеши³⁶. Все они были превосходно вооружены, носили панцири и в бою сражались как львы. Победить пиратов всегда удавалось, но с большими потерями.

Однако если прежде нападали отрядами, то сейчас в Дельте высадилась из кораблей огромная армия, как указывали в своих донесениях разведчики.

Аменемибви мысленно посетовал на флот Та-Кемет, речные суда которой не шли ни в какое сравнение с морскими кораблями пиратов-шерданов. В предстоящем сражении флот не мог помочь армии. Жители страны не были прирожденными мореходами и до недавнего времени плавали только по Приносящей Ил и прилегающим к реке каналам. Эти водные артерии представляли собой очень удобные пути сообщения среди окружавших страну гор и пустынь.

Отсутствие лесов, за исключением акации, – слишком твердого, а потому малопригодного для кораблестроения дерева, заставляло долгое время вязать суда из длинных стеблей папируса, в изобилии растущего по берегам реки. Но Тот-Джехути, Великий Учитель, будучи жителем Атлантиды, располагавшейся посреди Океаноса, не мог смириться с

³⁴ Акайваша – ахейцы.

³⁵ Пулисати – филистимляне.

³⁶ Шекелеши – сикулы, древние жители острова Сицилия.

таким обстоятельством и приказал использовать в кораблестроении акацию; он мечтал о морских путешествиях своих подданных. Корабли получались добротными, прочными, имели парус и команды опытных гребцов – бывших рыбаков, но их было слишком мало.

Отряды боевых кораблей возглавляли начальники флотов. Постройкой кораблей ведал «Строитель кораблей» – так без особых мудрствований именовалась эта придворная должность. Тот-Джехути решил создать два флота – в нижнем (Дельте) и верхнем (Долине) течении Приносящей Ил. Судя по донесению начальника Дельты, часть кораблей захватили шерданы, что и неудивительно – моряки Та-Кемет не могли соперничать с кровожадными морскими разбойниками. У них пока было мало боевого опыта.

И все же суда Та-Кемет оказывали большую помощь войску. Они плыли впереди отрядов, нагруженные съестными припасами и запасами воды. Поэтому на привалах не было проблем с едой (как иногда случалось в дальних походах).

Конечно, свой дневной паек воины несли на себе, в небольших сумках, – два сосуда воды и двадцать небольших хлебцев. Но недокормленный или голодный воин может не выдержать жестокого длительного сражения, поэтому плотно подкрепиться хоть раз в сутки ему просто необходимо.

Снабжение припасами для Аменемиб и других начальников отрядов всегда было больной темой. В особенности,

когда армия шла воевать страну Нуб³⁷ или по пустыне в сторону Та-Нутер³⁸. Тот-Джехути обычно не затягивал военные кампании, старался победить врагов как можно быстрее, чтобы уже через несколько месяцев вернуть «стадо бога» (так назывались воинские отряды) домой. Большое войско обычно набиралось принудительно из крестьян и ремесленников, а им и дома хватало забот...

Войско пиратов впечатляло. В отличие от воинов Та-Кемет – «стада бога», которое из защитного снаряжения имело только щиты, пираты облачились в прочные доспехи. Шерданы были в наплечниках округлой формы, составленных из медных полос, и куртках из толстой бычьей кожи. А их головы защищали рогатые бронзовые шлемы с шариками на высокой ножке посреди рогов. Плетенные из лозы и обтянутые бычьими шкурами щиты шерданов были круглыми, большими, с центральной ручкой и металлическим умбоном.

У пулисати доспехи были матерчатые – из многослойного проклеенного льна, а на их головах высились шлемы-тиары из перьев. Но особенно хорошо вооружились акайваша. Все они имели металлические шлемы, их кожаный доспех усиливали медные полосы, длинные бронзовые мечи наносили страшные раны, а огромные топоры легко крушили щиты во-

³⁷ Нуб – Нубия; историческая область в долине Нила, между первым и шестым порогами.

³⁸ Та-Нутер – берег Красного моря, которое египтяне называли Ше-Иару (Озеро Иару).

инов Аменемиби – первым в бой пошел отряд Амона с боевым кличем армии Та-Кемет:

– Амон-Ра! Амон-Ра!

За отрядом Амона последовали отряды Ра и Птаха. В них большей частью находились легковооруженные воины. Они поражали пиратов стрелами и камнями из пращ. Но шерданы наступали слитным строем, прикрываясь щитами, и вскоре стало понятно, что пираты одолевают «стадо Бога». Но где же божественный Тот-Джехути?! Аменемиби был в отчаянии. Без правителя войско сражалось не так уверенно, как должно.

Неожиданно на левом фланге произошли какие-то странные подвижки. Пираты испуганно загалдели, их строй начал рушиться. Аменемиби быстро забрался на невысокий холм, посмотрел в ту сторону, – и обомлел от удивления, смешанного с торжеством. На пиратов обрушился сам Тот!

Он мчался на большой колеснице, сверкая броней. Она была запряжена «ослами гор»; так в Та-Кемет называли низкорослых широкогрудых лошадей. Рядом с ним бежала свора боевых псов, охранителей Тота, одетых в чешуйчатые панцири из мелких роговых пластинок и в широких металлических ошейниках. Они были огромны и ужасны в своей ярости. Каждый укус боевого пса наносил страшные раны, шерданы шарахались от них как от исчадий ада.

За правителем следовала добрая сотня колесниц с воинами, облаченными в панцири. Они метали дротики, стреляли

из луков, а Тот-Джехути буквально косил врагов огромным мечом, похожим на серп, из неведомого светлого металла. Он высился на колеснице, словно огромная скала, а его острый, как бритва, меч срезал головы шерданов так, будто и впрямь это были ячменные колосья.

Но основным оружием колесниц оказались даже не воины, а длинное дышло и острые копыта животных. Удар по плотному строю акайваша, наиболее опасных в бою (они как раз находились на левом фланге), опрокинул его. Хруст ломающихся костей, дикие вопли пиратов, попавших под копыта жеребцов и под колеса, свист и пронзительный визг возниц, от которого в ушах закладывало... – весь этот шум мог испугать кого угодно.

А уж громадная фигура правителя Та-Кемет, который в своем сверкающем защитном облачении и впрямь был похож на божество, и вовсе обескуражила пиратов.

Первыми покинули поле боя хитроумные пулисати. Им удалось отступить к кораблям почти без потерь. За ними вдогонку бросился отряд Птаха, но впустую – достать пиратов на кораблях не представлялось возможным. Шерданы, ослабленные бегством своих товарищей, еще некоторое время вяло сопротивлялись, а затем последовали примеру пулисати...

Колесницы были сокровенной тайной Тота-Джехути. Они строились в отдаленном оазисе, куда не пускали никого, даже военачальников. Среди иноземных купцов (не говоря уже

о послах) было немало вражеских лазутчиков (да и среди своих предатели случались), придворные нередко выбалтывали державные секреты своим женам, и правитель решил поостеречься, чтобы в нужный момент преподнести врагам неприятный сюрприз. В том же оазисе обучались и колесничие, а также воины-стрелки, которые учились стрелять во время движения колесницы, что было совсем непросто.

Конечно, в армии Та-Кемет издревле применяли возки, в которые запрягали ослов и онагров. В них находилось имущество военачальников, знатных воинов, а также съестные припасы. Но боевые колесницы, запряженные мощными жеребцами неизвестной породы, Аменемибиде видел впервые.

Тот-Джехути припомнил те времена, когда, будучи совсем юным, он сражался в рядах войск Атталанты. Это происходило так давно, что воспоминания стали смутными, тем не менее, как строить боевую повозку, он знал. И применил свои знания на практике.

Возницу и стрелка защищал впереди высокий щит, к колеснице крепился запас дротиков и стрел для лука в больших вместительных колчанах, а на лошадей надели прочные кожаные фартуки, чтобы их не могло поразить вражеское оружие. Кроме того, Тот-Джехути приказал изготовить для колесничих и стрелков добротное защитное снаряжение.

Но оно не шло ни в какое сравнение с панцирем самого правителя. Его броню не брали ни стрела, ни копье, ни топор. Панцирь и щит он привез с собой из Атталанты, но об-

лачался в броню редко, чтобы его не заподозрили в трусости. Тот сражался наравне с другими военачальниками и носил точно такой же доспех, как и они.

Однако теперь поневоле пришлось надеть панцирь атталантов. Уж больно грозными были шерданы и хорошо вооруженными. А Тоту хотелось надолго отбить у них охоту нападать на Та-Кемет...

Битва закончилась полным поражением пиратов. Шерданы едва успели сесть на свои суда, и то не все. Добыча была огромной – около трех десятков прочных морских кораблей, нагруженных награбленным добром, много превосходного оружия, четыре тысячи пленников, в том числе пятисот женщин, сопровождавших пиратов в качестве подруг для постельных утех.

А мертвых врагов даже не стали считать. Их сожгли на костре и пепел развеяли в болотистой низменности.

Тот-Джехути мог быть довольным. Корабли шерданов здорово пригодятся при создании флота Дельты. Они сильно отличались от судов Та-Кемет с плоским днищем и низкими бортами.

Пиратские корабли имели прочную деревянную балку, идущую вдоль всего днища, которая заканчивалась тараном, а для обеспечения поперечной прочности на них устанавливались «ребра». Военные корабли шерданов были легче и длиннее торговых; на них размещалось больше гребцов, что обеспечивало высокую скорость движения. На постройку су-

дов шли кипарисы, которыми были богаты острова Уадж-ур. Нос пиратских кораблей был высоким, управляли ими с помощью двух рулевых весел, установленных на корме с разных бортов.

А уж о пленниках и говорить нечего. Они всегда считались ценной воинской добычей. Строительные планы повелителя Та-Кемет были весьма обширны, но рабов не хватало, и пленники здорово пригодятся «Начальнику строительства», который руководил сооружением величественного храма Амона.

На следующий день армия Та-Кемет двинулась в обратный путь. Крокодилы, которые нежились в грязи по берегам Приносящей Ил, дружелюбно разевали свои зубастые пасти, приветствуя победителей, змеи торопились убраться с дороги отрядов, и, на удивление, ни один из воинов не был укушен ползучим гадом, лай шакалов в ночное время казался приятным и не мешал спать, а соколы в вышине сопровождали победоносную армию Тота-Джехути до самой столицы. Их крики звучали в ушах правителя Та-Кемет волшебной музыкой.

Победа! Ради таких моментов стоит жить!

Минул год после великой битвы с шерданами. Та-Кемет пережила самые тяжелые весенние месяцы, когда сильный ветер буйствовал целых пятьдесят дней. Он нес огромные массы песка из пустынь, засыпавших все на своем пути, –

жилища, поля, дороги. Песчаные бури носились в воздухе, закрывая солнечный свет темной завесой.

Закончилось и время «ахет», когда Приносящая Нил за­тапливала все низменности. И наконец наступил благосло­венный период «перет», когда все цвело и благоухало, а на полях созревали хлеба.

Сидя на своем троне в Храме Истины, божественный Тот-Джехути проповедовал:

– То, что говорю здесь – только истина!

– И нет в этом ни капли иного!

– То, что внизу, подобно тому, что вверху.

– А то, что вверху, подобно тому, что внизу.

– И это надо знать для того, чтобы обрести познание наи­чудеснейшего Единого.

– Все материальное возникло по замыслу Единого.

– Могущество его есть наивысшее могущество!

– Оно превосходит все иное и явлено на Земле во всеси­лии своем.

– Став наитончайшим огнем – познай небесное!

– Так свершается слияние.

– Затем снова вернись на Землю – и будешь улавливать тончайшее и иметь силу преобразовывать несовершенное.

– Это будет означать, что ты обрел славу слияния с Еди­ным и избавился полностью от мрака неведения.

Глава 4. Раубриттер

Ночь упала на землю внезапно, и Хаго едва успел найти удобное место, где можно было остановиться на привал. С лесного пригорка хорошо просматривался замок барона Ландварта – даже в темноте, так как на его стенах горели факелы ночной стражи. Привязав лошадку к дереву длинной веревкой, чтобы она свободно паслась и не смогла убежать, мальчик нашел ложбинку и развел в ней небольшой костерок. Он был осторожен – при всем желании заметить костер издали было невозможно.

Хаго намеревался приготовить себе ужин, жаркое из зайца, которого подстрелил по пути. Он был очень голоден и с трудом дождался, пока заячья тушка покроется аппетитной хрустящей корочкой.

Юный воришка следовал за рыцарями как приклеенный. Риск, которому он при этом себя подвергал, превышал все разумные пределы. Своих подопечных он не опасался; благородные господа не обращали на него никакого внимания. Обладая острым зрением, мальчик в основном следил за ними издали, а когда они выехали на большой шлях, то он затерялся среди путешествующих паломников, крестьян, купцов и сеньоров.

Самый опасный отрезок пути шел по лесам. Если рыцарям было нечего особо бояться – разбойники редко напада-

ли на закованных в броню господ, то Хаго был легкой добычей. Но мальчик был осторожен, как хорек в курятнике. В лесу он держал ушки на макушке.

Когда ему встречались люди, он быстро съезжал с лесной дороги и прятался в чаще, пока они не проходили мимо, обгонял обозы по тропам, пробитым зверьем, а на ночь старался остановиться в какой-нибудь деревеньке, даже если рыцари проезжали мимо, подальше от дурных запахов и убогих жилищ.

Такие моменты Хаго не пугали; он знал, что всегда догонит рыцарей, которые берегли коней и редко переходили на рысь. А постояй в деревне, пусть и в грязном, но сухом сарае, все же был гораздо предпочтительней ночевки в мрачном сыром лесу, где полно зверья – как четвероногого, так и двуногого.

По ходу срезав несколько кошельков у путешествующих ротозеев, когда за рыцарями выехал на большую римскую дорогу, Хаго быстро почувствовал себя в своей тарелке. Теперь ему не нужно было экономить средства, выделенные на поездку херром Альдольфом. Поэтому на постоянных дворах он требовал себе самую лучшую комнату, притом без соседей, заказывал дорогие яства и вино, и вообще вел себя, как дворянский отпрыск.

То, что он был юн, мало кого волновало. (Впрочем, Хаго был рослым пареньком для своего возраста; правда, чересчур худошавым.) Его раскованное поведение и приличная

одежда говорили сами за себя. Кто из хозяев постоянных дворов рискнет задать неудобный вопрос представителю знати? Никто и ни в коем случае. Клиент при деньгах, он платит щедро, не скупясь, – что еще нужно? А сколько ему лет и почему он путешествует в одиночестве, не суть важно.

За то время, что он провел в пути, Хаго мысленно много раз поблагодарил скупщика краденого, который практически стал ему приемным отцом. Он научил мальчика читать и писать, долго вдавливал в его бесшабашную голову, каким образом вести себя в приличном обществе, обучал аристократическим манерам, которые при его профессии нужны как корове седло (так тогда думал юный воришка).

Но теперь он преисполнился благодарности к херру Альдольфу, хотя следы от розог на спине до сих пор проглядывали темными полосами; «папаша»-самозванец руку особо не придерживал, уча сироту уму-разуму. У смышленного мальчика поведение в обществе было безупречным.

Однако теперь ему было не до хороших манер. Ночевка в лесу всегда таит много опасностей. В округе полно хищников – Хаго встречались волки, медведи, рыси. А еще бездомные псы. Вот они считались наиболее опасными. Сбитые в стаи, бездомные псы нападали не только на животных, но и на людей, которых, в отличие от диких зверей, они не боялись.

А еще в лесу шастали шайки разбойников и прокаженных, которых люди боялись больше, нежели кровожадных граби-

телей. Зараза, которую они носили в себе, вызывала ужас и отвращение. При появлении прокаженных люди стремились уйти от них подальше, а уж прикоснуться к больному проказой и вовсе было хуже смерти.

Первые приюты для больных проказой появились три века назад. Но на всех подобных заведениях не хватало. Поэтому группки прокаженных в глухих балахонах с прорезями для глаз, предупреждавшие о своем появлении звоном колокольчиков или трещотками, были привычной частью дорожных пейзажей.

Больные проказой жили подаянием, потому что каждый из них лишался всего – имущества, семьи и места в обществе. Им было запрещено появляться в церквях, булочных, поварнях, у колодцев и источников.

Проказа считалась не столько медицинским случаем, сколько божьей карой за особо тяжкие грехи, которые при желании можно было найти у любого заболевшего. Этот факт, вкуче с отвратительными симптомами и увечьями, делал зараженных проказой изгоями. Случалось, что их обвиняли в отравлении колодцев, похищении младенцев и других преступлениях и уничтожали приюты вместе с обитателями.

Чтобы чувствовать себя в безопасности, Хаго забрался на высокое толстое дерево, нашел там удобную развилку, образованную тремя отростками, надежно привязался к древесному стволу и принялся доедать свой ужин, запивая его неплохим вином, которое булькало в дорожной фляге.

Он хотел оставить часть зайчатины на утро, чтобы плотно позавтракать, но юный организм требовал существенного подкрепления, и Хаго сдался. Бог даст день, Бог даст пищу. Этой древней мудростью он и успокоил свою обычную рассудительность.

Хотя юный воришка устроился вполне удобно – как в кресле, уснуть он никак не мог. Возможно, потому, что большей частью Хаго «работал» по ночам. Лошадка потихоньку пофыркивала внизу, под деревом, где была высокая сочная трава, и он не засыпал еще оттого, что тревожился за ее сохранность. Хотя его любимый арбалет был готов к стрельбе, Хаго знал, что вряд ли сможет помочь бедной животине, ежели на нее нападут волки или псы. Стая нападала молниеносно, он не успеет даже спуститься вниз, чтобы умчаться подальше от хищников, и за короткое время от лошадки останутся лишь кости, шкура, грива и хвост.

Только ближе к утру его начали одолевать сновидения. Это не был сон в полном его проявлении; Хаго погрузился в тревожную полудрему, которая смешала явь и кошмарные фантомы. Ему снилось, что дерево окружают страшные существа, похожие на волков-оборотней.

О вервольфах Хаго был наслышан немало. Ни одни посылки в таверне не обходились без какой-нибудь истории про оборотня. Мальчик не был чересчур суеверным из-за своей профессии, которая предполагала дерзость и храбрость. Но из рассказов болтливых завсегдатаев зланных заведений он

знал, что человек обычно превращается в кровожадное страшилище при полной луне.

А она как раз и светила, взобралась на самый верх звездного купола, да так ярко, что было видно на тысячу клафтеров³⁹ вокруг – почти как днем.

В какой-то момент кошмарные существа приблизились к дереву настолько, что мальчику стали слышны их речи. Несмотря на волчье обличье, они переговаривались как люди! Хаго неимоверным усилием вырвал себя из сонной одури и широко открыл глаза.

Лес полнился людьми, одетыми большей частью в звериные шкуры. В этом не было ничего необычного – охотники и лесники предпочитали камзолы из волчьих, лисьих и барсучьих шкур. Такая одежда грела в холодные ночи и ненастные дни, в ней не страшна была сырость, и кроме того, плохо вычищенные звериные шкуры отбивали человеческий дух, который лесные обитатели чуяли на большом расстоянии. Поэтому и охота ладилась.

Однако люди в звериных шкурах, расположившиеся на соседней поляне (со своего высокого насеста юный воришка прекрасно видел их и слышал), не были ни охотниками, ни лесной стражей. Похоже, соседями Хаго стали разбойники. И что удивительно – ими заправлял настоящий рыцарь! Все

³⁹ Клафтер – традиционная единица измерения расстояния в немецкоязычных странах. Австрийский клафтер равен 1,8965 м (6,22 фута). В Швейцарии клафтер равен 1,8 метра (5,9055 фута). Эта единица также называется «faden» (сажень).

были пешими, только он и его оруженосец в полном боевом облачении сидели на конях.

Мальчик с ужасом подумал, что сейчас его лошадка может привлечь внимание разбойников ржаньем, почуяв жеребцов. Тогда ему точно придет конец. Но сытая берберийка проигнорировала мощных рыцарских коней, которые были другой породы. Видимо, ей очень не понравилось неожиданное многолюдье в лесу, мешавшее отдыху. Лошадка фыркнула, и, повинуясь тихому свисту Хаго, легла, да так, что ее почти полностью скрыла высокая трава.

Этот трюк мальчику показал торговец, который продал ему берберийскую лошадку. Она была уже не молода (хотя по-прежнему резва), и, видимо, прежний ее хозяин, о судьбе которого можно было только гадать, обучил ее разным трюкам, необходимым во время военных действий. Ведь армии нужны были не только рыцари на своих специально обученных, а потому очень дорогих и капризных дестриэ – крупных и рослых жеребцах.

С рыцарем в седле дестриэ уверенно справлялся с пехотой и легкой кавалерией. Всадник на такой лошади мог опрокинуть десяток пеших воинов, стоящих друг за другом. Но большой вес закованного в броню всадника затруднял прыжки, а рогатки, болота и широкие канавы для дестриэ были вообще труднопреодолимы.

Все это приводило к быстрой утомляемости мощных жеребцов, поэтому на полях сражений нужны были и лошади

поплоше, меньшего веса и размеров, особенно когда дело касалось доставки донесений или разведки. Похоже, берберийская лошадка как раз и служила военному лазутчику, потому как в мирной жизни ее качества были лишними.

– ...Какого дьявола мы должны ждать?! – вопрошал кто-то недовольным скрипучим голосом. – Уже перевалило за полночь, в замке все давно спят, мы возьмем барона голыми руками. Штурмовых лестниц и арканов с крюками у нас вполне достаточно, брать замки приступом людишки обучены, не впервой, поэтому на рассвете мы уже будем наслаждаться добрым вином из винных погребов барона и тискать его женщин. Мессир, командуйте! Мои парни измаялись в ожидании настоящей работы.

– Заткнись, Эбергунд! – рявкнул рыцарь. – Спешка нужна только при ловле блох. И то не всегда. Блохи, как объясняют святые отцы, божьи создания, которых запрещается трогать. Только в крайнем случае, когда вообще невмоготу. При этом их нельзя давить, а нужно ловить и выпускать на волю. Так вот, наш крайний случай наступит ближе к утру, когда сон особенно крепок. Вот тогда и начнем.

Разбойники хотят захватить замок! От речей рыцаря, который, как оказалось, был предводителем разбойников, Хаго совсем проснулся. В голове, как большие навозные мухи, зароились нехорошие мысли. Если разбойники возьмут замок приступом (а это вполне может случиться), тогда рыцарям, за которыми он обязан следить, грозит большая опасность.

И тогда херру Альдульффу не видать «Изумрудной скрижали» как своих ушей.

Впрочем, насчет этого ценнейшего артефакта у Хуго начали появляться несколько иные соображения. Но он пока не давал им возможности вырваться наружу, и они варились в его черепной коробке, словно каша в котелке.

Чем отличается солдат от простого обывателя? Тем, что при малейшей возможности погружается в сон. Тому способствовало слишком большое нервное напряжение, которое снималось только во время сна. А разбойники были почти солдатами, с такими же обязанностями, с постоянными мыслями о неминуемой гибели. Даже дисциплину среди этого буйного племени убийц и грабителей вожаки шаек держали на высоте – как в армии. Неуправляемые и чересчур буйные разбойники плохо кончали. Собственно говоря, как и в воровской гильдии Аахена. Атаман воров расправлялся со строптивцами нещадно.

Поэтому, едва разбойникам объявили, что приступ замка намечен на раннее утро, они тут же попадали на землю и практически мгновенно уснули. Бодрствовали только рыцарь с оруженосцем (заметно было, что он сильно волновался) и атаман разбойников Эбергунд, кряжистый лохматый тип с кривыми ногами. Он был недоволен решением рыцаря и ходил по дальнему краю поляны, что-то мрачно бубня себе под нос.

Убедившись, что разбойники крепко спят, – их храп рас-

пугал все лесное зверье на много клафтеров вокруг – храбрый мальчик тихо слез с дерева, забрался в седло (из предосторожности он оставил лошадку нерасседланной) и поторопился убраться подальше от опасного соседства. Оказавшись в глубокой ложбине, которая вела по направлению к замку, Хаго некоторое время размышлял, а затем решительно тронул поводья, и берберийская лошадка перешла на рысь.

Юному воришке нужно было спешить...

– Господин, господин, откройте ворота! – умолял Хаго, оказавшись у стен замка. – Умоляю, впустите меня в замок!

– Вали отсюда, пока я тебя не пристрелил! – рычал ночной страж.

Им оказался Бадю. Утренняя смена всегда была несладкой, а тут еще вчера кнехт забежал на часок к своей пассии, которая сначала устроила ему скандал уж непонятно, по какой причине, а затем едва не замучила в постели. Бадю поспал всего ничего, и сержант едва поднял его, чтобы кнехт сменил одного из стражей в надвратной башне.

Не выспавшийся и злой, как три тысячи чертей, Бадю сначала сорвал злость на своем молодом напарнике, а затем ему на зубок попался одинокий всадник, который рвался проникнуть за стены замка.

При свете утренней зари (да и луна еще не ушла на покой) кнехт разобрался, что перед ним не рыцарь, а какой-то мещанин, и это обстоятельство еще больше разозлило Бадю.

– Шляются по ночам разные... – Кнехт выругался. – Жди

до рассвета! И то если мессир позволит.

Пустить стрелу в мальчика он все же не решился. Хотя и намеревался поначалу. Уж больно жалко тот выглядел. Будут потом в казарме над ним насмехаться, какую «знатную» птичку он подстрелил. Сраму не оберешься.

– Господин, у меня важные сведения! – не умолкал Хаго, с тревогой оглядываясь через плечо.

Он боялся, что скоро появятся разбойники, и тогда ему придет конец.

– Что тут за шум? – неожиданно послышался хрипловатый спросонку голос, и рядом с Бадо выросла внушительная фигура сержанта. – Солдат, кто это?

– А бес его знает! Рвется о чем-то доложить мессиру. Говорит, на замок надвигается опасность. Врет, поди. Намеревается переночевать за стенами. Ночью ведь боязно одному. Но нам-то какое до этого дело? Ворота открывать запрещено.

– Это правда? – обратился Мадельрат к мальчику.

– Клянусь Девой Марией и всеми святыми! – горячо ответил Хаго. – В лесу полно разбойников! И они хотят взять замок приступом! Я много чего расскажу господину барону! Только впустите!

– О как! – Сержант ненадолго задумался. – Что ж, если это правда... Ладно, лошадь оставь возле старой конюшни... вон там, слева. А сам пройдешь в калитку. Ворота и впрямь можно открывать только по распоряжению мессира.

Хаго не стал спорить, хотя лошадки ему было жалко. Если под стенами замка появятся разбойники, они могут забрать ее. И что тогда? Как следовать за рыцарями?

Звякнул массивный засов, и Хаго шустро нырнул в небольшой черный проем. Во дворе замка его встретил сержант с мечом наизготовку и один из кнехтов, который целился в мальчика из лука.

– Теперь у нас появилась другая проблема... – Мадельрат озадаченно поскреб пятерней в затылке. – Как разбудить мессира. Но если ты соврал!.. – В голосе сержанта появились угрожающие нотки.

– Да чтоб мне провалиться на этом месте! – ответил Хаго.

Пир затянулся допоздна. Путешественники, прибывшие из столицы Священной Римской империи, всегда были событием для провинциалов, падких на разные городские и придворные сплетни. А если учесть, что Геррик с его хорошо подвешенным языком болтал почти без умолку, стараясь произвести впечатление на дам, то интерес пирующих к двум рыцарям не иссякал.

По окончании застолья Себальда и Геррика определили в огромную спальню для гостей с шикарным просторным ложем, застеленным звериными шкурами. Остальным пришлось довольствоваться комнатами поменьше и поплоче. Но никто не жаловался. Все понимали – хозяин замка встретился со своим боевым товарищем. А это и впрямь большая радость для барона Ландварта, который просто обязан был

встретить его по высшему разряду.

Вообще-то залы и покои замка были обставлены крайне скудно. На то были свои причины. Обширные владения барона требовали постоянного наблюдения, которое включало в себя не только управление делами, но подчас и военные действия. Поэтому Ландварт, его близкие и челядь привыкли к путешествиям.

Нехитрый скарб семьи барона состоял из мебели, драпировок, посуды, провизии и прочих необходимых вещей, часто перевозимых с места на место. По прибытии в замок все это размещалось сообразно потребности.

Стены помещений замка были украшены не только примитивными росписями, изображавшими какие-то батальные сцены и геральдические знаки, но и недавно вошедшими в моду шпалерами в арочных проемах. Они служили для утепления и украшения помещений. Стены были побелены и сплошь увешаны охотничьими трофеями барона, а также доспехами, оружием, боевыми знаменами и геральдическими щитами, призванными демонстрировать воинскую доблесть хозяина замка. Другой домашний скарб хранился в сундуках, удобных для перевозки.

Рыцари уснули сразу же. Сказалась сильная усталость, и не только от дороги. Сытная еда и обильные возлияния могли свалить с ног кого угодно.

Но поспать до рассвета им не пришлось. Их разбудил слуга.

– Простите, мессеры, но господин барон просит вас срочно прибыть на совет, – сказал он учтиво.

– Какой совет?! Еще утро не наступило! – с трудом подняв тяжелую голову, возмутился Геррик, глянув на окно; там только-только начал пробиваться рассвет.

– Что случилось? – встревоженно спросил Себальд.

Ему как раз приснился кошмарный сон, поэтому он поднялся мигом.

– Точно не знаю, но в казармах объявили подъем, – ответил слуга.

Рыцари больше не стали ничего расспрашивать и оделись с присущей военным людям быстротой и сноровкой. Но прежде вылили на головы по кувшину холодной воды, чтобы хоть что-то соображать.

Пиршественная зала напоминала военный лагерь. Гости мужского пола были в защитном снаряжении и при оружии. Они сгрудились возле прилично одетого мальчика, который что-то рассказывал. Барон был мрачен, но полон решительности.

– Простите, друзья мои, за то, что я побеспокоил ваш сон, – сказал Ландварт. – Худые вести. На замок должна напасть шайка разбойников. По идее, это немислимо, и верится в эту новость с трудом – что такое какие-то отщепенцы супротив моих солдат? Но здесь есть одно «но» – разбойников возглавляет рыцарь. А это уже опасно, если, конечно, мальчик, который предупредил нас о нападении, не врет. Но чего

ради? Я склонен ему верить.

Раубриттер!⁴⁰ Рыцарь-разбойник! Это стало новым явлением в пределах Священной Римской империи. Себальду были известны единичные случаи, когда рыцари, лишенные по какой-либо причине наследства, занимались грабежами на большой дороге. Но чтобы напасть на хорошо защищенный замок...

Для этого требовалась очень веская причина. Похоже, это личный враг Ландварта. Тогда все становится на свои места. Своих сил у раубриттера не хватает, вот он и привлек шайку разбойников, посулив им хороший куш, если они захватят замок.

– Кто этот рыцарь, мой друг? – спросил Себальд. – По моему, это твой... скажем так – недоброжелатель.

– Есть у меня подозрения... однако обвинять кого-либо я не могу, – ответил барон. – Но ежели это так, то сеча намечается знатная. Рыцарь этот человек бывалый, немало повоевавший, и знает толк в осаде замков. Поэтому я прошу тебя, Себальд, и твоего друга помочь мне отразить нападение шайки разбойников. Конечно, это опасно, и все же я тешу себя надеждой, что два таких превосходных рыцаря, как вы, мои благородные друзья, не оставите меня и мою семью в беде.

⁴⁰ Раубриттер – рыцарь-разбойник или барон-разбойник. Действия раубриттера осуществлялись чаще всего в гористых и лесных районах, где не действовали законы центральной власти.

– О чем речь?! – горячо воскликнул Геррик. – Мой меч к вашим услугам, мессир!

– Ну а меня ты мог бы и не спрашивать, – с легкой обидой молвил Себальд.

– Прости, мой друг, я обязан был это сделать, – сказал Ландварт. – Вы будете рисковать жизнью за меня. А вас, насколько я понимаю, в Кремоне ждут важные дела...

– Ни одно дело, даже самое важное, не может быть помехой, если речь идет о рыцарской чести, – возразил ему Себальд. – А тем более о помощи другу!

Ландварт и Себальд какое-то время смотрели друг другу прямо в глаза, а затем в сердечном порыве крепко обнялись...

Ночь все еще таилась в дальних лесах, но рассвет наступал неумолимо. Предутренний туман скрывал заросли на подступах к замку, в которых, если хорошо приглядеться, происходило какое-то шевеление. Замок, казалось, не просто спал, а вымер. На стенах и в сторожевой башне уже погасли факелы, а стражники, скорее всего, дремали, потому как их нигде не было видно.

Конечно, раубриттер и шайка возглавляемых им разбойников не могли заглянуть за стены замка. А там, в полной боевой готовности, выстроились кнехты – наемные солдаты барона – и шесть рыцарей с оруженосцами во главе с бароном. Кнехтов было немного, но каждый рыцарь представлял собой грозную силу и стоил минимум десятка негодяев, та-

ившихся в рощице.

Кроме того, были подготовлены все необходимые приспособления и материалы для отражения штурма: несколько метательных машин, длинные шесты с развилками на конце, чтобы отталкивать лестницы, камни для пращ, запас стрел и дротиков, гашеная известь, которая выедала глаза, наконец, деревянные бадейки, чтобы лить из них на головы осаждавших горячее масло и кипяток.

Масло и воду уже налили в котлы, под которыми лежали сухие дрова, но костры пока не зажигали – дабы не выдать раньше времени, что обитателям замка известны намерения разбойников. Женщин и детей убрали в донжон⁴¹ – господскую башню. Она была еще не достроена, но все же в какой-то мере могла защитить семью барона и жен гостей.

– У разбойников есть метательные машины? – спросил барон у Хаго, который тоже приготовился к отражению штурма разбойников, хотя его и пытались запереть в донжоне: какой с мальчишки толк?

Но Хаго был себе на уме. Знал бы Ландварт, что хлипкий с виду юнец опасней змеи. Хаго был мудр не по годам и с ходу сочинял такие коварные планы, что и взрослым не под

⁴¹ Донжон – главная башня в европейских феодальных замках. В отличие от башен на стенах замка, донжон находился внутри крепостных стен. Это как бы крепость внутри крепости. Донжон обычно имел три этажа, но его тесные помещения не предназначались для жилья. Башня имела военное предназначение. Кроме того, в донжоне располагались оружейные, главный колодец и склады продовольствия.

силу. Мало того, он все хорошо обдумывал, не полагаясь на случай.

Вот и сейчас юный воришка благодарил Святую Варвару, свою покровительницу, которая не раз спасала его от верной гибели. Хаго был совершенно уверен, что это именно с ее подачи он оказался в замке, а не в руках кровожадных разбойников, и теперь находится совсем близко, рядом с теми, за которыми обязался перед херром Альдульфом следить.

И в голове хитроумного мальчика уже сложился план, как распорядиться этим неожиданным подарком судьбы с наибольшей для себя пользой.

– Не знаю, мессир, – ответил Хаго. – Может, и есть что-то, но я не видел.

– Ладно, вскоре все станет ясно...

Разбойники пошли на штурм, не дожидаясь рассвета. Похоже, раубриттер выдрессировал их как комнатных собачек. Несколько отрядов ударили с разных концов замка, чтобы таким образом распылить силы его защитников. При этом разбойники бежали к стенам замка совершенно безмолвно – дабы их присутствие было замечено как можно позже.

Оказавшись возле рва, разбойники сноровисто спустили на воду небольшие плотики и вмиг достигли подножья замковой стены. Но установить штурмовые лестницы они не успели. На их головы обрушился град дротиков и камней. А во дворе замка ярко запылали костры, готовя горячее «угощение».

Но шайка и впрямь была хорошо обучена. Тем более что, как отметил Себальд, среди лесного сброда там и сям мелькали облаченные в защитное снаряжение кнехты. Опытные воины, явно наемники раубриттера, командовали отрядами разбойников и, когда требовалось, показывали им, что и как делать.

Это было опасно. Себальд объяснил ситуацию барону, и тот мгновенно принял самое верное в такой ситуации решение. Он приказал своим стрелкам:

– Цельтесь в кнехтов! За каждую голову плачу золотой безант!

Лучшего стимула нельзя было придумать. Поразить кнехта в броне очень трудно, тем более со стен замка, но лучшие стрелки барона устроили соревнование, и пока до кнехтов дошло, что от стрел все-таки нужно прятаться за щитами, даже в горячке боя, добрый десяток железных пехотинцев (которые тоже, кстати, были неплохо вооружены и защищены), командовавших группами лесных бродяг, были убиты, а еще столько же получили легкие ранения.

В осаде замка сказывалось руководство раубриттера. Видимо, это был не первый его разбойничий налет на замок, потому что разбойники действовали быстро, умело и явно по заранее разработанному плану. Они больше напоминали имперских наемников, прошедших воинскую муштру, нежели слабо организованную банду лесных бродяг. К тому же отряды разбойников атаковали наименее защищенные участки

стен, что могло означать только одно – им хорошо известен план замка, и не исключено, что сам раубриттер его и составил. Значит, он когда-то числился в приятелях барона.

Эта мысль не покидала и самого Ландварта. Он пристально вглядывался в лесную опушку, где на громадном андалусском дестриэ вороной масти высилась внушительная фигура закованного в латы рыцаря. Его лицо скрывала шлем-маска, щит был без герба, поэтому узнать раубриттера для барона не представлялось возможным. Рядом с рыцарем находился оруженосец на лошади поплоше, но и тот прятал свою физиономию под забралом.

Обычно в поход и в бой рыцарь отправлялся не один. Раубриттер не был исключением. Кроме оруженосца рядом с ним находились два лучника, мощный с виду копейщик в кольчужной рубахе и слуги – один пеший (совсем еще юнец; возможно, паж), а другой конный. Такое боевое подразделение называлось «копьем». От двадцати пяти до пятидесяти «копий» составляли «знамя».

Любимым построением рыцарей перед боем был клин. Именно клином и атаковали разбойники замок барона. Только клин в основании неожиданно расползся и начал крыльями охватывать замок со всех сторон.

Якобы основной удар в направлении подъемного моста (разбойники даже таран притащили, чтобы разбить ворота) был всего лишь хитрой уловкой. Раубриттер нацелил главные силы на восточную – недостроенную – башню. Там и

стена была пониже, старой кладки, и ров поуже, и лес подходил почти вплотную к стене замка, а в нем прятались стрелки разбойников, которые не давали высунуть головы защитников замка из-за зубцов. Однако это и не требовалось.

Ландварт немало повоевал, поэтому свой замок обустроил согласно новым веяниям в фортификационной науке. Двустворчатые ворота были устроены в надвратной башне, причем створки сколотили из двух слоев толстых дубовых досок, обитых снаружи для защиты от поджога железом. Кроме замков и железных засовов ворота закрывала поперечная балка, лежащая в стенном канале и задвигающаяся в противоположную стену.

За воротами находилась опускающаяся решетка. Она была деревянной с окованными железом нижними концами. Решетка висела на канатах, которые в случае опасности могли быть обрублены, чтобы она быстро упала вниз, преграждая путь захватчикам.

Внутри надвратной башни имелась комната для стражи. Кнехты несли вахту на верхней площадке башни и в случае необходимости могли поражать из лука всех нежеланных гостей. Для этого в своде портала ворот имелись вертикальные бойницы, а также «смоляные носы» – отверстия, через которые лили горячую смолу на нападающих.

Сверху по стене проходила галерея для солдат. С внешней стороны замка их защищал прочный каменный бруствер в половину человеческого роста, на котором регулярно рас-

полагались каменные зубцы. За ними можно было стоять в полный рост. Над галереей построили навес, чтобы защитить кнехтов от непогоды. Кроме зубцов, за которыми удобно было прятаться, в стенах замка прорезали бойницы. Их сделали длинными и узкими, поэтому стрелкам разбойников трудно было попасть в цель.

Себальд первым оценил большую опасность для защитников замка. Он находился ближе всех рыцарей к восточной башне, где разбойники уже полезли на стены, невзирая на каменный град, обрушенный на их головы, кипяток, который лился за шиворот, и едкую известковую пыль, из-за которой нападавшие стали похожими на слуг мельника, всегда обсыпанных мукой.

– За мной! – вскричал рыцарь и побежал по галерее в сторону восточной башни.

За ним последовал десяток кнехтов и Хаго. У юного вооришки уже созрел в голове некий план в отношении рыцаря, и он принялся за его исполнение с присущим ему рвением и хитроумием, больше свойственным какому-нибудь придворному интригану, нежели представителю аахенского «дна».

Себальд подоспел вовремя. Хорошо вооруженные разбойники – передовой отряд – уже забрались на галерею, и между ними и наемниками барона завязалась жаркая сеча. Малочисленные защитники восточной башни сопротивлялись упорно, так как знали, что в случае поражения пощады им не будет, тем не менее они были бы обречены, не приди на под-

могу рыцарь. Себальд немедленно заработал своим мечом, да с таким напором, что часть разбойников возвратилась к лестницам, намереваясь ретироваться.

Но были и особо упорные, которые продолжали сражаться. Участь их была незавидной. Некоторые оказались у подножия стены раньше, нежели их трусоватые товарищи, – с раскроенными головами. Каждый удар меча Себальда находил свою цель. И защититься от него было очень сложно, если не сказать – невозможно.

Рыцарь немало повоевал и был очень опытным бойцом. Даже временное затворничество в монастырской обители не отразилось на его превосходных навыках истинного мастера фехтования.

С виду мирные и богобоязненные монахи, как оказалось, могут быть очень даже кусачими. Многие из них ушли от мира сего, побывав не на одной войне. Поэтому в оружии знали толк. Настоятель монастыря организовал команду, которая с успехом отражала набеги простолюдинов, потерявших из-за голода и болезней человеческий облик.

Бедолагам не хватало подаяний, которые они получали вне обители. Им казалось, что за стенами монастыря их ждет пищевое изобилие, что монахи жрут в три горла (собственно говоря, они были в какой-то мере правы; послушники никогда не голодали, разве что в пост), и всегда находился какой-нибудь отчаянный бродяга, который возглавлял банду, готовую нарушить все Божьи заповеди. Несчастные обычно

надеялись на победу, но отряд хорошо вооруженных и отменно обученных воинскому делу монахов быстро лишал их всех иллюзий...

На стене остались только самые храбрые из разбойников. Их возглавлял уже знакомый Хаго атаман шайки Эбергунд, здоровенный детина в панцире и шлеме. Несомненно, воинские премудрости были ему хорошо знакомы, судя по тому, как он ловко орудовал боевым топором. Его медвежья сила и тяжеленный топор быстро проделали в обороне кнехтов брешь, и он сцепился с рыцарем.

Себальду пришлось несладко. На узкой галерее управлять с длинным мечом было сложно, тут уж не до фехтовальных позиций, а Эбергунд работал топором, словно дровосек в лесу – мощно и без особых затей.

В какой-то момент Себальд споткнулся о труп разбойника, потерял равновесие, и следующий удар атамана шайки был бы уже неотразим, тем более что изрядно покореженный щит рыцаря превратился в ненужный обременительный хлам.

И в этот момент раздался чей-то звонкий крик, и Эбергунд сломался на замахе. Топор выпал из его ручищ, он схватился за шею, пытаясь выдернуть глубоко засевшую занозу в виде арбалетного болта, и с грохотом завалился на залитую кровью галерею. Себальд вскочил на ноги, оглянулся и увидел мальчика, который сноровисто перезаряжал свое смертоносное оружие.

– Прими мою благодарность! – вскричал растроганный рыцарь. – Я твой должник!

– Пустяки, мессир! – бодро откликнулся Хаго.

Он был счастлив – как птицелов, который после долгих и пустых ожиданий наконец поймал в сеть целый фазаний выводок. Пока шло сражение, юный хитрец держался несколько сзади. Ведь он не мог драться наравне со взрослыми, так как из холодного оружия имел только длинный (правда, очень острый) нож. Зато его арбалет был готов поразить врага в любое мгновение. А уж стрелял Хаго отлично.

И он дождался своего часа. Внутри у мальчика все пело. Рыцарь сказал, что он должник своего юного спасителя, а уж долги Хаго мог выбить из кого угодно. Херр Альдульф обучил его многому...

Вскоре опасность взятия восточной башни была ликвидирована, и Себальд быстро спустился во двор, потому что раздался звук боевого рога. Для рыцарей объявлялся общий сбор. Внизу его уже ждал Геррик с оруженосцем, который держал за поводья оседланного жеребца Себальда.

– Покончим с этим отребьем одним ударом! – громко провозгласил барон. – Иначе разбойники попытаются у нас кровушки.

Себальд был с ним согласен. Шесть закованных в броню рыцарей с оруженосцами – страшная сила.

Похоже, раубриттер не знал, что у Ландварта такие опасные гости. Иначе он обошел бы замок десятой дорогой. Воз-

можно, он уже и разглядел, кто сражается на стенах, и даже сосчитал рыцарей, но сдавать назад было поздно. Оставалось или победить, или погибнуть. Впрочем, умирать раубриттер не собирался. Ему нисколько не было жалко разбойников. Набрать новых лесных бродяг вместо сраженных под стенами замка – плевое дело.

Но бежать с поля боя раубриттер не хотел. Конечно, до поры до времени. Он все еще надеялся на благополучный исход своей авантюры. В особенности его привлекало то обстоятельство, что при удачном исходе штурма в плену могут оказаться рыцари, за которых он получит большой выкуп. Да и разбойникам его ретирада окажет плохую услугу. Ведь на некоторых участках крепостной стены все еще шло сражение, хотя кнехты Ландварта постепенно одолевали лесной сброд.

Подъемный мост упал с грохотом, и отряд рыцарей, на ходу истребляя ошарашенных разбойников, которые в большинстве своем не имели даже кожаных панцирей, устремился к опушке, где высился на своем андалусском вороном раубриттер. Он развернул жеребца, дабы удрать, но потом, сообразив, что тяжелый, неспособный к длинному бегу дестриэ устанет быстрее, чем его догонят, стал организовывать оборону возвышенности, на которой находился.

К горькому сожалению раубриттера, его «копье» было слишком малочисленным, чтобы сдержать натиск закованных в броню рыцарей. А лесные бродяги, которые понача-

ду охотно откликнулись на призыв раубриттера защищать холм, завидев, с кем им придется сражаться, начали постепенно разбегаться, просачиваясь через подлесок, словно песок сквозь пальцы руки. С рыцарем остались лишь самые стойкие, которым нечего было терять и которым смерть не казалась чем-то страшным на фоне их беспутной неприкаянной жизни.

Удар рыцарского «клина», на острие которого находился сам барон, был страшным. Мечи гостей Ландварта рубили со свистом. Рыцари были обозлены до предела. Они ведь защищали не только замок барона, но еще и своих жен. А это был большой стимул.

Жиденькое охранение холма, на котором находился раубриттер, было опрокинуто за очень короткое время. Мощный копейщик рыцаря-разбойника все же достал своей глефой⁴² одного из рыцарей. Но тот успел увернуться, и ранение получилось пустяковым. Себальд коршуном налетел на копейщика и смахнул ему башку, как головку репейника.

– Раубриттер мой! – громоподобно рявкнул барон, бросая своего жеребца вперед.

Никто не оспорил его право наказать главного злодея.

⁴² Глефа – вид древкового холодного оружия ближнего боя. Состоит из древка (1,2–1,5 м) и наконечника (40–60 см в длину и 5–7 см шириной) с шипом. В ранних английских и французских источниках глефой называли обычное копьё, а иногда даже меч. Глефы входили в состав вооружения передовых отрядов пехоты. Они отлично способствовали отражению атак кавалерии. К концу XV века пехотинцев нередко называли «глефами».

«Копье» раубриттера было повержено, только юного пажу пощадили, и он лежал на земле ничком, покорно обхватив голову руками.

Ландварт и рыцарь-разбойник схлестнулись с железным грохотом. Мечи высекали искры, их жеребцы дико ржали и бесились, становясь на дыбы, и вершина невысокого холма вскоре была вся изрыта лошадиными копытами – словно и впрямь турнирная площадка. Раубриттер покорился судьбе, но будучи отменным воином, сдаваться на милость победителя не желал.

«Все-таки между бароном и этим отщепенцем явно существует кровная вражда», – подумал Себальд, с напряженным интересом наблюдая за поединком. Ведь если раубриттер сразит или ранит барона, то следующим его противником станет он, как ближайший друг хозяина замка. Об этом заявил еще на пиру сам Ландварт.

Но Себальд зря волновался. Барон провоевал полжизни – с того момента, как его возвели в рыцарское достоинство. Он был не менее опытным бойцом, чем Себальд. В какой-то момент он неожиданно бросил меч в ножны и схватился за прикрепленный к седлу моргенштерн⁴³.

Ландварт быстро соображал и в пылу схватки не мог про-

⁴³ Моргенштерн – утренняя звезда (*нем.*). Холодное оружие ударно-дробящего действия в виде металлического шарика, снабженного шипами. Использовался в качестве наверхия палиц или кистеней. Моргенштерном также называлась короткая деревянная шипастая дубина либо металлическая булава с не очень длинной рукояткой и шипастым шаровидным билом подобно цепу.

пустить миг удачи, которая заключалась в том, что раубриттер остался практически беззащитным (если не считать крепкого панциря испанской работы). Его щит погнулся, а рукоять, за которую рыцарь-разбойник его удерживал, практически оторвалась и держалась на честном слове.

Будь на ногах оруженосец раубриттера, он поднес бы господину запасной щит, но его участь была незавидна. Оруженосец лежал в кустах раненный, и никто не мог поручиться за его жизнь – неистовый Геррик разрубил его доспех, и кровь от страшной раны кропила пожухлую зелень.

Хлесткий удар моргенштерном прекратил схватку. «Утренняя звезда» вспорола панцирь, расколов его как орех, а неуклюжая попытка раубриттера как-то защититься или увернуться не увенчалась успехом.

Он издал короткий крик и упал с коня. Едва его мощная фигура перестала маячить на фоне сражения, наемные солдаты раубриттера и оставшиеся в живых разбойники начали разбегаться – кто куда. Хозяин убит, значит, договор между ним и солдатами утратил силу. Сражаться бесплатно дураков не нашлось.

Но раубриттер был только тяжело ранен. Ландварт слез с коня, подошел к поверженному рыцарю-разбойнику, снял с него шлем и с удивлением воскликнул:

– Барон Вольфгер?! Глазам своим не верю... Чем же я заслужил твою немилость, что ты решил уничтожить меня?

– Ты увел мою невесту Хлодесинду!

Несмотря на тяжелое состояние, раубриттер пылал ненавистью к Ландварту.

– Вон оно что... – Ландварт презрительно ухмыльнулся. – Врешь ты все, Вольфгер-волк! Твоя волчья натура не может прожить ни дня без крови. И мстишь ты мне не из-за бесприданницы Хлодесинды, которая нужна была тебе как вчерашний день, а потому, что я победил тебя на турнире, забрав коня и снаряжение. Вот этого твоя скаредная, мелочная натура и не в состоянии простить. А на большую дорогу во главе шайки разбойников тебя послали твоя беспринципность и жадность. Ведь в деньгах твой род никогда не нуждался.

– Дай мне спокойно умереть... – процедил в ответ сквозь зубы раубриттер. – Пусть нас Господь рассудит... на том свете.

– Туда не нужно торопиться, – ответил барон. – Мой лекарь тебя осмотрит и перевяжет рану. Без помощи тебя не оставят, хотя ты ее и не заслуживаешь. Связаться с отбросами общества! – Ландварт негодуя фыркнул. – Позор!

Раубриттер промолчал. Он закрыл глаза, его бледное до синевы лицо стало отрешенным, а дыхание – прерывистым.

Прибежал лекарь Ландварта. На поле боя его подзывали как обученного пса – с помощью специального свистка, который так сильно верещал, что заглушал шум битвы. Лекаря звали мессир Эббо.

Он был медикусом-практиком, в отличие от многих собратьев по ремеслу, которые в основном занимались изуче-

нием и толкованием текстов врачей античности – Гиппократ, Галена и Авиценны. Их произведения заучивались наизусть. Практических занятий, как правило, не было – церковь запрещала пролитие крови и вскрытие человеческих трупов. Врачи на своих собраниях в основном спорили по поводу цитат из трудов знаменитых врачей прошлого, вместо того чтобы приносить практическую пользу больным.

А уж хирурги и вовсе считались ремесленниками. Хирургией в большинстве случаев занимались малообразованные банщики и цирюльники в банях. Они лечили раны и ушибы, вправляли суставы и занимались обязательным кровопусканием, которое считалось панацеей почти от всех болезней.

Мессир Эббо был очень опытным военным хирургом. Через его поистине золотые руки прошли сотни раненых и увечных. Он знал толк в своем деле и не боялся крови. Сноровисто обработав рану барона Вольфгера (обмыв ее крепким вином и наложив целебную мазь), он перевязал его и бодро доложил Ландварту:

– Будет жить! Конечно, при соответствующем уходе. Но недели три в постели поваляется.

– Уход мы ему обеспечим... – На лице барона появилась злобная улыбка. – Мне он нужен живым.

Император Оттон издал эдикт, в котором говорилось, что схваченных на месте преступления раубриттеров ждет казнь через повешение. Этот вид наказания в Священной Римской империи считался самым позорным. Ведь при повешении

душа не может выйти из тела, оставаясь у него в заложниках. К тому же умирать на виселице мучительно и больно.

Никому, даже самому отъявленному негодяю, не хочется, чтобы после казни его тело болталось на виду у всех. А поругание выставлением напоказ было обязательной частью этого наказания. Многие считали, что такая смерть – самое худшее, что может случиться с человеком, и уготована она только предателям. При этом люди обычно вспоминали Иуду, который повесился на осине.

Приговоренный к виселице должен был иметь три веревки: первые две толщиной в мизинец (тортузы) были снабжены петлей и предназначались для удушения. А третья называлась «жетоном» или «броском»; она служила для сбрасывания приговоренного к подножию виселицы. Казнь завершал палач, который бил коленом в живот приговоренного.

Ландварту очень хотелось, чтобы барон выжил. Дабы избежать смерти, а главное – позора для всего рода, Вольфгеру придется здорово раскошелиться, заплатив большой выкуп. А Ландварту деньги были нужны. Он мечтал побыстрее закончить строительство замка и привести в надлежащий вид мосты и дорогу, которая вела в его поместье.

Гости барона были довольны. И попиروвали, и всласть подрались; что еще нужно рыцарю? К тому же, по случаю победы Ландварт приказал выдать премию кнехтам и накрыть им стол, а гостей снова позвали в пиршественную залу замка.

«О Бог мой!» – мысленно простонал Себальд, глядя на

стол, который был еще богаче, чем вчера. Это когда же они доберутся до Кремоны?! А Геррик радовался. Нечасто ему удавалось столь плотно покушать и отведать превосходных вин.

«Как хорошо, что я не убил Себальда в Аахене! – думал довольный сверх всякой меры рыцарь, подвигая свой кубок к виночерпию. – Теперь у меня есть верный друг и надежда поправить свое материальное состояние. А там, возможно, я смогу наконец жениться...»

Радовался и Хаго. Сбылась его мечта – он стал пажом Себальда! Рыцарь был поражен искусством, с которым мальчик обращался с арбалетом. И предложил Хаго свое покровительство и службу. Для юного воришки и наперсника херра Альдульфа теперь следить за рыцарями не составит никакого труда.

День плавно перешел в тихий и теплый вечер. Убитых разбойников уже похоронили в дальнем урочище, но для многих раненых, которым удалось сбежать с поля боя, везение закончилось.

Ближе к ночи в лесу раздался волчий вой; волки вышли на охоту. И не трудно было догадаться, кто станет их добычей. В последние годы по причине многочисленных войн серых хищников расплодилось уйма, и леса они прочистили основательно. Чтобы добыть себе пропитание, волчьи стаи начали нападать не только на одиноких путников, но даже на небольшие купеческие обозы и деревеньки.

Глава 5. Путь в кремену

Постоялый двор – локанда – неподалеку от Кремоны, где Себальд и Геррик решили расположиться на ночлег, мало отличался от других, встречавшихся рыцарям на пути. Вот только именовался он весьма интригующе – «У боевого петуха». Это была не просто блажь хозяина – на постоялом дворе каждый вечер проходили петушиные бои.

Вообще-то многие постоялые дворы были больше ориентированы не столько на уставших путников, сколько на любителей хорошо выпить и развлечься. Если люди и путешествовали, то обычно их поездки были связаны либо с королевским двором, либо с церковью. Большинство путешественников из простонародья были миссионерами, священниками и пилигримами, которые направлялись к святым местам. В связи с этим постоялые дворы, где путники останавливались на ночлег, стали строились поближе к храмам и монастырям.

Император Карл Великий для отдыха пилигримов создал специальные дома – «госпиции». Смотрители этих убежищ, которые там жили, должны были звонить в колокол в непогоду, при тумане и других капризах природы; выходить на тропу, встречать и провожать путников через особо опасные места.

Госпиции обещали странникам радушный прием, бес-

платный хлеб, услуги цирюльника и сапожника, фрукты и орехи из запасов аббатства, нередко госпиталь с постелями для больных и даже освященное место погребения усопших. А если странник не находил приюта, он мог постучаться в любой дом или монастырь и ему обязательно открывали и принимали как гостя.

Монастырская еда была простой, но часто более высокого качества, чем где-либо. Обычно монахи на своих угодьях сами выращивали овощи и разводили скот. На кухне госпитали было больше чистоты и порядка, нежели в частных домах. Кроме того, монахи вели жесткую систему учета продуктов, что сказывалось на стоимости пищи.

Монастыри были рады гостям, принимали путешественников с удовольствием и приветствовали дары. Богатых и знатных усаживали рядом с главным прелатом, а бедняков размещали и кормили в отдельных помещениях. Платы за проживание, как таковой, не было, однако всегда ожидалось пожертвования. Часто бывало, что монастырский привратник распоряжался и помещениями для гостей.

Из-за частых войн, жизненной неустроенности и нищеты большое распространение получило не только паломничество, но и бродяжничество. По дорогам постоянно передвигались как сеньоры с вооруженной свитой, представители высшей власти, преследовавшие государственные и личные деловые цели, так и шайки бродяг, состоявшие из поэтов, актеров и певцов. Особые группы составляли люди, пу-

тешествовавшие в поисках заработка и с целью обучения наукам и ремеслам. Путешественники перемещались толпами, так как вероятность нападений разбойников была достаточно велика.

Знатные люди и дамы ездили в основном в крытых повозках или верхом, имея при себе запасных скакунов для смены их в дороге. Нередко богатые сеньоры этим злоупотребляли и брали с собой слишком много животных. Такие табуны сильно разбивали дорогу, и Оттону пришлось издать указы, которые ограничивали количество лошадей.

Со временем бесплатные приюты уже не вмещали всех путников, поэтому начали появляться частные постоялые дворы. К тому же Священная Римская империя с некоторых пор начала славиться великолепными ярмарками: во Франции – в Сен-Дени и Труа, в Италии – в Ферраре и Павии, в германских княжествах – в Кёльне, Майнце, Шлейре... И по дорогам стали передвигаться не только путешественники, но и многочисленные купеческие обозы, а также мелкие торговцы.

Однако в частных постоялых дворах уже приходилось за все платить, иногда немало. Особенно в опасных местностях, где шалили банды грабителей и разбойников. Остаться на ночь без защиты охранников постоялого двора – верная гибель или разорение.

Клиенты постоялого двора «У боевого петуха» спали вповалку на сенниках, разложенных прямо на полу одной боль-

шой комнаты. Каждый ел то, что у него было с собой, либо покупал что-либо съестное у хозяина постоялого двора. Естественно, при постоялом дворе была и таверна, место шумных попок. Разве можно представить Италию без вина?

Но для рыцарей хозяин все-таки нашел небольшую комнатку; правда, ни оруженосец Геррика, ни Хаго в ней не поместились. Им пришлось коротать время вместе с трупной бродячих актеров, столь шумной, что Хаго не выдержал гами и покинул общую комнату, надеясь вернуться туда, когда они отойдут ко сну.

Что касается оруженосца Геррика, которого звали Горст, то он уснул сразу, едва его щека прикоснулась к сеннику. Как и рыцарь, он побывал в разных передрягах, поэтому путем несложных размышлений вывел для себя простую солдатскую истину – в здоровом теле здоровый дух, который не может появиться, если будешь мало спать. Лучше хорошо выспаться на голодный желудок, нежели, объевшись, уделить сну не больше часа. Поэтому он старался поспать при любой возможности, даже в ущерб аппетиту, а громкие разговоры пьяненьких актеров для него были тоньше комариного писка.

Какой-то шум на заднем дворе привлек внимание Хаго. Любопытный, как все мальчишки, он мигом сбросил с себя сонное, вялое настроение, и поторопился присоединиться к постояльцам, которые с увлечением наблюдали за петушиными боями.

Мальчик был большим любителем этого зрелища. В Аахане он всегда ходил на петушинные бои, которые проводились большей частью тайно. Власти столицы Священной Римской империи попытались запретить это любимое народом зрелище из-за того, что некоторые особо азартные любители петушинных боев проигрывали на ставках целые состояния. Но с таким же успехом можно было запрещать ветру крутить крылья мельниц.

Окрас петухов был самым разным – светло-соловым, темно-красным, с пером черным, дымчатым и даже голубым. Для петушиного боя устраивали арену – круглый навес в диаметре до шести локтей и в высоту около двух. Пол арены был песчаным. Вокруг нее размещались места для зрителей.

Точно такая же арена была сооружена и на постоялом дворе. Только места возле нее большей частью были стоячими; уж больно много народу толпилось вокруг арены, потому что, кроме постояльцев, посмотреть петушинные бои приходил и местный люд.

Перед боем зрители делали ставки на бойцовых птиц. Востроглазый Хаго заметил, что хозяин одного из петухов, которому предстояло драться, достал его из клетки и втихомолку произвел над ним какие-то манипуляции.

Юный хитрец ухмыльнулся – знакомая история... Некоторые ушлые владельцы бойцовых птиц смазывали своему петуху перед боем перья на шее деревянным маслом и слегка посыпали перцем. Этот прием раззадоривал птицу, а затем

помогал сразить противника. Другой петух не мог схватить клювом за перо намазанного маслом и посыпанного перцем соперника, поэтому наносил слабые удары, а затем начинал чихать и оставался побежденным.

Петухи дрались четырьмя различными способами. Одни бросались на противника прямо, без уверток, и бились грудью в грудь. Они подпрыгивали и долбили клювом, пока один из них не начинал тяжело дышать, слабел и в конечном итоге убегал с арены. Другие петухи (их называли «кружастыми») бегали по кругу, гоняя и кружа своего противника, а затем неожиданно на него набрасывались, наносили удары и добивали.

«Посылистые» петухи били противника сзади, наскочивая на него и ударяя клювом по голове. Если его удары были ловки и сильны, то он побеждал противника.

А были еще петухи и «вороватые» – самые ушлые. Вороватый петух, обменявшись раз-другой ударами с противником, начинал лезть под него, прячась и подставляя под удары свой хвост; он старался схватить противника за перо и нанести ему удар в зоб. В конечном итоге его соперник выдыхался, поэтому «вороватый» практически был непобедимым в петушином бою.

После боя окровавленных петухов обливали теплой водой, израненную голову смачивали вином, раны сшивали шелком, лапы умащивали целебными маслами и кормили очень хорошо. Тем не менее петухи от боев нередко заболе-

вали различными болезнями, принося своим хозяевам большие огорчения, так как боевые птицы с хорошей выучкой стоили очень дорого.

Хаго не стал лезть в толпу, чтобы приблизиться к арене. Он нашел более удобное место для наблюдения – забрался на корыто, с которого поили лошадей. Со своего насеста при свете факелов он хорошо видел все, что происходило на арене, и был в состоянии разглядеть всех любителей острого зрелища. В какой-то момент Хаго вздрогнул и крепче схватился за шест с крючками, на которые подвешивали деревянные бадейки. Ими наливали воду в корыто.

В толпе он разглядел двух человек, присутствие которых на постоялом дворе стало для него полной неожиданностью. Он узнал их! Это были подручные херра Альдульфа, исполнявшие его коварные замыслы. Они могли проникнуть куда угодно, а убить человека им было легче, нежели высморкаться.

Их звали Бамбер и Вим. Первый, черный, словно галка, был высоким, худым и тонким как шест, а второй, с ярко-рыжими кудрями, – кряжистым, с кулачищами размером с боевой молот. На лице Бамбера, которое было землистого цвета, никогда не появлялась улыбка, а выражение неподвижных глаз цвета перезревшей сливы было таким страшным, что мамки старались увести от него детей подальше.

Что касается Вима, то создавалось впечатление, что он законченный идиот, хотя это было совсем не так. Его бессмыс-

ленный тупой взгляд становился вполне человеческим, когда он садился за стол и принимался за еду. А ел и пил он за троих. На голове Вима были не волосы, а настоящее воронье гнездо. Да и сам он смахивал на обезьяну из-за повышенной мохнатости.

В общем, парочка была еще та. Бамбер обычно пользовался острым ножом, чтобы отправить на тот свет очередного бедолагу, на которого указал патрон. Но просто убить – для него было мало. Он буквально потрошил свои жертвы. А Вим был душителем. Сомкнув свои лапищи на горле несчастного, он наслаждался каждым его судорожным движением, с садистским удовольствием наблюдая, как на его глазах вытекает по капле чужая жизнь.

Испуганный Хаго не знал, что ему делать. Конечно, Бамбер и Вим были посланы херром Альдульфом не для того, чтобы убить его. Отнюдь. Они всего лишь надзирали за ним. Мало того, эта парочка могла вмешаться и помочь ему, когда станет совсем туго. В этом Хаго совершенно не сомневался. Слишком большой куш мог отвалиться скупщику краденого, если дельце выгорит. Поэтому он и послал этих бандитов вслед Хаго – для подстраховки.

Но с другой стороны, ему такие «телохранители» были только обузой. Знать, что за каждым твоим шагом наблюдают недобрые глаза, горше не придумаешь. У него пока все идет даже лучше, чем он надеялся, и подручные херра Альдульфа могут ему только помешать. Хорошо бы от них изба-

виться... Но как?

Хаго всегда отличался сообразительностью и быстротой мысли. Немного подумав, он успокоился, и на его довольно милостивом лице в россыпях рыжих веснушек появилась хитрая улыбка. Юный воришка принял решение. Оно пришло к нему как озарение, и в голове тут же созрел план.

Какое-то время Хаго наблюдал за неразлучной парочкой убийц, которые с увлечением глазели на дерущихся петухов, а затем кивнул, соглашаясь сам с собой, спрыгнул со своего насеста и, кое-что быстро приготовив, шустро ввинтился в толпу.

Он знал, что главным «казначеем» парочки был Вим. Это у него висел на поясе увесистый кошелек с монетами, которые щедро отсыпал им на дорогу скупщик краденого. И впрямь, редко кто из самых искусных воров отважился бы позариться на деньги Вима. Мало того, что он был здоров, как бык, и мог просто сломать любого злодея, так еще Вим обладал превосходной реакцией, несмотря на свои габариты, и тонким чутьем. Даже приближаться к нему с дурными намерениями было опасно. Но только не для Хаго.

Накинув на голову капюшон, чтобы его не узнали, он протолкался к бандитам, на какое-то мгновение вошел в соприкосновение с Вимом, – и был таков. Его больше не интересовали перипетии петушиных боев. Хаго, довольный собой, поторопился вернуться в здание постоянного двора, где присоединился к актерам, которые разучивали роли новой по-

становки.

В Кремоне намечалась ярмарка, – конечно, не такая многолюдная, как в больших городах империи, но все же, – и бродячие лицедеи мечтали хорошо поживиться от щедрот благодарной публики.

Бродячих актеров вполне можно было назвать душой народа. Всегда и во все века они выступали против власти, которая боролась против них, иногда чрезвычайно жестоко. Вагантов⁴⁴ нередко отправляли на костер или вырывали у них языки. Церковь даже запрещала хоронить лицедеев в освященной земле наряду с самоубийцами, что считается в христианстве самым тяжким грехом.

Однако вольный дух творчества был неистребим. В последнее время странствующих комедиантов даже начали допускать (правда, очень редко) во дворцы. В Священной Римской империи благодаря Оттону допускалась некоторая степень вольнодумства. Разнообразные пьески, мастерски написанные, позволяли бродячим актерам выступать и перед народом, и перед властью имущими.

«Чудно...», – думал восхищенный Хаго, наблюдая за ужимками лицедеев, которые при свечах разыгрывали перед ним, единственным зрителем, блестящее представление.

⁴⁴ Ваганты – в X–XIV вв. в Западной Европе творческие люди, в основном бродячие поэты, способные к сочинительству и исполнению песен или, реже, прозаических произведений. Вагантами считались французские жонглеры, немецкие шпильманы, английские менестрели и т. д. В своем творчестве они преимущественно пользовались латынью.

Что касается оруженосца Горста, то он спал как убитый. Его мог разбудить разве что глас Господний, призывающий на Страшный суд, или сердитый оклик господина.

А в это время Бамбер и Вим ссорились едва не до драки. Бамбер даже схватился за свой знаменитый нож палача, а Вим вооружился дубинкой.

Причина выяснения отношений была весьма серьезной. После того как закончились бои, мрачный Вим, который проиграл заклад, полез в кошелек, дабы расплатиться, отдав несколько монет устроителю захватывающего зрелища, и с ужасом обнаружил, что в кошельке вместо золота и серебра лежат обычные камушки! Это было непонятно и невероятно.

И только хорошо присмотревшись, Вим сообразил, что кошелек чужой, а его «казну» прибрал к рукам искусный вор. Он так ловко подменил кошелек, срезав кожаные шнурки, которыми тот был привязан к поясу (притом под плащом!), что Вим ничего не почувствовал. А как почувствуешь, если по весу оба кошелька были почти одинаковы.

Теперь у бандитов возникла большая проблема – где взять деньги на дорогу. У Бамбера в тощем кошельке лежало полсотни пфеннигов на мелкие расходы, но что толку? В Италии все было очень дорого из-за неурожая; здесь даже хлеб пекли не из пшеницы или ржи, а из растертого в порошок миндаля.

Он, конечно, получался вкусным, но не всем по карману. В конечном итоге бандиты помирились и пошли в таверну

заливать свое горе крепким и недорогим итальянским вином для простолюдинов, где заказали две пузатые бутылки-фиаски, каждая вместимостью в один канна...⁴⁵

Следующий день был самым обычным в череде дней, которые остались за спиной путешественников. Тем не менее Себальд чувствовал волнение. Как встретит его епископ? Лиутпранд был весьма странной личностью, и уговорить его, тем более обмануть, предложив себя и Геррика в качестве телохранителей, представлялось нелегкой задачей.

Родился Лиутпранд в Северной Италии в 920 году. Он был выходцем из лангобардской фамилии, его отец считался приближенным короля Италии Гуго. В 927 году отец ездил послом к ромеям для укрепления связей нового короля с империей, но по возвращении в Италию умер, оставив Лиутпранда ребенком. Мать вышла вторично замуж, и ее муж имел при дворе большое влияние, а Гуго за хороший голос взял Лиутпранда в капеллу.

Когда Гуго был изгнан из Италии в 945 году, семья Лиутпранда вместе со многими другими аристократами приняла сторону его более счастливого противника Беренгария II, а отчим молодого человека успел даже устроить пасынка секретарем короля. Беренгарий II обнаружил такое доверие Лиутпранду, что отправил его в 949 году послом в Константинополь.

Но вскоре Лиутпранд, поссорившись с новым королем,

⁴⁵ Канна – германская мера жидкостей, примерно два литра.

бежал из Италии в Германию ко двору императора Священной Римской империи. В 963 году, когда папа Иоанн XII объединился с сыном Беренгария Адальбертом и затеял заговор против Оттона, Лиутпранд вместе с императором отправился в Рим, где принял участие в тайном собрании епископов. Результатом этого собрания стало низложение папы 4 декабря 963 года, а затем и суд над ним.

После этого его сделали епископом Кремоны (еще при Беренгарии он получил звание дьякона Павийской церкви). Лиутпранд всецело посвящал себя делам своей новой епархии, по-прежнему оставаясь близким лицом к императору Оттону...

Себальд ехал, не обращая внимания на Геррика, которой балагурил практически без умолку. Рыцарю из Вайсенбурга все было интересно: и деревушки вдоль дороги, и стада овец, пасущиеся на лугах, и крестьяне, которые везли на городской рынок на продажу птицу, рыбу, фрукты на повозках, степенно топая рядом. Иногда он и вовсе оживлялся, когда их обгоняла повозка с бархатными занавесками, из-за которых выглядывала обладательница прелестного личика. В таких случаях Геррик гордо выпрямлялся в седле и его взгляд становился орлиным.

Дороги, по правде говоря, были скверными. Построенные во времена римской империи или вновь проложенные, они оставались без присмотра. К тому же они были настолько узкими, что больше напоминали тропы, а зимой или в дожди

они и вовсе становились непроезжими.

Мосты в большинстве случаев были построены монастырями, а не правителями, поэтому въезжать на них приходилось с большими осторожностями – а ну как провалится. Обычно они возводились арка за аркой, по мере накопления средств, и часто оставались недостроенными. Поэтому небольшие реки приходилось преодолевать вброд.

Рыцари знали, что в более-менее сносном состоянии поддерживались всего две дороги, проложенные ранее римлянами, которые связывали Северную Европу с Италией. Первая шла из Аугсбурга через Тааль на Этш, к Вероне, вторая выходила из Брегенца через Хур и тянулась к берегам озера Комо, а затем к Милану. О них заботился сам император Оттон, чтобы его армия могла совершать быстрые переходы. Но эти дороги остались в стороне, и Себальд с Герриком полностью прочувствовали на своей шкуре все «прелести» бездорожья.

На улицах в городах не было тротуаров, а чтобы отводить дождевые воды от оснований домов, мостовым придавали вогнутый профиль, и улица напоминала большой желоб.

Кремона, расположенная у левого берега реки По, встретила путешественников нестерпимой жарой. Они сильно изголодались, поэтому постарались как можно быстрее найти таверну, где можно было спрятаться от палящих лучей солнца и набить желудки. Это желанное заведение находилось неподалеку от строящейся колокольни – кампанилы. Если судить по фундаменту и мощным стенам из красного кирпи-

ча, это сооружение должно было стать просто громадным.

Похоже, весело перекликающимся каменщикам, работающим на лесах, жара была нипочем. Возможно, потому, что наверху дул легкий ветерок.

Зато внизу царил сущий ад. Рыцари не стали заходить в душное помещение таверны, а расположились в тени раскидистой сикоморы. Как появилось в Кремоне это восточное дерево, можно было только гадать. Возможно, саженец сикоморы привезли купцы. Или матросы. Ее ствол был густо облеплен созревающими плодами, которые, по утверждению немало попутешествовавшего Себальда, были очень вкусными. Они напоминали фиги.

Им подали зайчатину под красным пивом, очень неплохое вино и «торроне» на десерт – смесь жареного миндаля с медом и каким-то вкусными специями. Рыцари и их оруженосцы дружно набросились на еду, и вскоре от двух зайцев остались лишь обглоданные кости.

Попивая с удовольствием охлажденное вино и закусывая «торроне», Себальд с интересом рассматривал дома Кремоны с покатыми терракотовыми крышами, благо таверна находилась на небольшой возвышенности, и вид перед ним открывался поистине сказочный. В его душе царили спокойствие и умиротворение, – наконец они прибыли к месту назначения! – чего нельзя было сказать про Хаго.

Юный воришка, а теперь паж рыцаря, не находил себе места от волнения. Он, как и его господин, глазел по всем сто-

ронам. Только его совсем не интересовали архитектурные красоты города. Он выискивал в толпе бандитские физиономии подручных херра Альдульфа. Но их нигде не было видно, и мальчик постепенно успокоился.

Пощупав увесистый кошелек у пояса, он злорадно ухмыльнулся. Если и могли случиться какие-либо затруднения у бандитов в пути, то отсутствие средств было главным. Хаго понимал, что Бамбер и Вим, конечно же, пополнят свою казну, ограбив кого-нибудь по дороге, поэтому он молил Деву Марию, дабы она примерно наказала негодяев – чтобы их поймали и заключили в темницу.

Кошелек Вима предусмотрительный Хаго давно выбросил (он был меченым) и прикупил у бродячего торговца другой. Так что если он встретится с соглядатаями скупщика краденного, они не смогут уличить его в краже.

Отобедав, рыцари двинулись дальше – искать постоянный двор. Для небольшой Кремоны это была проблема – город находился в стороне от путей, по которым передвигались паломники и купеческие обозы. В конечном итоге они оказались на небольшой площади, где в этот момент разворачивалось интересное зрелище.

Там стояла объемистая бадья, высотой в человеческий рост, наполненная нечистотами. Над ней была подвешена деревянная клетка, в которой находился человек. Клетка имела лишь один выход – через дно. Человек внутри нее был упитанным, в годах, и явно не обладал большой физической

силой. Он изо всех сил цеплялся за прутья клетки, с ужасом глядя вниз, где в бадье пузырилось забродившее дерьмо.

Вокруг бадьи толпился народ и с нескрываемым злорадством веселился, отпуская в адрес бедолаги соленые шуточки.

– Кто этот человек? – спросил Геррик у прилично одетого сеньора, который тоже зубоскалил, хотя и старался соблюдать приличие.

– Пекарь, – коротко ответил тот.

Оглянувшись и увидев, кто задал вопрос, он с почтением добавил:

– Мессир...

– За что его так?

– Был чересчур хитрым и жадным. Он отбеливал мелом и костной мукой ржаной и овсяный хлеб, выдавая его за пшеничный. Теперь этот негодяй сначала искупается в дерьме, а затем заплатит большой штраф.

Себальд с пониманием кивнул. Пшенице, выращивание которой требовало немалого труда и при этом не сулило больших урожаев, крестьяне стали предпочитать другие зерновые – более стойкие и надежные: рожь, ячмень, овес, полбу, спельту, просо, сорго... Раньше их использовали для подкормки скота, но теперь таким хлебом кормили крестьян и прочий работный люд. Пшеничный хлеб предназначался для господ и был предметом роскоши.

Бывший монастырский послушник невольно улыбнулся,

вспомнив случай из своей монашеской жизни. Как-то обитель навестил епископ, который исполнял обет покаяния. На виду у всех он ел наихудший хлеб – овсяный, и, чтобы не впадать в гордыню, выставлял напоказ свои лишения. А сам тайком ел пшеничный.

Но самым печальным было то, что от ржаного и овсяного хлеба люди заболели «огнем святого Антония»⁴⁶. Болезнь нередко разрасталась до размеров эпидемии, особенно в неурожайные, голодные годы, когда с полей собирали все, что более или менее походило на злаки, и зачастую раньше положенного срока. В большинстве случаев от «огня» святого Антония люди умирали.

– Это еще ничего, – снисходительно сказал Геррик, который услышал разговор Себальда с сеньором. – В моем городишке к этим вредным для здоровья отбеливающим средствам в хлеб один ушлый пекарь запекал сушеных мух в качестве изюминок.

– И что?

– А, пустяки... – беспечно отмахнулся Геррик. – Просто мы устроили на него охоту, как на дикого кабана – с собаками и загонщиками. Полдня бегал, пока не изловили.

– Вы его прикончили?

– Зачем? Мы ведь не звери. Псы слегка помяли нашу

⁴⁶ Огонь святого Антония – отравление спорыньей, паразитическим грибом, образующимся в колосках ржи. Болезнь затрагивала нервную систему и в большинстве случаев приводила к летальному исходу. Лишь в эпоху раннего барокко в Голландии была обнаружена взаимосвязь между спорыньей и болезнью.

«дичь», а затем слуги раздели мошенника догола, вымазали маслом, покатали в перьях и пустили по городу прогуляться, для большей прыти стегая его нагайками.

– Не по-божески это... – ханжеским голосом сказал Себальд, едва сдерживая смех.

В этот самый момент изрядно уставший пекарь наконец выпустил прутья клетки и плюхнулся в зловонную жижу. Толпа удовлетворенно взревела, и люди начали расходиться, чтобы не нюхать миазмы, исходившие от бадьи. За ними поторопились и рыцари.

Локанда Кремоны называлась без особых затей – «Taberna perpetua»⁴⁷. Оказалось, что постоялый двор был один на весь город. Но, похоже, рыцарям везло.

Когда они подъехали к двухэтажному зданию постоялого двора, оттуда в этот момент два дюжих молодца выбрасывали двух постояльцев вместе с пожитками. Судя по разговорам, все свои деньги незадачливые путешественники пропили в таверне и проиграли, и платить за жилье им было нечем. Позади слуг торчал хозяин постоялого двора, который ругался нехорошими словами, среди которых «грязные свиньи» были наиболее ласковыми.

Завидев рыцарей, он хотел было скрыться внутри помещения, но Геррик преградил ему дорогу своим конем.

– Любезнейший синьор, нам нужны две комнаты! – сказал

⁴⁷ Taberna perpetua – вечная таверна (лат.). Это название подразумевало круглосуточную торговлю вином.

он с мягкой улыбкой на изрядно обветренном востроносом лице.

– Мессирь, мне нечего вам предложить, – неприветливо буркнул хозяин постоялого двора. – Все комнаты заняты.

– Разрешите вам не поверить, – вступил в разговор Себальд, строго сдвинув брови. – Мы прибыли в Кремону по приглашению его преосвященства епископа Лиутпранда. Поэтому извольте предоставить нам приличное жилье!

Хозяин постоялого двора в отчаянии поднял руки к небу и забормотал под нос что-то малопонятное, при этом вспоминая всех святых. А затем решительно сказал:

– Ладно, мессирь, будут вам комнаты! Но плату за постой наперед!

– А что так? – поинтересовался Геррик. – Вы не верите благородным рыцарям?

– Что вы, мессирь!? Конечно верю. Но моя локанда – не монастырская госпиция, где все бесплатно. А те сеньоры, – между прочим, весьма состоятельные! – которых только что вынесли на улицу мои слуги, решили пожить у меня на дармовых хлебах в свое удовольствие. Я с такими постояльцами по миру пойду!

– Понятно. Держи... – Себальд достал из кошелька безант и бросил его хозяину постоялого двора.

Тот поймал монету с потрясающей ловкостью, попробовал на зуб и с удовлетворением осклабился.

– Милостивые господа! Покорно прошу! – Он сделал на

удивление грациозный для его тучной фигуры реверанс в сторону входной двери. – Что стоите, болваны?! Отведите лошадей в конюшню! – набросился он на слуг, которые с интересом наблюдали за разговором хозяина с рыцарями, готовые вмешаться в любую минуту.

Они были вооружены длинными тесаками и в случае заварушки могли представлять большую опасность. Судя по шрамам и дерзким выражениям лиц, это были немало повидавшие на своем веку отставные солдаты.

Видимо, идти им было некуда, – военные действия нередко стирали начисто небольшие деревеньки; да и городам доставалось – и хозяин постоялого двора приютил их в качестве охранников. Себальд совершенно не сомневался, что слуги по приказу своего господина могли напасть даже на рыцарей – судя по тому, как они весьма бесцеремонно обошлись с богато одетыми должниками, явно происходившими не из низов общества.

– Меня зовут Лука. Мессиры, скоро ужин, я вас приглашаю... – тараторил возбужденный хозяин постоялого двора, воодушевленный щедрой платой. – У меня есть превосходное вино! Уверяю, вам пить такое еще не приходилось. Божественный нектар! По вечерам в таверне собирается приличная публика, и если хотите испытать судьбу, то Бог вам в помощь. Музыка, разные игры, наконец, красивые женщины... развлечений вам хватит до утра!

– Покорно благодарим, – сдержанно сказал Себальд. – Но

для начала нам нужно умыться и отдохнуть с дороги.

– Всенепременно! Джустина, где ты запропастилась, чертовка?

Откуда-то из глубины двора появилась худощавая, смуглая девушка с огромными черными глазами. Она так взглянула на Себальда, что тот обмер. «Чур меня! – подумал он и едва не перекрестился. – Ведьма! Истинно говорю...»

– Отведи господ в их комнаты. Да-да, те, что освободились! Только приберись там хорошенько. Да быстрее поворачивайся! Мессеры желают отдохнуть перед ужином.

Рыцари поднялись вслед за Джустиной на второй этаж, она быстро подмела пол, поменяла постель, застелив ее чистым покрывалом, и была такова. Комната рыцарям досталась просторная, светлая, чего нельзя было сказать про Хаго и Горста; их определили в крохотный чулан с одним-единственным окошком под потолком. Но уставшим путникам было не до смотрин своих жилищ.

Спустя недолгое время они уже спали как битые.

Digressio III. Ахет

Тот-Джехути стоял на ступеньках недавно построенного храма своего престольного города Хут-Ка-Птах⁴⁸, которые сбегали прямо к воде, и прислушивался к шуму Приносящей Ил. Раннее утро повеяло долгожданной прохладой, и строгое лицо гиганта ласкал легкий ветерок. Правителя Та-Кемет редко кто видел смеющимся; разве что жена Сешат, верная подруга и помощница во всех его деяниях. Ее почитали как божество, а как иначе, если Сешат – супруга самого Тота?

Правитель обратил на нее внимание, когда она была совсем юной. Его поразил рост девушки – она была выше всех придворных прелестниц на голову. Разобравшись в ее родословной, Тот узнал, что ее прадедом был один из тех, кто прибыл в Та-Кемет из гибнущей Атталанты. Это обстоятельство повлияло на решение правителя, привычного к случайным связям с женщинами, взять Сешат в законные жены.

Она была очень красива и чрезвычайно умна и вскоре стала ближайшей помощницей Тота. Он дал ей мудрость Атта-

⁴⁸ Хут-Ка-Птах – усадьба двойника Птаха (*др. – егип.*). Древнеегипетское название Мемфиса, первой столицы Та-Кемет. (Были и другие названия: Инбу-хедж, Мен-нефер, Мехат-та-уи, Анх-та-уи.) Один из крупнейших религиозных, политических, культурных и ремесленных центров Древнего Египта вплоть до римского времени. Центр культа бога Птаха (Пта) и священного быка Аписа, а также центр производства военных колесниц, что являлось главным направлением военной индустрии Египта.

ланты и поставил руководить огромным архивом «Дома жизни», в котором хранились уникальные рукописи жрецов Атталанты и богов. Сешат записывала на листьях священного дерева «шед» деяния своего господина, и кроме того, во главе сонма писцов занималась подсчетом военных трофеев, пленных, даров и дани.

В последние годы у нее появился талант зодчего, и она начала заниматься составлением строительных планов и покровительствовать подрядчикам, соорудившим великолепные храмы и дворцы.

А еще Сешат любила животных. Казалось, что она понимает их язык. Ее ручная пантера бегала за ней словно котенок, исполняя малейшие прихоти своей хозяйки. Наблюдать со стороны за их общением было чрезвычайно занятно.

Правитель Та-Кемет был встревожен. Наступило первое время года – «ахет», когда Приносящая Ил разливалась на четыре месяца, а река все еще молчала и неспешно несла свои тихие воды в низовье. Все сельскохозяйственные и земледельческие работы уже прекратились, и народ Та-Кемет начал готовиться к длинным праздникам. Днем по реке плыли украшенные разноцветными лентами и букетами цветов суда – большие и малые, а по вечерам люди веселились и славили богов за то, что они милостивы к ним.

Обычно во время «ахет» велись строительные работы по восстановлению и возведению пирамид и гробниц, а также храмов. Благодаря древней технике Атталанты, огромные

сооружения строились быстро, не так, как до появления в Та-Кемет морских скитальцев, утративших родину, погружившуюся в пучину Океаноса. В те древние времена по приказу правящих страной богов надсмотрщики пригоняли тысячи пахарей и ремесленников, которые вынуждены были гнуть на строительстве спины от зари до зари, надрывая себе жилы и теряя здоровье.

Тот прислушался. Жрецы храма, встревоженные задержкой половодья, пели гимн в честь разлива Приносящей Ил:

О Творец света, приходящий из темноты,
Вскармливающий стада,
Могущественный образ всего сущего.
Никто не может жить без него!
Люди одеты в одежды изо льна,
Что произрастает на его полях.
Ты облагораживаешь все земли
И насыщаешь их непрерывно,
Спустившись с небес...

«Почему задержался Хапи? – тревожился Тот. – Никак не выберется из своей пещеры? Ленивый толстяк!»

Хапи – «Единственно текущий» – был богом Приносящей Ил (которую иногда называли его именем) и покровителем урожая. А еще Хапи именовали «Повелителем рыб и птиц болотных», «Повелителем реки, несущей растения». Хапи изображали толстяком с синей кожей и большим животом

в одной набедренной повязке, приносящего дары богам. А иногда Хапи и вообще рисовали в образе священного животного богини-матери Та-урт – бегемота.

Он был, пожалуй, старше всех богов, его считали отцом небожителей. Хапи дружил с Гебом, богом Земли, и Непером – богом зерна. Он жил в пещере возле одного из источников Приносящей Ил, сибаритствуя и отсыпаясь, что было неудивительно – работать четыре месяца сутки напролет нелегко...

У ног правителя плеснула волна; он глянул на водомер и с удовлетворением улыбнулся. «Ахет» пришел! Наконец слышался и долгожданный рокот, который предшествовал разливу Приносящей Ил. Это с верховьев, преодолевая пороги, надвигалась высокая волна. Мысленно извинившись перед Хапи за непочтительность, Тот-Джехути не пошел в храм, чтобы продолжить обучение Просвещенных, а направился на псарню. Там его ждали недавно рожденные щенки-волкодавы.

Злобные псы ростом с осла были личными телохранителями правителя Та-Кемет. Они сопровождали его в воинских походах и на охоте. С некоторых пор их стали использовать для защиты стада. Располагаясь на возвышенностях для лучшего обзора охраняемой территории, псы зорко следили за хищными зверями, которые всегда шли вслед за гуртом одомашненных животных. Скот был главным богатством кочевников Та-Кемет, а главным врагом скота были даже не львы

и леопарды, а волки.

Ничто – ни воинское мастерство, ни охрана – не могло спасти стадо от волков. Только исполинские волкодавы, которым были не страшны степные хищники. Два пса в защитных ошейниках, покрытых бронзовыми шипами, могли растерзать даже льва, не говоря уже о других зверях.

Пастухи не могли нарадоваться поистине царским подарком правителя Та-Кемет и дорожили волкодавами больше собственной жизни. Каждый взрослый пес мог свободно сражаться с четырьмя волками.

Достаточно было волкодаву подать голос, и хищники торопились ретироваться. Волки обычно нападали только в том случае, если были уверены, что нет силы, которая может их покалечить. Целая стая волков, конечно, с одним волкодавом могла справиться, но не без серьезных потерь. А этого хитрые и благоразумные хищники не любили.

Правителя Та-Кемет встретил начальник псарни, которого звали Нехи. Он склонился перед ним в низком поклоне, но не стал падать ниц, как это было положено. Так наказал Тот-Джехути. Начальник псарни был очень сведущим человеком в своем деле. Это он отыскал где-то в горах страны Нуб этих псов и убедил правителя создать государственную псарню. Тот-Джехути испытывал к нему благодарность, потому как лучше и надежней друзей, чем его личные псы, нельзя было сыскать во всем белом свете.

– Как щенки? – спросил Тот.

– Время кормежки, повелитель...

– Веди! – оживился Тот-Джехути.

Щенки уже изрядно подросли, и молока матери им стало не хватать. Поэтому их прикармливали, притом из деревянных мисок, отделанных внутри волчьей шкурой. С юных клыков щенков приучали воспринимать запах волка, как пищу, поэтому у взрослых волкодавов не было никакого страха перед хищниками. На псарне были и другие миски – обитые львиными и леопардовыми шкурами. Но их применяли, когда псу исполнялся год.

Немного повозившись со щенками, довольный Тот пошел в Большой Дом или Пер-о – свой дворец, где должен был состояться прием иноземных послов. Несмотря на высочайший сан, правитель Та-Кемет был босым, хотя, конечно, у него имелись сандалии. Тот любил ощущать подошвами босых ног ласковое прикосновение Геба, божественного правителя Та-Кемет и бога Земли.

Внешний вид дворца, в особенности фасад, повторял формы гробниц умерших богов. Гробница считалась домом усопшего в его загробной жизни, поэтому она была похожа на жилище правителя в земной жизни. Стену дворца разделяли уступы с фигурными зубцами поверху и украшали барельефы и орнаменты. Они рассказывали своим художественным языком о победах Тота-Джехути. Территорию дворца четырехугольной формы окружала крепостная стена с башнями. Ворота были обиты полированными бронзовыми

ми пластинами и сверкали на солнце так ярко, будто там по меньшей мере был вход на небеса.

За долгое время существования Та-Кемет при дворе сложился строгий этикет, следование которому было обязательным для всех. Называть правителя по имени никому не разрешалось. Придворные обозначали его безличным «Они» и «довести до Их сведения». Были и другие выражения, которыми щепетильный придворный мог пользоваться, говоря о своем божественном владыке. Это не очень нравилось Тоту-Джехути, привыкшему к воинской простоте, но древний обычай, заведенный Первыми богами, он нарушать не хотел.

Для каждой потребности его царственной персоны имелся специальный придворный вельможа, который носил соответствующий титул. В покоях правителя толпилась небольшая армия изготовителей париков, сандалных мастеров, парфюмеров, прачек, белильщиков и хранителей царского гардероба. Что касается наряда Тота-Джехути, то он не просто превосходил роскошью одеяние сановников и высших военачальников армии – ему надлежало соответствовать его божественной сущности.

Он никогда не появлялся с непокрытой головой и даже в семейном кругу носил парик. Волосы Тот стриг коротко, чтобы носить разные парики, самый простой из которых – круглый с диадемой, закрепленной сзади, и спускавшимися на затылок подвесками. Диадему обвивал золотой урей – кобра, чья голова с раздутой шеей поднималась над сере-

диной лба. Парадным головным убором была двойная корона, похожая на удлиненную ступку. Кроме того, Тот-Джехути охотно надевал, особенно во время военных парадов и на войне, изысканный и простой синий шлем с уреями и с двумя лентами на затылке.

Накладной бороды, сплетенной в косичку, которую носили боги, у Тота не было. Он завел себе обычную бородку. Его набедренная повязка была гофрированной. Она придерживалась широким поясом с металлической пряжкой, с превосходно исполненными иероглифами спереди и бычьим хвостом сзади. Иногда к поясу подвязывали передник в форме трапеции. Он был целиком сделан из драгоценного металла. С обеих сторон передник украшали уреи, увенчанные солнечными дисками.

Завершали это убранство драгоценности и украшения. Тот-Джехути носил самые различные ожерелья: нанизанные на шнур золотые пластинки, шарики, бусины с плоской застежкой сзади, от которой спускалась очень красивая золотая кисть из цепочек с цветами. Эти ожерелья весили немало, но гигант их тяжесть не ощущал.

Кроме того, Тот подвешивал на шею на двойной золотой цепи нагрудное украшение в форме фасада храма и надевал три пары браслетов: одну – на предплечья, вторую – на запястья, третью – на щиколотки. Иногда он накидывал длинную прозрачную тунику с короткими рукавами и таким же прозрачным поясом, завязанным спереди...

Прием длился недолго. Послы Та-Неджер⁴⁹ – Земли богов – были обыкновенными торговцами, которые доставили в Та-Кемет свои товары. Торговля с Та-Неджер шла бойкая, несмотря на большие расстояния. Тот-Джехути старался по мере возможности способствовать развитию отношений с Та-Неджер, посылая туда свои караваны.

Возвращаясь, купцы привозили красное и черное дерево, благовония, в том числе очень дорогой ихмет⁵⁰, черную краску для глаз придворных модниц, слоновую кость, золото, ручных обезьян, шкуры невиданных животных и рабов. А важнейшим товаром была душистая смола⁵¹, без которой не обходилось ни одно богослужение, и деревья, на которой она водилась.

И главное – Та-Неджер считалась колыбелью богов Та-Кемет. Только поэтому правитель снизошел до встречи с торговцами, тем самым высказав им благосклонность и отдав дань уважения своим предшественникам.

Тот-Джехути, как мог, способствовал этой торговле. Он

⁴⁹ Та-Неджер, Пунт – страна в Восточной Африке, расположенная, по-видимому, на побережье Аденского залива. Египет и Та-Неджер связывал путь, который преодолевали за неделю. Торговые суда с охраной направлялись из Библа по Нилу до Бубаста, где изделия египетских ремесленников перегружали на верблюдов и повозки. Затем караван шел по пересохшему руслу реки до Красного моря, там вновь производили перевалку на суда, которые брали курс на юг, до Та-Неджера.

⁵⁰ Ихмет – ладан.

⁵¹ Душистая смола – мирра; камедистая смола, получаемая от африканских и аравийских деревьев.

постарался сделать торговый путь в Та-Неджер удобным и не слишком утомительным. Были найдены неизвестные ранее оазисы, в которых купеческие караваны могли отдохнуть после нелегких странствий по пустыне. Кроме того, по пути следования было построено множество водоемов в вади – руслах пересохших рек. Несколько позже по указу правителя мореплаватели освоили дорогу в Земли богов и по воде.

Торговцы Та-Кемет доверху нагружали свои суда изделиями ремесленников – оружием, украшениями, зеркалами, различными тканями, а в глиняных кувшинах везли вино. В обратный путь с некоторых пор крупные торговые суда стали загружать каменными блоками, которые шли на строительство храмов и пирамид. За камень, который отсутствовал в Та-Кемет, государственная казна щедро расплачивалась с купцами.

Освободившись от своих государственных обязанностей, Тот-Джехути решил подкрепиться, прежде чем направиться в Храм Истины, где с утра томились в ожидании его ученики, будущие Посвященные. Первым делом он отведал напиток, который продлевал молодость. По крайней мере, так думали повара.

Правитель не стал их разубеждать. Ему просто нравился его вкус. Напиток бодрил и вызывал аппетит. Он состоял из нескольких яиц, смешанных с растопленным медом и свежим виноградным соком. Затем в эту смесь вливали прокипяченное вино и взбивали до образования пены. А под ко-

нец добавлялись зерна граната.

Затем ему подали гуся, зажаренного с чесноком и политого кисло-сладким виноградным соусом, тушеную говядину со специями, которая была самым дорогим мясом в Та-Кемет, огромную рыбину, зажаренную на вертеле, отварную фасоль, лук-порей, а также обязательный мед, без которого не обходилась ни одна трапеза. На десерт правитель получил великолепную дыню, свежий инжир и гранат.

Все это Тот-Джехути лишь попробовал, если судить по порциям, которые он съел. Правитель Та-Кемет был неприхотлив в еде и строго следил за тем, чтобы не переесть. Так завещал Гор.

В храме его уже заждались, изнывая от неопределенности. Ведь правитель не обязан докладывать, будет он или нет. Обязательное жертвоприношение провели в спешке, но Тот-Джехути не стал высказывать неудовольствие. Он понимал, что его ученикам не терпится припасть к животворному источнику космической Истины, которая не состарится в веках.

Тот-Джехути размеренно бросал слова под гулкие своды храма. Словно отталкиваясь от камней, они падали на бритые головы жрецов как мелкий град, проникая через темя в мозги:

– Давным-давно, во времена первых людей, началась война между Светом и Тьмой. Война эта бесконечная, и ожесточенно ведется она века с помощью странных сил, скрытых

от человека.

– Многие тысячелетия назад Сыны Утра, нисходя вглубь, обнаружили мир, наполненный ночью.

– И в то далекое время началась битва, постоянное сражение Света и Тьмы.

– И были владыки тьмы, стремившиеся наполнить все вокруг мраком.

– Использовали они всегда магию черную, опутывающую человеческие души.

– Объединены они вместе в орден, который называется Братья Тьмы.

– Веками являются они соперниками чад людских, идут они всегда скрытно, найденные и в то же время ненайденные чадами людскими.

– Всегда они обитают и работают во Тьме, прячась от Света в ночи.

– Тихо и тайно используют они мощь свою, порабощая и сковывая души людские.

– Невидимыми являются они и невидимыми уходят.

– А человек в невежестве своем вызывает их из недр.

– Темен путь, которым идут темные братья.

– В просторы человеческого разума проникли они, и вокруг разума смыкается покров их ночи.

– Так слушайте же внимательно и узрите мое предупреждение!

– Да будете вы свободны от оков ночных!

- Да не падут ваши души к братьям темным!
- Да будут обращены ваши лица к свету!

Глава 6. Меняла

Кремона ничем особо не славилась и была по сравнению с другими городами Италии большой деревней с немногочисленным населением. Первоначально на месте города находилось этрусское поселение, позже завоеванное кельтским племенем циноманнов. Город был основан примерно за два столетия до начала новой – христианской – эры в качестве передовой крепости для отражения атак заальпийских народов и представлял собой римский укрепленный пункт и муниципий, опорный пункт римлян для вторжения в будущую провинцию Цизальпийская Галлия.

После Второй Пунической войны Кремона разрослась и стала процветать. В середине первого века новой эры город был практически полностью сожжен при императоре Веспасиане легионами римского полководца Марка Антония Прима. Потом сам же Веспасиан помогал отстраивать Кремону заново, но городу так и не удалось вернуть себе былое величие и славу.

Когда лангобарды захватили большую часть Италии, Кремона оставалась оплотом ромеев в составе Равеннского экзархата. В 603 году город был захвачен королем Агилульфом и разрушен, а его территорию поделили между собой Брешиа и Бергамо. Однако уже в 615 году по приказу королевы Теоделинды город был восстановлен, а после завоевания

Северной Италии Карлом Великим в Кремоне установилась власть епископа. Так город стал епархией.

Небогатая Кремона, расположенная между реками Аддой и Оглио, существовала в основном за счет речного порта, построенного на месте старинной крепости ромеев. Политические перипетии Италии заставляли города то и дело менять союзников, заключать договоры с бывшими врагами, переходить из одного лагеря в другой.

Кремона, занимавшая выгодное положение в долине реки По, естественно, не могла остаться в стороне от всех этих дрязг. Порой ей улыбалась удача, и тогда, вернувшись с поля боя, горожане вывешивали над городскими воротами захваченный флаг и штаны вражеского военачальника...

Пока рыцари занимались своими делами, Хаго с раннего утра отправился слоняться по городу. Он высматривал, не появились ли в Кремоне два кровожадных злодея, Бамбер и Вим.

Мальчик боялся их до дрожи в коленках, совершая свой отчаянный поступок, когда срезал кошелек с пояса Вима. Но то был, можно сказать, творческий порыв вкупе с соображениями безопасности – без денег злодеям труднее преследовать его. Ведь заметь Вим поползновение на свою «казну», посиневший Хаго с высунутым языком уже лежал бы в каком-нибудь темном углу постоянного двора, задушенный бандитом.

Виму было наплевать на наказ херра Альдульфа следить

за Хаго и оберегать его от разных опасностей. У него был свой кодекс чести (скорее, бесчестья). И мальчик это знал. Тот, кто пытался обмануть Вима или обижал, долго не заживался, невзирая на свое общественное положение или высокий сан.

В конечном итоге улицы города привели Хаго в порт. Множество судов стояли под разгрузкой, а еще больше принимали товары, которые громоздились в объемистых тюках на дощатом настиле пристани. Порт Кремоны напоминал муравейник, когда его разворошишь, так много было моряков, которые слонялись туда-сюда, и наемных работников, занятых погрузкой-разгрузкой. Десятки груженных повозок грохотали колесами по старинной римской мостовой, направляясь в сторону порта. Навстречу им двигался другой поток – с товарами, которые доставили в Кремону торговые суда.

Италии было что предложить заморским странам. В Милане, Пьяченце, Флоренции, Пизе и Сиене производились тонкие сукна, в Лукке – шелковые ткани, а в самой Кремо-не – превосходные льняные. В Пизе, Генуе и Венеции строились корабли. Кроме того, в Венеции выделывали кожи, меха и холсты, а уж венецианские изделия из стекла пользовались бешеным спросом не только в Европе, но и на Востоке. Миланские оружейники славились своими непревзойденными доспехами; там же изготавливали пользующиеся особым спросом гребни для чесания шерсти, необходимые в сукно-

делии.

Естественно, развитие ремесел привело к оживленному товарному обмену. В Милане четыре раза в год шли большие ярмарки, на которых продавались оружие, сукна, восточные товары.

В Венецию везли свои изделия купцы из Эмилии, Тосканы и Ломбардии, а немецкие купцы держали там постоянное подворье – фондако. Из Венеции на кораблях товары шли в страны всего Восточного Средиземноморья. Большое значение имела происходившая дважды в год ярмарка в Ферраре, куда съезжались купцы из Тосканы, Ломбардии, а нередко и из немецких земель, а также Франции.

Итальянские города, в том числе и Кремона, торговали с Алжиром, Тунисом, Марокко, Египтом. Генуя вела деловые операции с Провансом, Каталонией и обладала опорными пунктами в Северной Африке. Венеция установила торговое господство в землях Далмации, были установлены прочные связи с империей ромеев и Левантом. Туда итальянские купцы везли сукно, хлеб, металлические изделия, оттуда – пряности, хлопок, красители. Этот обмен приносил колоссальные прибыли.

Неподалеку от шумной портовой таверны Хаго увидел лавку цирюльника. Мальчик уже немного успокоился – Бамбера и Вима нигде не было видно; похоже, они еще не добрались до Кремоны. Или же где-то промышляют – кого-нибудь грабят. Ведь без денег далеко не уедешь.

На фронте старого, еще римской постройки здания, чудом уцелевшего в горниле многочисленных войн, располагалась изрядно выцветшая вывеска с гербом цирюльника – бритва и две пары ножниц в лавровом венке. Собственно говоря, здание цирюльнику не принадлежало; в нем находилось какое-то официальное портовое заведение. А он ютился в скромной каморке, вход в которую находился сбоку здания. Наверное, когда-то там жили слуги, а то и римские рабы.

Хаго задумчиво провел рукой по своей рыжей голове и решил, что с такой прической он чересчур заметен. Да и неудобно пробираться через разные узости с длинными волосами, даже если они сплетены в косицу. Не ровен час, зацепишься за гвоздь или какой-нибудь выступ, наделаешь шуму – и пиши пропало. Все дело может пойти насмарку.

«Надо постричься!» – решил юный воришка и не без трепета открыл дверь цирюльни. До этого ему не приходилось попадать в руки брадобрея. В Аахене его стриг Ханси, который, несмотря на юный возраст, был на все руки мастер.

Внутри достаточно чистой каморки находилась небольшая печь, сложенная из дикого камня; ведь цирюльник постоянно должен иметь под рукой запас горячей воды. В печи горел огонь. Глянув на оранжевые язычки пламени, Хаго неожиданно успокоился и осмотрелся.

На столике возле окна стояли оловянный бритвенный тазик и склянка «ароматной воды». Там же находились пинцет,

гребень, ножницы, полдюжины губок и столько же головных повязок.

Цирюльник обслуживал исключительно мужчин. В его обязанности входило стричь и брить клиентов, подравнивать им бороды и усы, по необходимости завивать или красить волосы. В Священной Римской империи, и в Италии в частности, очень не любили седину, называя ее «покрывалом смерти».

Процедура бритья не менялась веками. Цирюльник наливал в тазик горячую воду, добавлял жидкое или превращенное в тонкую стружку мыло, рукой или губкой взбивал пену, энергично массировал лицо или голову клиента, мылил, а затем начинал орудовать бритвой. Конечно, процедура была не из приятных. Дешевое мыло раздражало кожу, а дорогое было не каждому по карману. Да и бритва не всегда была достаточно острой. Но горожане предпочитали стоически терпеть эти мучения, чтобы прилично выглядеть.

Бороды и усы часто выходили из моды, к тому же церковь постоянно напоминала, что растительность на лице мужчины сводит его к животному состоянию, поэтому лавка цирюльника не пустовала. Это было место, возле которого постоянно толклись представители всех городских сословий, обмениваясь последними новостями и сплетнями.

Кроме собственно стрижки и бритья цирюльник выполнял и несложные медицинские операции, причем врачевал как мужчина, так и женщина. Брадобрей обрабатывал раны

и ожоги, накладывал повязки, лечил или удалял зубы, вправлял вывихи, вскрывал нарывы и пускал кровь.

Подобные занятия цирюльников вызывали неизменное возмущение врачей, не без оснований считавших, что малообразованные парикмахеры отнимают у них хлеб. В результате, кроме враждебности и соперничества цирюльников и врачей, появилось множество тяжб в королевские суды. Но воз и ныне был там – цирюльники не сдавались...

Хаго попал внутрь цирюльни, отстояв небольшую очередь. Брадобреем оказался ловкий малый лет тридцати, с черными живыми глазами и хорошо подвешенным языком. Он трещал без умолку, ловко работая ножницами. Бритье не понадобилось – клиент был для этого слишком юн.

– ...Наш император – да благословит его Дева Мария и все святые отцы! – еще тот шутник. – Цирюльник раскатисто хохотнул. – Недавно мне рассказали занимательную историю. Вор украл у соседа овцу, но унести не успел – был пойман возле овчарни. А в это время император как раз приехал в близлежащий город вершить свои государственные дела. Поэтому вора решили привести на суд к его величеству. Местные судьи не хотели заниматься этим делом, ведь за кражу полагалась смертная казнь, а вор до своего проступка был вполне порядочным человеком. Что его подвигло на воровство – непонятно...

– Ой! – воскликнул Хаго, поморщившись от боли, когда цирюльник чересчур сильно дернул его за волосы.

– Прощу извинить... бывает, – «утешил» его цирюльник и продолжил: – Так вот, император предложил вору выбрать: быть повешенным или шагнуть за порог огромной, ржавой – страшной и загадочной! – двери в замке местного сеньора. Как думаешь, что он выбрал?

– Ну, не знаю...

– А что бы ты сделал на его месте?

– Да уж лучше пусть повесят, чем оказаться за той дверью! Вдруг там находятся дикие звери, которые могут разорвать человека на части. Или еще что-нибудь, более страшное. Мгновенная смерть с удавкой на шее, на мой взгляд, предпочтительней.

Цирюльник снова рассмеялся.

– Ах, люди... Как вы все предсказуемы, – сказал он, ловко подравнивая челку. – Вор именно так и сделал – выбрал виселицу. Когда палач накинул ему на шею петлю, вор спросил у его величества: «А что там, за дверью?» «Я всем предлагаю выбор, и все почему-то предпочитают виселицу», – улыбнулся император. «А все-таки, за дверью-то что? – допытывался вор. – Я все равно никому не скажу», – добавил он, указывая на петлю. «Там, за дверью, свобода. Но люди так боятся неизвестности, что предпочитают намыленную веревку», – печально ответил император...

Вернувшись на постоянный двор, Хаго неожиданно получил срочное задание – отнести в стирку вещи мессиров. Это должен был сделать Горст, оруженосец Геррика, но бывалый

хитрец решил переложить свою ношу на плечи юного пажа. Ему вовсе не хотелось наблюдать за процессом стирки; куда приятней коротать время за столом таверны, дожидаясь господ. Хаго повздыхал в огорчении, но отказаться не решился; Горст был гораздо старше его и имел право в отсутствие рыцарей распоряжаться юным пажом.

Взвалив на плечи узел с бельем и носильными вещами, которые изрядно изгваздались в дороге, Хаго потащился вместе с прачкой, работницей постоялого двора, на берег реки. Для нужд прачек город выделил специальный участок, рядом с городским мостом. Место для постирушек было расположено неподалеку от общественного туалета – наверное, чтобы нечаянно запачканное исподнее сразу отдать в стирку.

Здесь же находилось и скромное здание городской прачечной. Летом, когда оставаться внутри из-за горячего пара и воды было невмоготу, прачки перебирались поближе к водоему, причем жара и тяжелая работа порой понуждали их раздеваться почти догола. Поэтому не раз случалось, что какой-нибудь подросток или взрослый любитель подглядывать исподтишка подбирался к ним поближе, дабы вдоволь налюбоваться открывшимся зрелищем.

Однако горе было подобному соглядатаю, если его заставали на месте преступления! Незадачливому любителю обнаженных женских телес приходилось пускаться наутек, в то время как ему вслед летели камни, комья земли и едкие насмешки острых на язык прачек. За то время, пока он успе-

вал окончательно скрыться из виду, «преступник» узнавал много нового о своем внешнем виде, привлекательности для противоположного пола, про родителей, всех родственников до седьмого колена, и наконец (страшно сказать!) – о своих мужских достоинствах.

Невольные наблюдатели этого действия хохотали до колик в животе. А спустя короткое время о приключении охальника судачил весь город. После этого на рынок можно было не ходить; все на бедолагу смотрели, как на обезьяну в клетке, и тыкали пальцами вслед, при этом обидно зубоскаля.

Обычно в домах бедняков стиркой занимались жена и дочери хозяина. Простолюдины, у которых не было ни двора ни кола и которые не имели возможности оплатить услуги наемной прачки, поневоле вынуждены были сами стирать свои вещи. Зажиточные горожане и купцы нанимали одну или нескольких профессиональных прачек, которые получали у хозяев грязное белье и возвращали чистое в заранее обговоренные дни.

Своих прачек обязательно имели постоянные дворы и тюрьмы, так как трудно было представить, как осужденный за измену граф или барон стал бы стирать собственное нижнее белье.

И, наконец, богатый дом, не говоря уже о королевском или герцогском дворце, имел на постоянном жаловании целый штат прачек. Для стирки тяжелых одежд аристократов порой требовалась немалая физическая сила, поэтому были и муж-

чины, занимающиеся этой «женской» работой.

Труд прачек был очень тяжелым, а порой и опасным для жизни; не раз и не два случалось, что на речках и прудах, куда приходили полоскать белье, очередная прачка оступалась и тонула в глубокой воде. Кроме того, стирка могла занять до нескольких дней, продолжаясь от рассвета до самого вечера. Из-за этого руки у профессиональных прачек были грубыми и красными от холодной воды и жестких тканей, а суставы с возрастом распухали и сильно болели.

Грязное белье сначала полоскали в проточной воде и затем с силой утаптывали босыми ногами. Потом его закладывали в бочонок или кадку с дыркой в днище или в выдолбленный в скале полукруглый бассейн, причем слои белья перемежались древесной золой (в основном дубовой). Через верх в кадку заливалась горячая вода, и щелок, выделявшийся из золы, благополучно уносил с собой жиры и пот, а заодно служил отличным отбеливателем.

Иногда грязные простыни вываривали над очагом, добавив в воду щелок, время от времени помешивая содержимое. Затем вынутое и отжатое белье выбивали валками, вымачивали в проточной воде, пятна с силой оттирали руками. В качестве моющего средства применялся корень мыльнянки. Едкий сок растения отлично выводил пятна и отмывал даже самые тонкие ткани, придавая им мягкость и шелковистость.

Доброй славой пользовалась также «фуллерова земля» – суковальная глина, или ее французская разновидность,

«соммърская земля», известная своей способностью обезжиривать ткань. И наконец, при стирке верхней одежды применялось черное или коричневое мыло на основе овечьего сала, а для пышного платья аристократов и богачей – дорогое светлое мыло из оливкового масла, которое можно было купить в городе на лотках мелочных торговцев или в лавках мыловаров.

Для просушки белье раскладывалось на свежей луговой траве, на обрывистых стенках городских рвов, на речном песке, развешивалось на веревках или шестах... Своим рабочим инструментам прачки, обладавшие чувством юмора, нередко присваивали названия чисто комического свойства. Кадка для мытья в обиходе носила название «чистилища», валок для выбивания белья был «ударом милосердия» (по аналогии с рыцарским кинжалом, которым добивали смертельно раненных), а горка чисто выстиранного белья и вовсе именовалась «страшным судом».

В богатых домах прачечное помещение располагалось по соседству с кухней, по необходимости снабжаясь бассейном или деревянными кадками, ведрами или котлами для нагревания воды, а также всеми необходимыми принадлежностями. Несмотря на всю тяжесть подобной работы, прачечная служила таким же местом сбора женского населения города, каким для мужчин была кузница или таверна. За стиркой прачки поддразнивали и вышучивали друг друга, пели, наконец, самозабвенно перемывали косточки друзьям и зна-

КОМЫМ.

Пока прачка занималась своим делом, Хаго решил убраться подальше от миазмов, которые распространял общественный туалет. Он отошел в сторонку и прилег в высокой траве на холмике, поросшем кустарником.

Полянка, где расположился Хаго, была совершенно прелестной – сплошь устеленная цветочным ковром и мягкой травкой. Закинув руки за голову, мальчик мечтательно уставился на небо, где небольшие тучки устроили хоровод. В Аахене ему редко выпадала возможность остаться наедине с природой, и он наслаждался пением птиц, жужжанием пчел и ароматами разнотравья.

Спустя какое-то время сонная нега смежила его веки, и он задремал. Ему приснился цветной сон, в который Хаго окунулся как в водоворот. Но финал сновидения оказался тревожным. На него надвигалась черная туча, которую кромсали молнии, и приятное томление сменилось поначалу тревожным чувством надвигающейся беды, а затем мальчика и вовсе охватил беспричинный страх.

Из тучи появилось страшилище, которое злобно скалилось и протягивало к нему длинные мохнатые руки. Сделав над собой огромное усилие, Хаго вырвал себя из объятий сонного забытья и открыл глаза.

В мире ничего не изменилось. Но тревога, угнездившаяся в душе мальчика, только усилилась. И вскоре стало понятно, по какой причине.

За стеной кустарника шел тихий разговор. Но он прозвучал в голове мальчика как трубы Страшного суда. Совсем рядом с ним находились Бамбер и Вим! Они негромко обговаривали какую-то каверзу, очередное разбойное нападение.

Опасаясь лишней раз шевельнуться, Хаго немного успокоился и прислушался. Из-за того, что у подручных скупщика краденого пропали деньги, которые они получили на дороге от херра Альдульфа, Бамбер и Вим оказались в весьма затруднительном положении и в связи с этим решили поправить свои финансовые дела. Спустя какое-то время бандиты договорились, как это сделать, и ушли. Их голоса удалились, а на лице юного воришки появилась коварная ухмылка.

Не мешкая, он вскочил на ноги и побежал к прачке, которая уже закончила постирушку и расстелила белье и вещи Себальда и Геррика на травке для просушки. Этот процесс обещался быть длительным, поэтому Хаго не стал дожидаться его окончания. Наказав женщине доставить вещи на постоянный двор после обеда и дав ей монетку, чтобы она наняла носильщика, он с примерной прытью помчался по тропинке, которая вела к воротам Кремоны...

Меняла Абрахам Ашер Леви любовно пересматривал монеты, которые кучкой высились перед ним на столе, обитом зеленым сукном. Такой стол, на котором обычно и происходили обменные операции, в Италии назывался «банко».

Собственно говоря, менялу-сефарда, променявшего знойную Испанию, в которой ему стало тесно из-за боль-

шой конкуренции между братьями по ремеслу, на такую же жаркую Италию, где после длительных войн начала оживляться торговля, так и прозвали – «дель Банко». Мало кто знал его настоящее имя.

Дель Банко занимался тем, что у сарацин называлось «накада» – сортировал монеты, отбирая полновесные и добротные от плохих и легковесных. Он взвешивал монеты на миниатюрных рычажных весах и раскладывал их на кучки.

Деньги одного номинала, по идее, должны были иметь одинаковую покупательную способность, тем не менее монеты различались по весу. Какие-то неизвестные шлемазлы, которым все мало, пользуясь тем, что золотые и серебряные монеты выходили из-под чекана неправильной, некруглой формы, отщипывали от них по крохотному кусочку. С виду монета как монета, но вес-то у нее другой.

Поэтому Абрахам дель Банко отбирал монеты потяжелее, чтобы положить их в сундук, – свою личную казну, где хранился неприкосновенный запас на «черный день», – а остальные намеревался пустить в оборот.

В отличие от многих других менял, которые располагались прямо на центральной улице и площадях города, а также возле рынков и в порту, у дель Банко была небольшая конторка на глухой окраине Кремоны, напротив сквера. Тем не менее он вел дела с размахом.

Купцы и капитаны торговых судов хорошо знали дель Банко и шли к нему рыбьими косяками. Абрахам имел со сво-

его ремесла очень даже неплохой гешефт. Многие менялы ему завидовали и никогда не упускали возможность подставить ножку. Но дель Банко трудно было провести на мякине, тем более что он придумал оригинальный способ избавить купцов, мореплавателей и вообще всех путешествующих от тяжких забот, связанных с сохранением денег.

Абрахам Ашер Леви дель Банко создал в основных портах Средиземного моря множество еврейских меняльных контор, которые принимали звонкую монету, а взамен выдавали невзрачный кусочек пергамента с начертанными на нем непонятными знаками и рельефным оттиском печати.

Зашив этот кусочек отменно вычищенной кожи в камзол, а то и нижнее белье, купец, пилигрим или какой-нибудь морской скиталец безбоязненно отправлялся в путь, полный непредсказуемости и большого риска, с полной уверенностью, что его сбережения останутся в целости и сохранности.

Прибыв к месту назначения, путешественник обращался в меняльную контору, адрес которой дал ему дель Банко, и там ему выдавали ту сумму, которую он оставил у хитроумного Абрахама. Естественно, предварительно отсчитав процент за услугу...

В кучке на зеленом сукне «банко» были не только солиды ромеев, но и золотые триенсы⁵², которые чеканила церковь

⁵² Триенс – первоначально древнеримская бронзовая монета, равная 1/3 асса или 4 унциям. Затем древнеримская и византийская золотая монета, равная соответственно 1/3 ауреуса или солида (в Древнем Риме ее второе название – тремисс, в Византии она обычно называлась тремиссисом). Так же назывались сред-

святого Мартина во Франции, серебряные денарии английского короля Этельреда II, сарацинские дирхемы – крупные серебряные монеты с замысловатой вязью, которые были в особой чести у мореплавателей. . .

Обычно монастыри большую часть своих монетных доходов, а также золотые и серебряные слитки превращали в произведения искусства, спрятанные в хранилищах богоугодных заведений. Эти предметы переплавляли в монеты, когда возникала в них нужда; святые отцы (и не только) мало ценили работу золотых дел мастеров.

В отличие от них Абрахам Ашер Леви дель Банко понимал толк в красоте изделий, особенно тех, которые выходили из рук выдающихся ювелиров. Кроме того, он собирал и различные древности, в особенности греческие, – естественно, сработанные из драгоценных металлов.

Все это добро Абрахам держал в своей подземной сокровищнице, куда никто не имел доступа. С каждым годом старинные раритеты становились дороже, и меняла раз в полгода с большим удовольствием подсчитывал, насколько выросло его состояние.

Самой ходовой золотой монетой в Европе был триенс – треть золотого солида. У вестготов первым посмел выпустить в обращение триенс со своим титулом и изображением на аверсе король Леовигильд; его чеканили вплоть до арабского завоевания в начале VIII века. Что касается лангобар-

дов, то они стали чеканить монету с именем своего короля только со времен Ротари в виде золотого солида уменьшенного веса.

В Британии в начале VII века англосаксы выпустили в обращение в Кенте золотые монеты по образцу римских. Но вскоре золотые монеты были заменены серебряными – сцетами. А королевская монополия на чеканку монет вскоре исчезла. Во всей Европе. На монеты наносили уже не имя короля, а имена производителей разрешенной монеты, которых становилось все больше. Это были дворцовые чиновники, золотых дел мастера, церкви и епископы, владельцы больших поместий. Были даже монетчики-бродяги. Число чеканщиков монет в одной только Галлии превышало полторы тысячи.

Разобраться во всем этом многообразии было нелегко. Это могли сделать только менялы высокого класса, к которым принадлежал и Абрахам Ашер Леви дель Банко. Поэтому с ним старались иметь дело самые богатые и именитые купцы...

Увлечшись разглядыванием, взвешиванием и оценкой монет, дель Банко не расслышал, как над входной дверью робко тренькнул миниатюрный звонок. Его изобрел меняла, который из разумной предосторожности держал дверь конторы запертой. Достойный муж громко объявит о своем визите, а остальным, в особенности тем, у кого имеются дурные намерения, вход был заказан.

На контору дель Банко многие точили зубы. Он был самым богатым менялой Кремоны, и, конечно же, воры и грабители никак не могли спокойно пройти мимо этого факта. Поэтому Абрахам принял ряд предосторожностей, которые не позволяли застать его врасплох.

На городскую стражу надежды не было никакой, и дель Банко завел личную охрану в количестве двух человек. Один из его телохранителей – Ансельмо – к тому же являлся его дальним родственником и ближайшим помощником, подмастерьем, которого меняла обучал своему ремеслу.

Но вот звонок затрещал громче – уже раздраженно. Дель Банко с трудом отвлекся от любимого занятия, быстро накрыл монеты куском материи и позвал:

– Ансельмо! Ты где, бездельник? Открой дверь. Да гляди в оба!

– А то как же... – проворчал подмастерье. – Можно и не напоминать... Пеллегрино, ты готов?

– Спрашиваешь... – послышался в ответ тонкий высокий голос. – Я всегда готов наspiговать любого своими дротиками.

Они разговаривали на «ладино» – странном наречии своей родины, Испании, в котором была масса иудейских слов.

Щелкнула задвижка, в стене напротив входной двери открылось небольшое отверстие, откуда выглянул наконечник арбалетного болта. Пеллегрино был отменным стрелком, поэтому Ансельмо безбоязненно отодвинул засов, распахнул

входную дверь и быстро отступил в сторону, чтобы не загроживать цель.

В дверном проеме появился богато одетый мужчина средних лет. Позади него виднелся вооруженный слуга – скорее, телохранитель, – который держал в руках объемистый тяжелый мешок. Мужчина был незнаком мне, но на лице Абрахама засияла приветливая улыбка – словно он встретил старого доброго друга.

– Синьор, прошу вас, входите! – елейным голосом пролепетал мне, и купчина (а в том, что его новый клиент принадлежит к торговому сословию, у дель Банко не было сомнений) неторопливо прошествовал к «банко», где его уже ждало креслице, услужливо поданное Ансельмо.

– Томазо Грассо, – представился купец с таким видом, будто он по меньшей мере был сенешалем⁵³.

Это имя для Абрахама было смутно знакомым, и он вспомнил, кто такой Томазо Грассо. Подсказку дал ему длинный шрам на левой щеке, который, на удивление, совсем не портил облик купца, а придавал ему мужественный, воинственный вид.

Томазо Грассо в большей степени был пиратом, нежели купцом. Торговля и грабеж в купеческой среде нередко шли рука об руку. Если грабительская операция заканчивалась неудачно, купец готов был торговать или обменивать заранее

⁵³ Сенешаль – в Западной Европе одна из высших придворных должностей в X–XII вв., сановник, заведовавший внутренним распорядком при дворе.

припасенные товары на нужные ему вещи. Но ежели чисто торговая поездка не давала желаемых плодов, купец-пират мог просто-напросто ограбить местных жителей.

Купцы, не брезговавшие разбоем, всегда находились на чеку. Отправляясь в путь по торговым делам, они подвергали себя множеству опасностей и лишений. Морские путешествия были очень рискованными: тут и «морская болезнь», и бунт вечно недовольных матросов, и шторма, ежегодно отправлявшие на дно десятки купеческих судов. Купец, чьи товары после крушения судна волны выбрасывали на берег, был вынужден уступать свое добро местному феодалу, в неволю к которому могли попасть и спасшиеся люди.

Не меньше трудностей испытывал купец, передвигавшийся по суше. Дороги чаще всего находились в плачевном состоянии. Проложенные по глинистой или болотистой почве, после каждого дождя они превращались в грязную топь с бесчисленными рытвинами и ямами. Лошади проваливались в них по грудь, а повозки вязли по ступицу. Большинство рек приходилось преодолевать вброд, рискуя испортить товары. Каменные или деревянные мосты встречались крайне редко, а за проезд по ним приходилось платить дорожную пошлину и «мостовые» деньги.

Но даже уплата всех этих денег не защищала торговые караваны от нападений и грабежей. Сельская местность кишела беглыми солдатами и бродягами. Всякий путник мог подвергнуться нападению разбойничьих шаек, особенно ес-

ли при нем было много денег или товара. Да и прибывшего к цели своего путешествия купца ожидал далеко не радушный прием. Во многих городах местные ремесленники сами торговали своими изделиями, а товар приезжих негоциантов скупался лишь оптом, в ограниченном количестве и в строго определенное время.

Томазо Грассо был одним из немногих купцов, которые не только не боялись опасностей, но и сознательно шли им навстречу.

Одет он был богато – в тунику из венецианского шелка с набивным рисунком, подпоясанную в талии широким поясом с серебряными украшениями, и шерстяную накидку из дорогого английского шарлаха красного цвета, застегнутую на правом плече золотым аграфом с большим драгоценным камнем. Накидка скрывала великолепную восточную кольчугу, цена которой была не меньше, чем панциря. А на поясе висел внушительного вида кинжал в дорогих ножнах.

Не менее грозно выглядел и слуга купца. Он был без доспехов, вооружен только ножом, но его разбойничья физиономия и широченные плечи поневоле вызывали душевный трепет. Меняла даже заерзал на сиденье и бросил быстрый взгляд на Ансельмо, который держался несколько в стороне. Подмастерье на мгновение смежил веки – мол, все в порядке, и я, и Пеллегрино настороже.

Глава 7. Хитрый замысел

Но оставим менялу и купца-пирата Томазо Грассо заниматься своими проблемами и вернемся к Хаго. Самым удивительным было то, что в это время он находился совсем рядом с почтенным Абрахамом дель Банко и его опасным клиентом!

Юный воришка устроился напротив дома менялы, затаившись в зарослях вереска, которые создавали вокруг сквера оправу из гроздьев мелких светло-фиолетовых цветов. Вереск сильно разросся, и замаскироваться в его кущах не представляло большой проблемы для худосочного юркого мальчишки.

Он наблюдал не только за домом дель Банко. Неподалеку от того места, где притаился Хаго, находился полуразрушенный павильон. Он был очень древний и разваливался от старости. Городские власти Кремоны решили построить на его месте новый, помпезный, даже завезли необходимый строительный материал, но работы пока не начались.

Все дело упиралось в пустующую казну, которая щедро наполнялась только во время ярмарки. А это знаменательное событие, сравнимое лишь с большим церковным праздником, должно было состояться на днях.

В данный момент павильон, привычное обиталище бездомных кремонских котов и ласточек, не пустовал. Его об-

любовали Бамбер и Вим. Им тоже приглянулся дом менялы, за которым они наблюдали с самого утра. Тайны в этом для Хаго не было – бандиты сговорились поправить свои денежные дела, ограбив какого-нибудь богатого клиента Абрахама дель Банко.

Но в их раскинутые сети шла в основном мелюзга – местные рыночные торговцы, которые меняли всего несколько монет. Их тощие кошельки не привлекали внимание Бамбера и Вима, лишь вызывали злость и раздражение. Это было понятно – вместо того, чтобы сидеть в прохладе какой-нибудь таверны, коих в Кремоне насчитывалось не менее полусотни, и пить доброе вино, которым славилась Италия, они должны были торчать среди нагромождения битого камня и прочего мусора, изрядно пахнущего кошачьим дерьмом.

Появление Томазо Грассо, которого сопровождал слуга с тяжелым мешком, вызвало среди подручных херра Альдульфа приятное оживление. Перехватить «жирного карася» на пороге дома менялы они не успели; как раз в это время бандиты допивали кувшин дешевой кислятины, купленный по случаю, – на более дорогой напиток у них просто не хватило денег. И это обстоятельство сильно их раздражало, поэтому, сидя в засаде, они «развлекались» ссорами. Еще и по этой причине грабители заметили Томазо Грассо лишь тогда, когда купец дернул за шнур дверного звонка. (Меняла терпеть не мог молотка, которым стучали в дверь; он пугался громких звуков, сбивавших его со счета.)

Со своего места Хаго видел фигуры приспешников херра Альдульфа. Он сразу заметил оживление, которое вызвал своим появлением купец.

Сердечко юного хитреца застучало с такой силой, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Его замысел сработал, но как довести задумку до конца?

Капитан, начальник стражи, казармы которой находились возле главных ворот Кремоны, когда Хаго рассказал ему про бандитов, которые намеревались ограбить какого-нибудь богатея, рассмеялся в ответ. Разных злоумышленников в городе хватает, за всеми не набегаяешься, поэтому дуй отсюда, мальчик, пока я добрый. Примерно так ответил капитан, и на этом аудиенция была закончена.

Тогда Хаго стал думать. Он пытался сообразить, в каком месте Бамбер и Вим совершат разбойное нападение. И вспомнил, что в подслушанном на берегу реки разговоре они упомянули какого-то дель Банко. Но кто это?

Выяснить, кому принадлежит это имя, оказалось проще простого. Еврея-менялу Абрахама дель Банко знали многие кременцы. А когда Хаго разведал обстановку возле его дома, то утвердился в мысли, что более удобного места для разбойного нападения во всей Кремоне не сыскать.

Хаго забрался в заросли вереска с раннего утра. Проследить за бандитами он не имел никакой возможности, тем более что они убрались из постоянного двора (где их искать?), поэтому мальчик решил дожидаться Бамбера и Вима на ме-

сте. Он так уверился в правильности своего предположения, что совсем не удивился, увидев знакомые физиономии.

Бандиты забрались в павильон перед полуденной мессой. Видимо, кто-то их надоумил, что Абрахам дель Банко открывает свои закрома ближе к обеду – меняла вставал поздно.

Мальчик постарался успокоиться. Он достал из сумки свой арбалет, наступил на стремя, натянул широкую тетиву (узкая резала пальцы), закрепил ее в «орехе», представлявшем собой шайбу с прорезью для хвостовика болта и с зацепом для тетивы, и зафиксировал пружиной. Болты он подбирал с особой тщательностью, ведь очень многое зависело от точности выстрела.

Миниатюрное оружие Хаго имело небольшую дальность поражения, но этого было вполне достаточно, чтобы с полной уверенностью поразить цель на расстоянии в сто локтей⁵⁴. А большего в данном случае и не требовалось – и дом менялы, и павильон находились совсем рядом от того места, где затаился юный храбрец.

Наконец после томительного ожидания дверь дома дель Банко отворилась, и на улице появился купец, за которым топал слуга с изрядно отощавшим мешком. Купец-пират был доволен. Он удачно обменял объемистые золотые и серебряные изделия, имевшие сомнительное происхождение, на со-

⁵⁴ Локоть – единица измерения длины, не имеющая определенного значения и примерно соответствующая расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца руки (примерно 50–55 см).

лиды ромеев, занимавшие немного места. Монеты не пахли кровью и не могли рассказать историю своих приключений.

Ансельмо, исполнявший роль привратника, сказал вслед Томазо Грассо что-то приятное и поторопился спрятаться внутри дома. С того места, где находился Хаго, хорошо было слышно, как звякнул тяжелый засов.

Грабители выскочили из засады молниеносно. Сверкнул нож Бамбера, и слуга-телохранитель купца упал, обливаясь кровью. Удовлетворенный удачной сделкой, Томазо Грассо утратил бдительность, и если бы не кольчуга, лежать бы ему рядом со слугой. Клинок Вима лишь разрезал плащ купца, звякнув о металл.

Томазо Грассо сориентировался быстро. Сказывалась пиратская выучка. Мгновение, и в его руках оказался длинный кинжал, с которым он управлялся мастерски.

Завязалась схватка на ножах. Купец-пират, несмотря на свою внушительную фигуру, вертелся как мелкий бес, отражая наскоки бандитов. Но Бамбер и Вим тоже были искушены в подобных драках. Они успели несколько раз достать Томазо Грассо, которого от ранения спасла лишь кольчуга. Купец в отчаянии бросился к двери менялы и начал дергать за веревку дверного звонка, надеясь на помощь, однако выглянувший в крохотное зарешеченное оконце Ансельмо тут же его и захлопнул.

Дело Абрахама дель Банко не терпело суеты и огласки. Быть свидетелем смертоубийства в таком небольшом город-

ке, как Кремона, значило потерять доверие клиентов. Ведь в процессе судебного производства могли вскрыться кое-какие вещи, связанные с профессией дель Банко, о которых нельзя было говорить даже шепотом.

Наконец Хаго дождался удобного момента. Мельтешения сражающихся не позволяли точно прицелиться, и только когда купец оторвался от бандитов, побежав к дому менялы и оставив бандитов позади, мальчик затаил на мгновение дыхание и нажал на спусковой рычаг. Бамбер по инерции сделал шаг вперед и с изумлением уставился на внезапно выросший посреди живота остро заточенный шип (болт пронзил его насквозь). А затем он тихо простонал, его длинная фигура сложилась как наваха, складной испанский нож простолоудинов, и бандит рухнул на землю.

Томазо Грассо несколько опешил от неожиданной удачи. Он даже бросил быстрый взгляд на небо – уж не сам ли Господь озаботился его участью, послав ему на помощь ангела-стрелка? Но улица была все так же пустынна, а дверь дома менялы напоминала крепостные ворота, запертые по случаю вражеской осады.

В отличие от купца Вим не стал фантазировать. Он был человеком конкретным. Его товарищ убит – неважно кем, – а значит, дело не выгорело и пора давать деру. Вим уже успел отметить про себя, что предполагаемая жертва превосходно обращается со своим длинным кинжалом, так что одному ему против купца не выстоять. Крутанувшись на месте, бан-

дит с неожиданной прытью бросился бежать.

Этого нельзя было допустить ни в коем случае! Вим должен умереть! Иначе он продолжит преследование! С этой мыслью Хаго, который уже успел перезарядить арбалет, мгновенно прицелился, но выстрелить не успел.

Хищно оскалившись, Томазо Грассо подбросил кинжал вверх, перехватил его за клинок поближе к острию и с силой метнул вдогонку бандиту. Кинжал вонзился в спину Вима точно между лопаток. Бандит умер раньше, чем его тело коснулось земли.

Купец-пират довольно ослабился – он не любил оставлять такие дела незавершенными. Но уже в следующий момент Томазо Грассо бросился к толстому дереву, которое росло рядом с домом менялы, и спрятался за его толстым стволом. Он сообразил, что стрелок притаился в зарослях вереска, и ему не хотелось лечь рядом с грабителями.

Кто знает, что на уме у неизвестного спасителя...

Хаго понял ход мыслей купца. Он сам поступил бы точно так же. Немного поразмыслив, мальчик кивнул головой, соглашаясь со своими мыслями, и решительно вышел из кустов на улицу, держа арбалет под рукой. Купец может быть ему полезен, а значит, неплохо свести с ним знакомство. Юный хитрец не без основания предполагал, что благодарность спасенного от верной смерти сослужит ему хорошую службу. Если, конечно, человек не отъявленный негодяй...

– Мессир, вам нечего опасаться! – сказал Хаго улыбаясь.

У Томазо Грассо глаза полезли на лоб от изумления. Его спасителем оказался какой-то заморыш! Или все же это ангел в человеческом обличье?

Купец, как почти все представители его основной – торговой – профессии, был истинно верующим. Он выстаивал длинные мессы, причащался, приносил в церковь богатые дары, не забывая при этом и нищих попрошаек, толпившихся на паперти. Но когда проявлялась его вторая, пиратская, натура, Томазо Грассо был безжалостен и кровожаден.

Под его рукой находилось пять судов – два грузовых когга⁵⁵ и три хорошо вооруженных быстроходных хюлька⁵⁶. В любой момент эти мирные с виду купеческие посудины могли превратиться в флотилию морских пиратов, стремительную и беспощадную. Томазо Грассо никогда не оставлял свидетелей разбойного нападения. Добычу перегружали во вместительные трюмы коггов, а плененных матросов и захваченные суда отправляли на дно. Если на них не находилось покупателей среди других пиратствующих купцов.

В таких случаях на судне меняли надстройки, чтобы его

⁵⁵ Когг – в X веке высокобортное, палубное, одномачтовое судно с навесным рулем и мощным набором корпуса. Наибольшая длина судна до 30 м, ширина около 7 м, осадка – 3 м, грузоподъемность – до 200 т. На ахтерштевне крепилась платформа для стрелков с зубчатым ограждением. Форштевень заканчивался наклонной мачтой – бушпритом, служившим для растяжки паруса спереди.

⁵⁶ Хюльк, холк, халк – в X веке одномачтовое судно с прямым парусом. Имело круглое дно, низкие борта и длинный бак. Хюльки не были оснащены рулем, ими управляли при помощи двух весел, расположенных на корме и носу.

нельзя было опознать, перекрашивали в другой цвет, а иногда, чтобы замылить глаза тем, кто знал прежнего владельца посуды, даже золотили некоторые детали и давали ему другое название.

Несколько раз Томазо Грассо встречался с норманнами⁵⁷ – морскими разбойниками Севера. После двух сражений, которые закончились поражением норманнов, они уважали итальянского купца и больше ему не докучали.

Но вот с пиратствующими фризами⁵⁸ ему не хотелось бы схлестнуться в бою. Они были настырными, как гончие псы, и нередко нападали на значительно превосходящие силы противника. Безо всякого защитного снаряжения, обнаженные до пояса и раскрашенные черными, желтыми и красными полосами, фризы при нападении были как взбесившиеся волки, наводя ужас на матросов.

– Это... твоих рук работа? – наконец сподобился молвить огорошенный купец, указав на сраженного арбалетным болтом Бамбера.

– Да, ваша милость, – не без гордости ответил Хаго и про-

⁵⁷ Норманны – «Северные люди». Термин, использовавшийся по отношению к скандинавам, опустошавшим с VIII по XI век морскими разбойничьими набегами государства Западной Европы.

⁵⁸ Фризы – германское племя. Фризы были соседями саксов и занимали Буртангское болото, т. е. пространство между нынешними Зюдерзее и Эмсом. Эта область до фризов была заселена кельтами. Вероятно, фризы пришли с востока, из северных фрисландских и дитмарских болот на западной прибрежной полосе Шлезвиг-Голштинии.

демонстрировал купцу свое оружие.

Здесь нужно сказать, что арбалет был ворованным. Такие игрушки стоили баснословно дорого, притом они были больших размеров, что не устраивало мальчика. Обычно на рынке арбалеты появлялись благодаря купцам Востока.

Арбалет превосходил лук по точности стрельбы и убойной силе, но сильно проигрывал по скорострельности. Поэтому у военных самострелы не пользовались спросом. Их смущало еще и то, что арбалетчик не мог участвовать в рукопашном бою – громоздкое оружие мешало. Стрелков из арбалета требовалось прикрывать, а это в бою не всегда получалось.

Хаго стащил арбалет у восточного торговца. Смуглолицый тучный мужчина в непривычном для европейцев пестром одеянии и с большой черной бородищей, заплетенной в косички, вызвал большой интерес на ярмарке. Возле его прилавка толпилась масса народа. Торговцу было что предложить аахенцам: шелковые ткани, тирский пурпур, узорчатые полотна, изделия из олова, сандаловое дерево, мускатные орехи (они были просто бесценными!), различные амулеты из диковинных драгоценных камней, и еще много разных товаров, которые редко появлялись на рынках Священной Римской империи.

Арбалет находился несколько в стороне от других товаров – в руках телохранителя купца, изрядно обоженного солнцем мрачного малого с разбойной физиономией. Наверное,

ночью он плохо спал, потому как все время зевал. Наконец слуга купца не выдержал испытания сонным состоянием и присел на тук с товарами.

У Хаго загорелись глаза. Он редко воровал на рынках, но ярмарки были исключением. Арбалет сразу ему понравился. Иметь такое миниатюрное оружие для самозащиты – лучшего и желать не нужно. Солнце пригревало, и телохранитель, убаюканный несмолкающим говором покупателей, наконец сомкнул вежды, положив арбалет рядом с собой.

Хаго только этого и ждал. Арбалет словно растворился в воздухе; он исчез так быстро и неожиданно, что стоявший неподалеку от места происшествия житель Аахена – из праздношатающихся с тощим кошельком, которым лишь бы попятиться на заморские диковинки, – даже глаза протер в испуге. Уж не мерещится ли ему?! Ведь самострел, похожий на игрушку, только что лежал подле изрядно загоревшего сарацина, который уже начал похрапывать, а теперь его нет. Или арбалет ему привиделся?

Решив, что виной всему горячее солнце, которое уже забралось почти на самый верх небесной сферы, аахенец, чтобы избавиться от наваждения, поторопился отойти в тень. А именно – направился в рыночную таверну, где продавалось недорогое охлажденное вино. Там он долго сидел в полной задумчивости, стараясь собраться с мыслями. Так был самострел или нет?

Но так ничего и не придумав, он оставил последнюю мо-

нету в липких руках хозяина таверны и медленно побрел домой, время от времени сокрушенно покачивая головой...

– Надо же... – Тут Томазо Грассо перевел взгляд на арбалет. – Какое превосходное оружие! – воскликнул он. – Возьму на заметку.

Хаго промолчал. Сказать ему было нечего. Мальчик торжествовал. Его хитрый замысел убрать бандитов, которые шли по пятам, удался, чего еще желать? В этот момент юному пройдохе больше всего хотелось побыстрее убраться с места происшествия, пока не появилась городская стража. Иначе начнутся разбирательства, и они могут затянуться надолго. Что было и вовсе скверно. Ведь рыцари могут отправиться в путешествие без него. Как тогда быть?

Похоже, купец понял, что творится в душе мальчишки.

– Я искренне тебе благодарен. Ты спас мне жизнь, поэтому я твой должник. Как тебя зовут? Хаго... – Купец улыбнулся. – А я Томазо Грассо. Купец и владелец небольшой флотилии. Не хочешь испытать вольной жизни на морских просторах? Готов взять тебя своим пажом. Через год-два ты станешь моим оруженосцем, а затем и богатым синьором. Это я гарантирую.

– Спасибо за любезное предложение, мессир... – Хаго вежливо поклонился. – Но я уже паж одного рыцаря. Негоже менять хозяев, как перчатки.

– Умен... – Томазо Грассо в восхищении прищелкнул языком. – Уверен, мы с тобой жили бы душа в душу. Но коли

так, вольному воля. Ты уходи, – вижу, твои ноги сами просятся убратся отсюда подальше, – а я тут сам разберусь с властями. Но прежде, чем мы расстанемся, я хочу тебя отблагодарить не только словами...

Томазо Грассо развязал мешок, который нес убиенный телохранитель, достал оттуда полную пригоршню золотых солидов и протянул их мальчишке.

– Держи! – сказа он. – Заслужил. Уж не знаю, по какой причине ты таился в кустах, – это меня не касается, – но твой благородный поступок должен быть вознагражден.

Хаго не стал отказываться от денег. Еще чего! Всякое благородство должно иметь предел. У него даже глаза засияли, когда он мысленно прикинул, сколько ему привалило от щедрот купца.

Это же надо, как все здорово получилось! Ему удалось не только избавиться от слежки, но и стать богачом! На деньги, которые он украл у Вима и которые дал ему купец, он теперь сможет купить себе дом подальше от Аахена, где его знают многие, и зажить, как все добропорядочные люди.

А если ему удастся заполучить то, за чем охотились рыцари...

Дальше мальчик додумывать не стал. Мечты – это хорошо, но пора было смываться. Хаго снова нырнул в сквер, перебрался на следующую улицу и был таков.

Томазо Грассо улыбнулся, глядя ему вслед, затем подошел к поверженному Бамберу, вытащил болт из живота

мертвеца и закинул его подальше в кусты. Это чтобы у начальника городской стражи, доброго знакомого купца, который будет разбираться с происшествием, не возникало лишних вопросов...

Хаго застал рыцарей в полном умиротворении. Епископ Лиутпранд принял их весьма любезно и с удовольствием записал в состав охраны посольства, так как рыцарей там было немного. Мало кого из дворян прельщала возможность дальнего и, конечно же, опасного путешествия, тем более что нужно было восстанавливать свои замки и поместья, разрушенные длительной войной.

К тому же прижимистый епископ платил довольно скудное жалование, что и вовсе отбивало охоту у небогатых рыцарей отправляться к черту на кулички. А состоятельные господа были озабочены придворными интригами и иными «забавами» аристократии Священной Римской империи.

Оставив господ бражничать в таверне, Хаго отправился в свой чулан, где уже храпел оруженосец Геррика. Бесцеремонно подвинув Горста, мальчик лег на сенник, брошенный на пол, и спустя некоторое время уснул крепким сном. Он настолько устал от выпавших на его долю в этот день приключений, что даже не помолился.

Несмотря на свою «профессию», которая вступала в явное противоречие с Господними заповедями «Не укради» и «Не убий», Хаго не забывал ублажать всех святых, жертвуя на церковь и раздавая подаяния нищим. Последнее он делал

с особенным удовольствием, памятуя, как и сам одно время был городским побирушкой.

На следующий день рыцари решили посетить ярмарку. Она считалась большим событием для Кремоны. На ярмарку свозили зерно, вино, ткани из небольших городков и деревень горожане и крестьяне, и приезжали купцы делать оптовые закупки товаров, чтобы везти их дальше, на более крупное торжище. Во время больших торгов старались поддерживать мир и порядок, а нарушителя нередко судил особый купеческий суд.

Купцам предоставлялась полная свобода торговли, без каких-либо ограничений со стороны государя или местных торговцев. А иноземные купцы находились под особым покровительством правителя страны, и для их привлечения на ярмарку им давались особые привилегии. Но путь на ярмарку был опасен и нелегок.

На суше купцов грабили «благородные» разбойники – рыцари, на море их подстерегали пираты, а за проезд через владения синьоров, за пользование мостами и переправами приходилось платить много пошлин. Чтобы увеличить свои доходы, графы и бароны ставили мосты на сухих местах, и даже требовали плату за пыль, поднимаемую повозками купцов.

Дороги были узкими и немощеными; весной и осенью на них стояла непролазная грязь. Повозки часто ломались, и товар, упавший на землю, становился добычей ее владельца.

Среди купцов бытовала печальная поговорка: «Что с воза упало, то пропало». Если груз с разбитого бурей судна выбрасывало волной на берег, уцелевшие товары присваивал синьор, владелец прибрежной полосы. И никакой суд не мог помочь горемычному купцу в таком случае.

Обычно ярмарки устраивались по очереди. В Европе главными были Шампанские ярмарки. Их проводили в четырех разных городах Шампанского графства. Шампань соединяла Англию с Италией, а также Фландрию с Германией, гранича с промышленным фламандским районом с одной стороны и хлебобродными и винодельными областями Германии – с другой. Через Шампань протекали крупные реки Сена и Маас, а до ее границ доходили Сонна на юге и Мозель на востоке.

Шесть ярмарок в Шампани действовали в четырех городах. Начинались они в июне в Труа, расположенном на Сене, продолжались в Бри в Провансе, затем опять в Труа, переходили в города Ланьи на реке Марна и Бар на реке Об и завершались в Бри. С небольшим перерывом ярмарки занимали почти круглый год. Одни длились неделю, другие – три недели, третьи – месяц... Если учесть время на дорогу – а его уходило немало – и на то, чтобы побывать дома, то купец мог объехать за год всего шесть-восемь ярмарок.

Порядок проведения ярмарок был неизменным. В первую неделю производилась распаковка и раскладка товаров. На девятый день начиналась суконная ярмарка, на которой про-

давались ковры из Фландрии и Пикардии, французские и немецкие полотна, бумажные ткани с юга и востока, шелка из Венеции и Ломбардии, индийский муслин, как грубое, так и тончайшее фламандское сукно. Вечером на десятый день суконная ярмарка закрывалась, и на другой день открывалась торговля кожаными и меховыми изделиями. С начала до конца ярмарки торговали весовыми товарами, а также скотом и лошадьми.

Что касается оружия, защитного снаряжения, ювелирных изделий и драгоценностей, то всем этим добром торговали с первого дня. Именно к оружейным лавкам и направились рыцари. Хаго потихоньку от них отстал; ему хотелось на глаз определить состоятельность кремонцев.

Нет, он не собирался воровать кошельки ротозеев; денег у него вполне хватало не только для расходов на путешествие в далекий Константинополь, но и на безбедную жизнь в будущем. Однако профессиональная привычка подмечать, где и что плохо лежит, была его второй натурой. Он мысленно представлял себя в «деле» и от этого испытывал приятное возбуждение – как от кубка доброго вина.

На удивление Хаго, ярмарка в небольшой по размерам Кремоне оказалась весьма представительной и богатой. Как оказалось, к ее становлению приложило руку местное аббатство. Этот факт юный воришка узнал из разговора двух крестьян.

Свои товары они не привезли на продажу, как можно было

ожидать, а притащили на собственном горбу. Хитрость этой ситуации заключалась в том, что крестьяне не платили налог в пользу аббатства с товара, который могли унести на спине. Другие же, ведя в поводу неподкованных лошадей, радовались, что экономят на этом одно денье⁵⁹ с каждой лошади, так как налог на подкованную лошадь составлял два денье.

В особенности привлекли внимание Хаго лавки, где торговали восточными пряностями – перцем, корицей и прочими приправами к пресной пище. Пряности взвешивали на миниатюрных весах и продавали небольшими порциями; они ценились на вес золота. По этой причине горожане в насмешку называли богатого человека «мешком перца».

В толпе у прилавков с пряностями Хаго быстро вычислил собрата по своей «профессии». Это был разбитной малый, одетый вполне прилично (а иначе его просто не подпустили бы к лавке, где торговали столь дорогим товаром). Держался он солидно, но его шустрые руки, казалось, жили отдельной жизнью.

Хаго не стал дожидаться, когда вор срежет кошелек у богатого покупателя. Малый был слишком напряжен, и это об-

⁵⁹ Денье – французская средневековая разменная монета, которая была в обращении во всей Западной Европе со времен Меровингов. Денье (новый денарий) впервые чеканился Пипином Коротким (752–768). 12 денье составляли счетную единицу солид (соль, су). Из каролингского фунта чистого серебра чеканили 240 монет весом около 1,7 г (действительный вес колебался от 1,44 до 1,79 г, диаметр монет 18–21 мм). После смерти Карла Великого стоимость и вес денье постоянно менялись.

стоятельство могло стоить ему жизни – воров в Италии не жаловали. По пути в Кремону Хаго несколько раз встречал виселицы, на которых болтались воры и грабители, о чем свидетельствовали дощечки с надписями на груди повешенных.

Уйти от наказания за воровство было очень сложно, если не сказать – невозможно. Принося присягу перед судом в подтверждение правдивости своих показаний, и обвинитель, и обвиняемый возлагали руку на Евангелие, клялись именем Бога или какого-нибудь святого. Для проверки виновности подсудимого применялась ордалия – «суд божий». Ему нужно было достать кольцо из кипятка, прыгнуть в реку с быстрым течением, его опускали в холодную воду связанным и тому подобное.

Выдержавший все эти испытания признавался оправданным, не выдержавший – виновным. Утонувший в реке считался оправданным – Бог его забрал в лучший мир, он раньше попал на небо. Если же бедняга не утонул, то следовала смертная казнь.

Испытание огнем состояло в том, что обвиняемый должен был держать руки на огне, проходить через горящий костер или держать руками раскаленное железо. Выдержать такие пытки мало кто мог...

Мальчик поторопился уйти подальше от лавок с пряностями, не желая быть участником переполоха, который обязательно случится, когда поймают вора. В таких случаях

стража старалась заполучить свидетелей и хватала всех подряд, а ему не хотелось попасть в допросную.

Вскоре он оказался возле столов, покрытых коврами; это между рядами купеческих лавок расположились менялы. За одним из столов сидел и Абрахам Ашер Леви. Меняла, пожалуй, самый богатый гражданин Кремоны конечно же не мог оказаться вдали от столь щедрого источника звонкой монеты. На ярмарку приезжали купцы издалека. Они могли не знать, кто из менял оказывает очень ценные услуги по сохранению денег. А для того чтобы купцам это стало известно, между лавками шныряли помощники дель Банко, которые назойливо предлагали его услуги.

Но Хаго уже не интересовал еврей-меняла. Его привлекли аппетитные запахи еды, которые витали над всем пространством, где проходила торговля, большей частью оптовая. Он даже не стал задерживаться возле площадки, где демонстрировали интересное представление менестрели и жонглеры, которые показывали фокусы, играли на различных музыкальных инструментах, пели и плясали.

Жонглеры вертели на двух ножах мячи, перебрасывая их с одного острия на другое, прыгали через четыре кольца, ходили на руках. Один из них прицепил рыжую бородищу, нарядился в костюм, представлявший ужасные лохмотья, и пугал зрителей. Другой развлекал честной народ ученым псом, который мог стоять на задних лапах и лаем угадывать числа. Третий ходил и скакал на веревке, протянутой от одного

столба к другому... В общем, поглазеть было на что, но зов голодного желудка властно тянул Хаго к лоткам со снедью.

Купив огромный пирог с мясной начинкой и кувшинчик дорогого вина (теперь Хаго мог себе это позволить), мальчик нашел свободное от людей и повозок место и принялся трапезничать. Юный хитрец был доволен своей оборотистостью. Он не только стал пажом рыцаря, за которым обязан был следить, но еще избавился и от надзора подручных херра Альдульфа, а также, ко всему прочему, совершенно неожиданно разбогател.

Жизнь была прекрасна и удивительна!

Digressio IV. Дом Жизни

Тот не любил свой дворец, который был похож на богато украшенную гробницу, постоянно напоминая ему, что вскоре он, как и его предшественники, отправится в Залы Аменты. Первые боги применяли для сооружения своих палат материал, который находился под руками. Это были глиняные кирпичи, высушенные на солнце, в отличие от храмов, которые строили из камня на века. Тот-Джехути не стал оригинальничать. Он тоже после вступления на трон возвел себе дворец из кирпича-сырца, хотя знал, как производится обожженный на огне.

Но одно дело Атталанта, где было много лесов и хватало дров для обжига не только керамических изделий – горшков, мисок, кувшинов, шкатулок, ваз и прочая, а другое – Та-Кемет, где древесины было мало и ценилась она очень высоко. Ведь в сухом климате леса росли долго, а привозить древесные стволы издалека было слишком накладно; естественно, за исключением красного и черного деревьев, стоивших очень дорого.

Ворота Пер-О, дворца Тота-Джехути, были изготовлены из очень прочного дерева, доставленного из Ханаана. Палаты делились на два больших сектора. Первый включал в себя парадные помещения Тота-Джехути и его семейства – тронный зал и большой зал для аудиенций, а также комнаты, ис-

пользуемые «Хозяином дворца» и «Главой регалий правителя», который руководил двором и всеми сложными церемониями. Он отвечал за гарем, многочисленных придворных дам, целую армию служащих, ремесленников, дворцовых рабочих, художников, врачей и парикмахеров. Рядом располагались «Высший суд» и «Палата работ» под управлением дворцового архитектора и строителя флота.

Второй сектор состоял из «Красного дома» (или «Дома вечности»), где находилось управление всеми храмами Та-Кемет, «Белого дома», отвечавшего за казну, «Дома войны», соединенного с армейскими казармами, и «Палаты печати», служащие которой занималась налогами и вели учет земель и различной собственности.

Вокруг дворца был разбит сад с большим прудом, воду в котором регулярно меняли. В садах росли завезенные из других стран деревья, неведомые в Та-Кемет: гранаты, пальмы, ивы, тисы, персики. Тот-Джехути любил наслаждаться в саду прохладой, спасаясь от палящего солнца. Оно было гораздо жарче, нежели на его родном острове среди Океаноса.

В этот день правителя Та-Кемет призвали посетить «Дом жизни». Он находился неподалеку от дворца, и Тот отправился туда ранним утром, по пути наслаждаясь свежим воздухом и росой – редким явлением на берегах Приносящей Ил. Тот-Джехути шел босиком, с наслаждением ощущая, как щекочет ступни тщательно подстриженная трава газона и как холодные капельки животворящей божественной росы

словно проникают сквозь кожу в кровь, принося бодрость и отменное настроение.

«Дом жизни» был учреждением, где наряду с математикой, астрономией, архитектурой и другими науками изучалось «необходимое искусство» – медицина. «Дом жизни» следил за здоровьем жителей Та-Кемет, за больницами и местами, где хранились и изобретались всевозможные лекарства.

Жрецы-медики, или «фармаки» (дарующие исцеление), лечили различные лихорадки, болезни живота, водянку, болезни ног и сердца, печени, дыхательных путей, язвы и прочее, не говоря уже о ранениях, полученных на поле боя. В качестве лекарственных средств применялись лук, чеснок, лотос, лен, мак, финики, виноград, сурьма, сода, сера, глина, свинец, селитра, а также обработанные соответствующим образом органы животных, кровь и молоко. Обычно лекарства приготавливались в виде настоев на молоке, меде и пиве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.